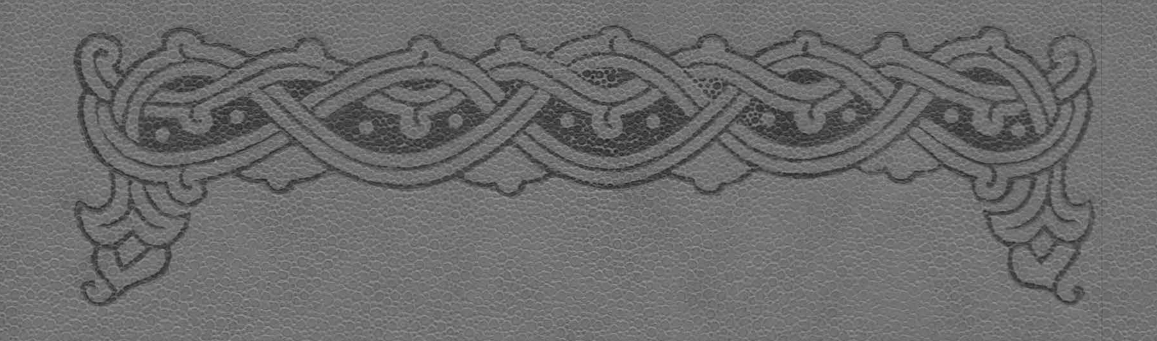
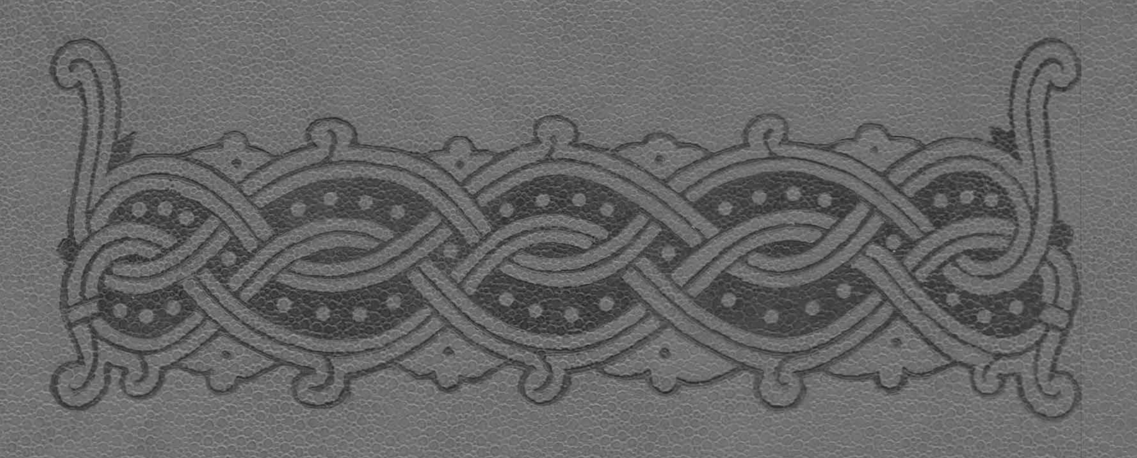

В. М. ГАЦАК

УСТНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ *во времени*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

В. М. ГАЦАК

УСТНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ *ВО ВРЕМЕНИ*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЭТИКИ

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
А. В. КУДИЯРОВ

МОСКВА · НАУКА ·
1989

ББК 83.3(2)
Г 12

Рецензенты:
кандидат исторических наук А. Л. Налепин
доктор филологических наук Ф. М. Селиванов

Гацак В. М.

Г 12 Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики.— М.: Наука, 1989.—256 с.
ISBN 5-02-011379-4

В поле зрения автора монографии – эпос народов Сибири (якутский, алтайский и др.) и иностадиальный по отношению к нему эпос народов Восточной и Юго-Восточной Европы – русский, южнославянский, восточнороманский. В первой части монографии исследуется изменяемость поэтики от одной эпической формации к другой, во второй – наследуемость эпической традиции.
Для литературоведов, историков, этнографов.

Г $\frac{4603000000-068}{042(02)-89}$ 481–89–1 ББК 83.3(2)

ISBN 5-02-011379-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

История эпоса едина, и не только в том смысле, что нет памятников, которые бы находились за ее пределами. Чем необычнее эпический феномен, тем ощутимее история эпоса обретает в нем себя. И тем рельефнее историко-поэтическое ее выражение. В сущности, из преемствий и различий (внутри одной эпической традиции и между разными формациями эпоса) и складывается историческая поэтика как сквозной объединяющий аспект и художественное «исчисление» движения эпоса во времени.

В поле зрения автора — эпос народов Восточной и Юго-Восточной Европы — русский, южнославянский, восточнороманский и стадиально «предшествующий» ему эпос народов Сибири (алтайский, бурятский, якутский, эвенкийский и др.).

В первой части исследуется изменяемость способов выражения образного освоения действительности от одной эпической формации к другой (от мифологизированного изображения к фигуративному). Разностадиальность явлений способствует выяснению последовательных состояний и различных моментов развития [1] поэтики эпоса, выявлению эволюции художественно-воззренческих принципов эпического изображения во времени и истории, определить ретроспективу поэтических средств историко-героического эпоса (от атрибутивных описаний до художественных уподоблений). Материалом наблюдений служат «совпадающие» моменты и художественные константы — «кадры, ячейки поэтической мысли» [Веселовский, 1940, 336]: «топосы длительности» и «хроноакты», «ипостаси» гнева героев и др. Особое внимание уделено вопросу об эволюции поэтики эпического историзма.

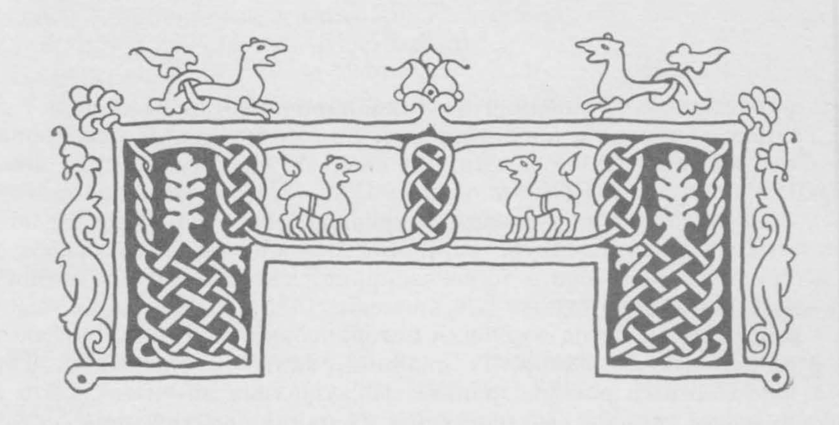
Надо отметить, что за последние десятилетия появилось немало исследований, посвященных поэтическому строю эпоса и песен разных народов Советского Союза. Вместе с национальными фольклорными корпусами они создают основу для сопоставительного изучения поэтики. Представляется принципиально важным осмыслить как существеннейший водораздел в художественной истории фольклора переход от мифологизирующей поэтики к поэтике демифологизированной. Исследования показывают, что диалектичность этого перехода становится определяющей для всей системы фольклорных жанров.

Подступы к теме настоящей работы шли как бы с двух противоположных направлений. В собирательских поездках, начиная с 1956 г., изучалось искусство эпических певцов в Карелии (певец былин Е. Б. Суриков, племянник Д. В. Суриковой, от которой делал записи А. Ф. Гильфердинг), Молдавии, Болгарии, Румынии и на этой основе возникли первые этюды об эпическом певце и его тексте [Гацак, 1971; Еп. ер.].

[1] см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 167.

С другой стороны, начиналось изучение поэтики историко-героического эпоса на фоне сибирских традиций [Гацак, 1973 и др.], чему в последние годы способствовало участие в подготовке серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». На определенном этапе оба направления встретились.

Сохраняемость эпической традиции во времени оказалась как бы продолжением процесса исторического складывания поэтической конфигурации эпоса и его фактуры. Поэтому во второй части монографии рассматривается наследуемость эпической традиции. Выясняются художественно-содержательные основы эпического знания и факторы его передаваемости из поколения в поколение. Этому служит сравнение разновременных записей от В. П. Щеголенка, Цв. Балтяновой, М. Константина, К. Стайку, осуществляемое по-новому (предложена методика сплошного «синоптического» сличения текстов для выявления всей картины соотношения композиционных и вербальных сходств и различий). Трансмиссия эпического знания (Стайку — Тицэ, Богданова — Рябинин-Андреев, Сивцев-Поромский и его продолжатели до 1950-х годов) впервые выявляется с привлечением двухкратных или трехкратных (а не разовых) записей. На такой основе раскрывается вековая вариантная профилированность произведений эпоса; варианты предстают как поэтическая реальность, сложившаяся исторически. Выявляются доказательства текстовой, словесно-воплощенной сохраняемости эпического произведения в памяти певца и передаваемости его из поколения в поколение. Будучи лишь первой публикацией по результатам разработки темы, книга, естественно, не претендует на исчерпывающее освещение затрагиваемых вопросов. Поэтому в итоговом разделе обозначаются некоторые аспекты, возникшие в ходе исследования, и намечаются возможные направления их разработки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

ВВЕДЕНИЕ

Историческое исследование поэтики народного эпоса в ряде существенных аспектов и плодотворных, но еще не вполне реализованных подходов определилось в трудах акад. А. Н. Веселовского. Выясняя «фазы развития эпики» [Веселовский, 1940, 271], прослеживая «изменения эпоса в исторической связи, от древних форм его развития до позднейших» [Веселовский, 1975, 293], Веселовский отводил особое место «характеристике эпического миросозерцания, насколько оно выявляется из разбора эпического стиля» [Веселовский, 1884—1886, л. 50]. Им предложен действенный метод изучения исторической поэтики: сопоставление разностадиальных фольклорных явлений, включая эпические. Так, он считал необходимым распространить исследование на эпические и лироэпические песни народов, сохранивших их ранние поэтические состояния. Специально акцентировал Веселовский целесообразность привлечения фольклора народов Сибири. В «Трех главах из исторической поэтики» он обращается к сибирской «медвежьей драме», находя, что она «всего ближе к началу развития» [1] [Веселовский, 1940, 292]. Свой интересный сравнительный этюд, обнаруживающий, как «пробегают все стадии развития» запечатленные в народной поэзии представления о «воздействии пения» — «от космического влияния песни до сентиментально-психологического [Там же, 332, 337, 343—346], Веселовский начинает, помимо «Гудруны», «Калевалы» и др., с якутской песни, приходя затем к былинам, а далее — к западноевропейским балладам. В «Южно-русских былинах» ученый ссылается на эпические сказания Южной Сибири в публикациях В. В. Радлова и А. А. Шифнера, чтобы показать возможность эпических описаний «еще более гиперболических», чем в былинах [Веселовский, 1881—1884, 20].

Значение аспекта поэтики при историко-сопоставительном изучении эпоса явствует из работ последних десятилетий. Акад. В. М. Жирмунский подчеркнул изменяемость изображения богатырского детства от сказочно-гиперболического в восточном эпосе к «более реалистическому» в эпосе европейском [Жирмунский, 1979, 27, 215], «магической неуязвимости» от алтайского Алып-Манаша («умереть — души у него нет») до Ильи Муромца и Марко Кралевича («смерть им в бою не написана»), см. [Там же, 57—58, 217]. В. Я. Пропп включал в свое рассмотрение широкую поэтическую проблематику, реконструируя на основе нивхского, якутского, шорского и других эпосов возможную предысторию былин [Пропп, 1958, 32—58], Е. М. Мелетинский — освещая переход от ранних форм эпоса к классическим [Мелетинский, 1963, 423—448; 1986, 79—113], Б. Н. Пу-

[1] Применительно к эпосу об этом писал впоследствии К. Мошиньский, находя, что в Сибири эпос может наблюдаться in statu nascendi [Мошиньский, 1968, 753].

тилов — сопоставляя славянские песни о похищении женщин с архаическими сказаниями на ту же тему [Путилов, 1971, 170—173], и др. В его книге «Героический эпос и действительность» восточные параллели (главным образом из «Маадай-Кара» и «Кобланды-батыра») служат установлению исторической типологии освещения сюжетного времени, социума, богатырского единоборства и своеобразия славянского эпоса на этом фоне [Путилов, 1988, 36—38, 50—51, 80 и др.].

Идеи разграничения неметафорического смысла мифологических описаний и метафоричности позднейших толкований развивались в работе [Голосовкер, 1987, 36—37].

В опубликованной недавно работе Б. М. Соколова (1918 г.) о задачах изучения былин предлагалось такое изучение поэтики, которое «поверялось бы данными поэтики соседних эпосов» [Соколов, 1977, 295]. Это существенно, например, для подтверждения закономерности перехода от атрибутивных описаний к сравнениям в эпосе славян, как его освещает Ю. И. Смирнов [Смирнов, 1974, 47—78] и разноэтапности былинных лейтмотивов [Астафьева, 1975, 1983].

С. Ю. Неклюдов интересуется изменяемостью изображения героического детства (колдовская окраска уступает место богатырской) [Неклюдов, 1974, 137], им показана возможность раскрытия архаической основы отдельных мотивов русского эпоса путем сопоставления с сюжетными ситуациями бурятских улигеров [Неклюдов, 1977, 132—134].

Навстречу идут некоторые работы по тюркоязычному и монголоязычному эпосу в его стилевом развитии. В сравнительном аспекте рассматривается художественно-определительная система казахского и других тюркоязычных народов [Ибраев, 1980], уясняется эволюция художественных канонов картины мира в эпосе народов Сибири [Короглы, 1988; Кудияров, 1988], развивается историческая интерпретация тюркоязычного и монголоязычного эпического стиля [Кудияров, 1982, 1984, 1986].

Вместе с тем, ощущается необходимость специальных аналитических работ, обращенных к поэтико-стилевой фактуре разностадиальных эпосов, чему благоприятствует публикация памятников эпоса народов Сибири. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, историко-сопоставительное изучение поэтико-изобразительных констант, присущих каждой формации эпоса. Это непосредственно перекликается с задачей изучить «исторический словарь» эпических общих мест и формул, которую выдвигал еще А. Н. Веселовский [Веселовский, 1940, 241], равно как с обоснованным и осуществленным Е. Р. Курциусом исследованием «исторической топики» античной и средневековой латинской литературы [Курциус, 1954, 92 и сл.].

В продолжение наших наблюдений, посвященных исторической ретроспективе метафорической («славянской») антитезы [Гацак, 1973] [2] и коллек-

---

[2] В связи с историко-поэтической ретроспективой метафорической («славянской») антитезы, усматриваемой нами в «потрясениях природы» действиями персонажей архаического эпоса, представляют интерес «сны-предсказания» южнославянского и других эпосов. На их разновидность — «зооморфный сон» обратили внимание Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, предположив, что «зооморфные сны» могут отражать «некоторый набор образов, восходящих к доисторическому прошлому того или иного рода», в чем надо видеть проявление «памяти жанра», о которой писал М. М. Бахтин

тивной работы об исторической поэтике песен обратимся к эпическим топосам [3] длительности в их разноэтапных воплощениях, а затем — к описаниям богатыря в гневе, тоже составляющим целую историко-поэтическую гамму. В завершение первой части будет рассмотрен во многом контрастный сюжет — эпические «формуляры» персонажей русского богатырского и южнославянского юнацкого эпоса в контексте поэтики историзма на протяжении последних столетий.

[Гамкрелидзе—Иванов, 1984, II, 503—504]. Это дает повод считать сны с зооморфными персонажами, бурей, ненастьем [Бог., 178. Ср. Ерл., 197; БЮЕ, 606, 604] древним повествовательным элементом. В установившемся позднее поэтико-изобразительнсм контексте эпоса сон и его опровергающее толкование стало функциональным аналогом метафорической антитезы с ее утвердительно-отрицательной структурой.

[3] Употребляем это обозначение ради краткости, не противопоставляя его «общим местам». Следуем в этом словоупотреблении Е. Р. Курциусу, хотя замечание о том, что термин «общие места» (loci communes, commonplace, Gemeinplatz) «потерял исходный смысл» и поэтому приходится сохранить греческий термин [Курциус, 1954, 79], к славянской фольклористической традиции не относится.

Ср. у А. Н. Веселовского «топик», с пояснением В. М. Жирмунского: «поэтическое общее место, традиционный мотив или образ» [Веселовский, 1940, 405, 637].

«ТОПОСЫ ДЛИТЕЛЬНОСТИ» И «ХРОНОАКТЫ»

Основное, исходное различие времен, описываемых в эпосе героико-архаическом и эпосе героико-историческом, можно считать вполне установленным. Для первого принципиальная примета состоит в том, что повествование в нем начинается с «изначального» времени «детства вселенной» [Окладников, 1955, 264] и первопредков этноса — при всем разнообразии последующих ступеней, преобразований и наслоений [1]. Для второго характерно такое эпически условное время, которое «воспринималось тем не менее как строго историческое, действительно существовавшее, а не фантастическое» [Лихачев, 1979, 229]. Различие отчетливо обозначено на примере былин и эпоса сибирских народов: «Типичный зачин русской былины («Как во стольном городе во Киеве» и т. п.), где эпический «золотой век» принимает конкретно-исторические черты, кардинально противостоит зачинам архаического эпоса (например, в алтайских или якутских поэмах), рисующим мифическую эпоху первотворения» [Мелетинский, 1963, 446].

Тем более важно выяснить, как изображается само *течение* времени в эпических повествованиях столь разных эпических формаций и в чем сказывается историко-поэтическая неодинаковость, изменяемость подобного изображения. Мы попытаемся наметить один из возможных подступов к решению этой задачи, еще не привлекавшей внимания исследователей.

«Топосы длительности» в эпосе народов Сибири. Одно из проявлений специфической масштабности художественного изображения в героико-архаическом эпосе — чрезвычайное гиперболическое *продление* описываемых событий и действий. Этому служит особый топос длительности, обнаруживающий поразительное сходство в ряде сибирских эпических традиций.

В самой общей передаче его содержание таково: единоборство или пребывание в пути столь долги, что сменяются целые годы (время как бы спрессовано); сражающийся, едущий (или даже «летящий») персонаж едва успевает замечать (узнавая по природным признакам) смену времен года. В сказаниях разных народов этот топос предстает в своих формульных воплощениях, отмеченных функциональными и поэтическими особенностями.

В *якутском* олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» (запись В. Н. Васильева от И. Г. Тимофеева-Теплоухова, 1906 г.) постоянно «означены» все четыре времени года (как мы увидим, это почти не встречается в других эпических традициях, за исключением эвенкийской).

---

[1] См.: [Уланов, 1957, 37—38; 1972, 62; Пропп, 1958, 32—57; Пухов 1962, 32, 36, 50; Мелетинский, 1963, 294—295; 1983, 46—47; Унгвицкая—Майногашева, 1972, 43—45; Неклюдов, 1978, 59—61; Шаракшинова, 1987, 92—93, 114—115, 253—254; Короглы, 1988, 117—118; Кудияров, 1988, 127—169; и др.].

Өр да айаннаабыттарын билбэтилэр,	Долго ли ехали, не заметили,
Өтөр да айаннаабыттарын билбэтилэр,	Коротко ли ехали, не заметили,
Каһыны кырыатынан билэн,	Зиму по изморози узнавая,
Сааһы чалбаҕынан билэн,	Весну по лужам узнавая,
Сайыны самыырынан билэн,	Лето по дождям узнавая,
Күһүнү өксүөнүнэн билэн.	Осень по смежной крупе узнавая.

Стропт. Кул., 216—217/479; ср.; Там же, 253/513[2]

В другом случае в тексте Тимофеева-Теплоухова говорится о множестве (беҕенү) осеней, зим и т. д. [Стропт. Кул., 253/513].

Аналогичный топос длительности пути — распознавание четырех сменяющихся времен года в олонхо «Эр Соготох», «Кулун Куллустуур» и «Сюнг-Джасын» сборника С. В. Ястремского (записи 1895 г.): зимы (лютой) — по снегу/инею, весны — по ветерку, лета — по дождю, осени (поздней) — по моросящему/мокрому снегу [Ястр., 22, 69, 73, 74, 78, 79]. Формульность топоса сохраняется и в позднейших записях «Эр Соготоха» (1940) и «Сына лошади Дырай Бёгё» (1934) [Емельянов, 1980, 31, 109].

Формула «быстрой езды» в *долганском* олонхо «Сын лошади Аталами-богатырь» разграничивает только зиму и лето (с такой разновидностью топоса мы еще встретимся):

Сайыны буоллагына самыырынан билэр,	Лето по дождю узнавал,
Кыһыны буоллагына кырыатынан билэр.	Зиму по вьюгам узнавал.

Ефремов, 1984, 82/119

В эпосе *эвенков* строение формулы длительности такое же, как в якутских олонхо: распознаются четыре времени года. Но приметы варьируются по-своему. В нимнгакане «Иркисмондя-сонинг» (т. е. богатырь), записанном в 1960 г. от последнего крупного исполнителя эвенкийских эпических сказаний Н. Г. Трофимова, топос длительности пути образует устойчивую сквозную формулу произведения.

Д'уҕарва̄н бимйл тігдэд'инн'ун са̄нал,	Лето по дождям узнавая,
болорво̄н бимӣл бо̄ктад'ин са̄нал,	осень по граду узнавая,
туҕэрвэ̄н бимӣ иманнад'ин са̄нал,	зиму по снегу узнавая,
нэлкирвэн лэптэркэ̄нд 'ин са̄нал,	а весну по пушистым снежным хлопьям узнавая,
айанна̄д'аравит арай.	держали они путь.

Ром.—Мыр., 103/206—207. Так же; 110/214; 123/227

Как свидетельствует сказительская самозапись другого произведения, исполнявшегося Трофимовым,— «Храбрый Содани-богатырь», эвенкийской эпической традиции было присуще применение формулы длительности и при описании богатырского поединка (подготовка цитируемого текста к печати и перевод принадлежат А. Н. Мыреевой):

Горво-до куһинэвэр эчэл сара,	Долго ли бились, не знали,
Дагава-да куһинэвэр эчэл сара:	Недолго ли бились, не знали:
Туҕэрвэ̄н имандадин сара,	Зиму по снегу узнавали,

[2] Здесь и далее первая цифра указывает страницу национального текста, вторая — страницу перевода.

Нэлкирвэн лэптэркэ̄нд'ин сара,
Дюгарва̄н тыгдэдин сара,
Болорво̄н бо̄кчадин сара.

Весну по пушистым хлопьям снега узнавали,
Лето по дождю узнавали,
Осень по граду узнавали.

Мыр., ст. 801—806

У эвенков Хабаровского края формула течения времени обладает локальным колоритом примет (всплеск весел, выросшие листья). Различаемых времен года — четыре, как в версиях эвенков Якутии, что может свидетельствовать о традиционности этой структуры в эвенкийском фольклоре.

Д'уӈанӣва̄н силэксэ тӣктӣд'ин са̄ттан, туӈэнӣвэн — саӈ ӣкса тӣктӣд'ин са̄ттан, болонӣва ӯксэнд'ин са̄ттан. «Болорон-ивит»,— гунчэттэн. Нэлкӣнивэ абданна балдӣрӣд'ин са̄ттан. «Нэлкирэн-ивит»,— гунчэттэн.
Тарит айаннāд'аран д'улэви.

О лете по выпавшей росе узнает, о зиме по выпавшему инею узнает, об осени по всплеску весел узнает. «Осень настала»,— думает. О весне по выросшим листьям узнает. «Весна настала»,— думает.
Летит [девушка Секак] вперед.

Васил., 44/202; ср.; Там же, 91/243

В двух версиях эвенкийская формула как бы расщепилась: в тексте из Амурской области говорит только о зиме/лете, а в сахалинском — лишь об осени/весне:

...Цэнэттэн-цэнэттэн, туӈэ-бу, ӡуӈа-ӈу мэ̄нин эhин са̄ра. Тигдэ-кэ̄т, иманна-ка̄т тикивкӣ.

...Идет-идет, зима ли, лето ли — сам не знает. И дождь, и снег падает.

Бул., 95/113

Болонӣ о̄нава̄н саӈӣксагдат са̄тта,
Нэлкэнӣ о̄нава̄н чукагдат сатта.

Об осени по инею узнавали,
О весне по траве узнавали.

Васил., 100/252

Если здесь возможна неполнота передачи топоса, забвение его полной формы — в принципе у эвенков сохранившейся,— то в традициях, о которых пойдет далее речь, именно односоставной тип зима/лето является, вероятно, изначальным.

Таков во всех известных нам вариантах топос длительности в *эвенском* эпическом фольклоре. Зима/лето распознаются по появлению/таянию снега либо инея (более частый вариант [3]). В обоих примерах из героических сказаний «Холуни» и «Сын Кагана-Нюнгуя», записанных В. Д. и Ж. К. Лебедевыми в 1969 г. от певца-сказителя А. М. Громова (Хабаровский край), повествуется об эпическом единоборстве.

Бьются, годов не считают: видят снег,— значит, зима: сошел снег,— значит лето.

Лебедева, 1982, 110

[3] В сказке «Мэнгун-Золотистая» приход зимы возвещается появлением инея на волосах.

Дьуӈаниндỳ hэтыкыhнидур туӈыни оодыӈнан эчэл hаар.
Побежали они летом и не заметили, как наступила зима.

Лебедев, 1978, 124/140

Сражались очень долго, зиму узнавали по тому, как край волос покрывался инеем, лето узнавали по тому, как край волос оттаивал.

Лебедева, 1981, 135—136

Антитеза лето/зима очень по-своему воплощена в топосе *бурятского* эпоса.

Относительно простой и, возможно, древний тип — в хамниганском улигере «Болодор-ээн» (запись Ц. Ж. Жамцарано, 1911 г.):

Күкү ногоонай ургахуда зун болоболтай,— гэджи, күр уссунай (цасунай) унахуда угул болоболтай, гэджи алалдуна.

Алалду алулдассар, бүкүли хорин джил алалдуба.

Сражались, когда зеленая трава вырастала, «Лето настало»,— говорили; когда падали хлопья снега, «Зима настала»,— говорили.

Сражались-сражались, целях двадцать лет сражались.

Ул. он. хамн., 86. Пер. А. В. Кудиярова

Но в других улигерах топос длительности обладает более сложным строением, хотя различаемые времена года всегда сводятся к двум [4].

У знаменитого улигершина Маншута Имегенова в «Еренсее» и «Хурин-Алтае» (записи 1905 и 1906 гг.) смена времен года, по существу, происходит *дважды*. В одну формулу фактически объединены две, в них различаются приметы, но совпадают заключения (пример дается в переводе А. В. Кудиярова).

Сайд гэһэн юүмэйе	Скакал — забелевшие предметы [увидев],
Үбүл гэжэ юрьюүлбэл,	«Зима»,— говорил,
Сахид гэһэн юүмэйе	Скакал -- искры [молний увидев],
Нажир гэжэ юрьюүлбэл.	«Лето»,— говорил.
Алаг саазагайн дууйиндаа	Скакал — звуки белобокой сороки [услышав],
Үбүл гэжэ юрьюүлбэ,	«Зима»,— говорил.
Алтахан ерьеэхэйн дуиндаа	Скакал — звуки золотой пташки [услышав],
Нажир гэжэ юрьюүлбэ.	«Лето», — говорил.

Еренсей, 147, 153, 174; Абай Гэсэр-хубун, II, 26, 110—111, 151, 187

В унгинской версии «Абай Гэсэра» (записана от Пёохона Петрова И. Н. Мадасоном в 1940 г.) формула длительности пути сначала говорит о двух приметах зимы (сокот сороки, белеющий снег), затем о двух приметах лета (трель жаворонка, плеск луж) (см.: [Абай Гэсэр, 177, 237, 248]). Рельефно предстает явление вариации, весьма характерное для поэтического стиля эпоса монголоязычных народов [Кудияров, 1984, 25—34].

В *тувинском* эпосе наиболее узнаваемой на фоне рассмотренных ранее является формула топоса длительности в сказаниях «Алдай Сумбер» и «Хунан-Кара» — о бое и пути.

---

4 Такое обобщенное различение времен года встречаем и в монголо-ойратском эпосе, но в ином типизированном изложении: «Время проходит, падает снег, сугробы навеваются, а он скачет месяцы, скачет, не укрываясь в туман...»; «Время-часы проходят, а они все борются; снег падает, сугробы навеваются, а они все борются...» [Владимирцов, 1923, 208, 213].

Кышты хыраазындан билип,! / Чайны шалыңындан билип.

Зиму по инею узнавали, / Лето по росе узнавали [5].

МТ, 22. Алдай-Сумбер; ср.: ТГЭ, Хунан-Кара, ст. 633—634

Однако в том же «Хунан-Кара» обнаружился и иной тип топоса длительности, с «умозаключениями» в виде прямой речи (как в ряде бурятских и одной из эвенкийских версий). Предстает он в контексте описания богатырского единоборства («Как скалы стальные столкнулись, / Железное тело каждого стало звенеть...»).

Кыш болурга
Кыштың, хыраазындан
«Кыш болу берген чыдыр, эжим»,—
Дижип турлар.
Чай болурга
«Чай болган»,— деп:
Чайның шалыңындан-даа
Танып туруп турлар.

О наступлении зимы
По зимнему инею [знали]:
«Друг мой, настала зима»,—
Они говорили.
Когда наступало лето,
«Лето настало»,— говорили:
По летней росе
Они узнавали, [сражаясь].

ТГЭ, Хунан-Кара, ст. 3689—3696

В тувинских сказаниях есть, наконец, еще одна формульная разновидность рассматриваемого топоса, даже более частая, чем предыдущие. Приметы зимы/лета не «наблюдаются», а улавливаются слухом.

Кыштың, хыраазын хылырады,
Чайның, шалыңын шалырады.

Зимой иней скрипит,
Летом роса журчит.

ТГЭ, Боктуг Кириш, ст. 1215—1216

Обычно эта формула тоже входит в описание богатырского поединка, составляющее общее место сказаний «Мёге Шагаан-Тоолай», «Мёге Баян-Тоолай» и др.

Боролись богатыри без остановки... Зимой — только иней скрипел под ногами, летом — роса журчала.

СБ Тув., 121, 126, 161

Устойчивой специфичностью примет и структуры топос длительности обладает в *алтайском* эпосе, где он фиксируется начиная с записей В. В. Радлова до наших дней. «Стереотипную фразу» сказания о Когутэе (запись 1914 г.): «Лето придет — / Он по своим плечам узнает, / Зима придет — / Он по своему заснеженному вороту узнает» — Н. К. Дмитриев соотносил с формулой из материалов Радлова: «Что зима пришла — замечали они по заиндевевшему воротнику, что лето настало — знали они по обтаявшей на груди одежде» [Когутэй, 127, 197].

В «Кан-Алтыне», записанном в 1985 г. от Т. А. Чичиякова, этот традиционный топос появляется неоднократно.

[5] С. М. Байсклан (Сат) соотнесла эту формулу с тремя иноязычными, приведя по примеру из алтайского «Маадай-Кара», шорского «Кан-Кеса» и бурятского «Эренсея» [Байсклан, 1987, 30—31]. Круг эпических традиций и произведений, которым присущ топос длительности, теперь значительно расширяется, как и представление об его функциях и формульных разновидностях.

Јай болуп келееткенин
Јардынаҥ танып бар јадат.

О том, что лето наступает,
По горячим от солнца плечам узнавая, едет.

Кыш болуп келееткенин
Јаказынаҥ танып бар јадат.

О том, что зима наступает,
По заснеженному вороту узнавая, едет.

Кан-Алтын, ст. 209—212

В последующих появлениях — такие же стихи, но без пояснений, что плечи — «горячие от солнца», а ворот — «заснеженный»: это представляется само собой понятным, о чем свидетельствует и вариант «Маадай-Кара» крупнейшего современного сказителя Алтая А. Г. Калкина:

Јай келгенин Кӧгӱдей-Марген
Јака тӧстӧҥ таный берди,
Кыш келгенин баатыр уул
Јарын тӧстӧн биле берди.

О наступлении лета Когюдей-Мерген
По вороту одежды узнавал,
Наступление зимы парень-богатырь
Спиной своей чувствовал, [едучи] [6].

Маадай-Кара, 128/315

Особенность *шорского* эпоса составляет типическая формула «не замечали, как месяцы проходили, не замечали, как годы проходили (вар.: скатывались)». Ею «измеряется» длительность поединка [Дыр., 47, 105], также свадьбы, пира или просто «беседы вчетвером» [Дыр., 125, 141, 167].

Однако певцам-кайчи известна и формула с приметами зимы и лета, она иногда контаминируется с предыдущей — например, в сказании «Кан Кес»:

Алыжа келип, ай ашты; чылыза келип, чыл ашты.
Кыш келгенин кырадаң, пилдилер,
Чай келгенин ижиг наңбурдең пилип, тартыштылар.

Сменяясь, месяц закатился; скользя — переползая, годы прошли.
О том, что пришла зима, узнавали по инею;
О том, что пришло лето, по теплому дождю узнавая, они боролись.

Дыр., 54/55

За пределами рассмотренных частей Сибири и Крайнего Севера эпический топос длительности в столь же близких по семантике и структуре формульных выражениях нами пока не обнаружен. Но сама художественная идея соизмерения эпического действия со сменой времен года не чужда некоторым другим эпическим традициям. Показательны примеры из ненецких песен сюдбабц (1, 2) и ярабц (3):

(1) ...Стали стрелять, всю долгую зиму все стрелять...
За зиму его тугой лук разорвался... Сив Ноеця вытащил
сухостойный лук. Как стали стрелять, стреляют опять
целое лето.

(2) Опять стреляют, не считая дней и месяцев. Гуси три раза
прилетели и три раза улетели.

---

[6] Для последующих выводов необходимо учесть, что и поединок богатырей в алтайском эпосе необыкновенно продлевается во времени — но другой формулой: «Семь лет бились, / Но на землю никто не упал. / Девять лет бились, / Но на землю никто не упал» [Баск., 234: «Эрзамыр» в исполнении Н. У. Улагашева].

(3) Я боролся... Они схватили меня с двух сторон. Эта зима проходит. Наступила весна.

Купр., 86, 209, 259

Можно также сослаться на севернохантыйский шаманский текст, где смена времен года служит показателем длительности пребывания его персонажа — «тундрового мужа» — в пути:

Много дорог проходит.
Божья осень пришла,
Со стороны подошла,
Из северного горла тянется ветер...
Узорная зима.[1]

Сенкевич-Гудкова, 1980, 252

Специфическая близость топосов длительности в большой группе разноязычных эпических традиций Сибири заслуживает, вероятно, особого внимания в свете концепции Г. В. Василевич [Васил., 13; и др.] о возникновении первоначального эпического ядра в период алтайской общности тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов, поддерживаемой некоторыми сравнительными наблюдениями историков словесного и музыкального фольклора [Лебедева, 1981, 18 и сл.]. Возможно, перед нами — редкостное древнее заложение в поэтико-стилевой традиции эпоса, еще не учтенное в специальных исследованиях первоначальной общности.

Наряду с общеареальным генетическим фактором ощущаются и более локальные. Например, в распределении формул с зимой/летом и формул с четырьмя временами года, а также описаний пути и описаний поединков угадывается проявление субареальных процессов и связей еще не вполне ясной (требующей особого изучения) природы и древности, а отчасти — и более очевидное последующее воздействие двуязычия, о котором применительно к якутско-эвенкийской контактной зоне пишет А. Н. Мыреева, называющая в ряду стилевых отражений двуязычия схожесть описаний длительности пути в олонхо и нимнгаканах [Мыреева, 1978, 191].

Для нашего исследования очень существен художественно-функциональный аспект топосов длительности, их назначение в эпическом изображении.

Сразу же отметим, что в тех случаях, когда характеризуется пребывание в пути, налицо «слияние пространственных и временны́х примет» [Бахтин, 1975, 235]. Иначе говоря, формулы длительности пути определенно обладают свойством *хронотопа* («времяпространства») в том его толковании, какое разработано М. М. Бахтиным и может стать одним из опорных при изучении художественной системы эпоса [7].

Но есть еще одна сторона вопроса. Как мы видели, те же самые формулы служат средством определения длительности единоборства. Стало быть, они обладают и более общим функциональным призванием, которое

---

[7] Опыт применения его в этой сфере с монголоязычными примерами «образных, опосредованных обозначений времени-пространства» (в частности, хронотопного описания из «Джангара»: «Много вод преодолели, / Много гор перевалили — / Десять скакунов отощали в пути»), см.: [Кудияров, 1988, 132—134].

состоит, очевидно, в характеристике эпических действий как таковых, будь то перемещение персонажа в пространстве или происходящий на одном и том же месте богатырский поединок. Эту единую функцию описаний длительности можно — очень условно — отразить в понятии «*хроноакт*» (т. е. «времядействие»). Так или иначе, надо иметь в виду, что время здесь выступает не просто мерой длительности, протяженности, а своеобразным «множителем» силы, необычности, эпичности самого действия. Сознательно говорим об этом в обобщенном виде, поскольку речь идет о свойстве едином, общежанровом, не отменяемом различием выражений «хроноакта» в эпосе разных формаций. Само же *различие* эпических «хроноактов» как историко-поэтическая данность нас интересует в особенной степени. Мы соотносим его с *неодинаковостью* «минимума полноты времени» [Бахтин, 1975, 296], закономерной в разностадиальных эпических памятниках.

Топосы длительности в героико-историческом эпосе. Формационная «новизна» топосов времени и их функций в эпосе героико-историческом проявляется во многих отношениях. Выделим только два вопроса, тесно между собой связанных. Первый — «изменение» меры времени и его «полноты». Второй — преобразование способов передачи течения времени. В поле нашего зрения в основном эпос славянских народов.

На сибирском фоне сразу бросается в глаза самое простое отличие: почти не встречается измерение протяженности изображаемых *действий* годами или многолетиями (хотя в других контекстах эпос совершенно свободно оперирует подобными сроками). Так, вариант былины, где бой Добрыни со змеем длится «ровно три года» [Пар.—Сойм., 117],— скорее исключение, чем правило: обычно говорится о дне или трех днях. Устойчивое восточнороманское описание войницкого коня, который «...бежит год / И переводит дыхание час» — «...fuge cu anul/Si răsuflă cu ceasul» [Гацак, 1967, 193; Амз. КБ, 161; Фоки, 1980, 322, № 104], дает сугубо фигуральное определение выносливости коня [8]: нигде в песнях не найдем скачки подобной длительности, да и нет в ней сюжетной необходимости.

Д. С. Лихачев очень точно заметил, что большие временные сроки — год, три года, тридцать три года — появляются в былине там, где «действие прерывается» [Лихачев, 1979, 233]. Причиной может быть длительная отлучка героя: например, Добрыню на двенадцать лет назначают на заставу [Миллер, 73] или он уезжает «поляковать» и отсутствует шесть лет (Гильф., I, 347); Саул Леванидович едет «в дальну орду, в Полувецку землю» «на двенадцать лет» [КД, 134] и т. д. Действие может также прерываться пребыванием Ильи Муромца, Марко Кралевича в темнице или предваряться долголетней недвижностью героя (начало повествований о богатырях-сиднях Илье Муромце, Дойчине или Дончилэ). Совершенно справедливо суждение, что «в больших масштабах» «измеряется время не занятое действием, а пропущенное» [Неклюдов, 1972, 28].

Именно такое «пропущенное» время налицо в двух уникальных случаях, когда течение его определяется в южнославянском эпосе по приметам

---

[8] Таковы же варианты: «Care fuge cu luna / Şi răsuflă cu ziua» — «Который бежит год / И переводит дыхание день» [Амз. КБ, 172]; «Калул фуже ку луниле, / Жука ку сэптэмыниле» — «Конь бежал месяцами, / Резвился неделями» [Еп. ер., 189].

меняющихся частей года — почти как в сибирских топосах длительности! В обоих случаях перерыв в эпическом действии объясняется одной и той же причиной: герой — в темнице.

В сербскохорватской песне «Марко Кралевич и дочь арапского краля» описание предстает в монологе: юнак жалуется матери, что долгие годы не видит зимы/лета; о зиме догадывается по снежкам, бросаемым девушками, о лете — по цветку базилику.

Краљ ме баци на дно у тавницу,
ја тавновах за седам година,—
нит'ја знадох кад ми љето дође,
нит'ја знадох кад ми зима дође...
осим једно, моја стара мајко:
зими би се грудале ђевојке,
пробаце ми по груду снијега,
по том знадем да је дошла зима;
љети баце стручак босиока,
по том знадем да је љето, мајко.

Кар., II, *366*

В болгарской песне «Крали Марко и дева Арватка» Марко и его соратники, пребывающие «у тъмни зандани», судят о движении времени по дарам, получаемым в праздники, т. е. время измеряется хронологией обычаев.

Лежали са три години време.
На Гергьовден от ягне им носи,
та да знаят, че е ден Гергьовден,
на Великден от яйце им носи,
та да знаят, че е ден Великден,
на Петровден ябука им носи,
та да знаят, дека е Петровден,
на Елинден лубеница носи,
та да знаят дека е Елинден,
на Коледа от ошаф им носи,
та да знаят дека е Коледа.

БЮЕ, 282

Такой же календарно-обрядовый критерий времени отразился в украинской думе «Плач невольников в турецкой неволе»: «Праздника святого різдва й великодня не знають» [Укр., 105].

В приведенных примерах, кроме функционального своеобразия (передача длительности времени, как бы выключенного из общей протяженности эпических действий), определенно ощущается поэтическая специфика описаний; она сказывается в лирическом колорите (обращение Марко Кралевича к матери) и наложении этнобытовых реалий и примет.

Интересную возможность метафорической, игровой реализации темы узнавания лета и зимы демонстрирует одна литовская свадебная песня, на которую обратил наше внимание Л. Й. Саука.

Ei, žalia, žalia,
Žalia giružė,
Toje giružėj
Tamsus turmuzis...

Эй, зеленый, зеленый,
Зеленый лесочек,
В том лесочке
Темная темница...

Jis nežinojo	Он не знал
Šaltos žiemužės,	Холодной зимушки,
Šaltos žiemužės	Холодной зимушки,
Ne vasaruzės...	Ни летушка.
Ei, mesčiau, mesčiau	Ей, бросил бы я, бросил бы я
Snjego gniūžtelę,	Снежный ком,
Kad jis žinotų:	Чтобы он знал —
Šalta žiemužė!	Холодная зимушка.
Ėi, mesčiau, mesčiau	Ей, бросил бы я, бросил бы я
Meirūnų, šluotą,	Ветку мейрунава,
Kad jis žinotų,	Чтобы он знал,
Kad vasaružė!	Что летушко.

Сруога, 158. Пер. Л. Й. Сауки

Похоже, что это в какой-то мере то же самое направление преобразования типа изображения, какое сказывается в юнацких песнях, но уже в другой фазе и иной жанровой системе.

Вернемся к эпическому изображению времени.

Несомненной характерностью для героико-исторического эпоса обладает суммирующее обозначение времени в таких описаниях, какие как бы вбирают в себя долгие, многолетние занятия героев, определяют «однородные и обобщенные действия» [Неклюдов, 1972, 27]:

«Тут стояли могуции богатыри, / Да берегли-стерегли стольне Киев-град... / Как стояли они да под городом тридцать лет» [Аст., I, 179, 196]; «Жил ты у меня три году, / Первый год жил ты во конюхах, / А другой год жил ты во чашниках, / А третий год жил ты во стольниках» [Гильф., II, 186]; «Служио га за деветь година» [Ерл., 55]; «Марко jезди на цареву воjску, / Воjевао за девет година / и десете четири месеца» [Кар. Необ., II, 168. Ср. 213]; «Он воюва токмо девет годин» [ЮП, 190]; «Еве стана девет годин време / Како чекам...» [БЮЕ, 221].

Очень заманчиво сопоставить с мерой времени, предстающей в сибирских топосах длительности (когда бой протекает так долго, что успевают сменяться времена года), ту историзованность памяти, о какой можно судить, например, по записям Владимира Мономаха о его походах (приведем небольшие выдержки из «Поучения...», показывающие, что каждое очередное время года соотносится с другим событием): «И на ту *осень* идохом... к Мѣньску... На ту *зиму* идохом к Ярополку... И на *весну*... ходихом за Супой» [Изб., 158]. Именно с таким расчленяющим масштабом времени и событий соотносим, вероятно,— при всем многоплановом отличии былины от записей Мономаха — тот факт, что длительность *действий* в былинах не сливается в большие временные периоды, а членится до предельной дробности. Как бы то ни было, считаем чрезвычайно важным показателем историко-поэтической продвинутости русского богатырского, южнославянского юнацкого, восточнороманского войницкого и некоторых других эпосов (при всем значении ранних слоев, в том числе и в поэтике) *особую* разработанность в них поэтики обозначения малых отрезков времени. Такие обозначения образуют одну из самых замечательных частей стилевого богатства героико-исторического эпоса и делают необычай-

но динамичными его «хроноакты». Особенно выделяются среди них: день, три дня, три часа и др., в разнообразных вариантах и сочетаниях.

Но прежде чем обратиться к ним, мы обязаны оговорить, что вполне учитываем возможность дробного деления времени и в памятниках героико-архаического эпоса. Почти в каждом таком сказании, особенно в позднейших записях, помимо многолетних периодов, легко встретить *месяцы, недели, дни* и даже *часы*. Взять хотя бы олонхо — о поединке здесь может быть сказано: «Бились день и ночь, примерно» или «бились три дня и три ночи» [Нюргун, 179, 261]. Таких примеров много. Но они не отменяют характерности и поэтической значимости топосов большой длительности, с которыми мы уже познакомились.

Если говорить о принципиальном соответствии топосов времени общему масштабу изображения эпических действий, то в героико-историческом эпосе такое же специфическое соответствие несут в себе именно обозначения малых отрезков времени. Отсюда их постоянство и органичность в описаниях поступков, поединков и т. д. как было сказано ранее, они здесь, по существу, единственные, образующие «хроноакты» эпоса.

Начнем с топоса эпического дня. В его «хроноактных» формулах день как бы уплотняется и насыщается, акцентируется его начало и конец, восход и заход солнца, иногда выделяется одна его половина (южнославянские примеры) или, напротив, происходит продление, к дню прибавляется ночь.

«Он-то ездил целый день с утра до вечера, / Потоптал он множество змеенышей» [Гильф., II, 56]; «Они день де боролись да всё до ве́чора, / Уш красного солнышка до запада, / А до запада бы ноньце да все до закату» [Григ., II, 142]; «Ай да борютьсе с утра до вечера, / По колен в сыру землю́ втопталисе» [Марк., 419]; «Он ведь день рубился до вечера, / Он темну ночь до бела свету» [Григ., I, 111] [9]; «Оны ехали с утра да день до вецёра, / Как настигла их да ноцька темная» [Миллер, 217; Онч., 217]; «Он день-от ехал до темной ночи, / Темну ночь ехал до белово дни» [Гильф., III, 325]; «Ходил Садко по Нову-городу / А и целый день он до вечера» [КД, 146].

«И бi'ише се лѣтни дань до подне» [Ерл., 243]; «Носише се љетни дан до подне» [Кар., II, 296]; «Рваше се летни дан до подне» [Кар. Необ., II, 135]; «Та се бора летен ден до пладне» [БЮЕ, 227]; «От свечера' до бѣла свѣта»; «...док сун'це саħе а мисецъ изаħе» [Ерл., 168, 203].

«Zi de vară pînă-n sară» — «День летний до вечера» [Фоки, 1980, 294, формула № 28]; «Ши ла луптэ сы луа.../ Ынтр'о зи мари ди вары, / Ди диминяцы пын' сары» — «И биться взялись... / В долгий летний день, / С утра до вечера» [Еп., ер., 95, 125]; «Îei tăia pînă-n chindie... / Cîn' soarele-m' scăpăta, / Cu tăierea că-i sfîr‚ea» — «Они рубили до захода [солнца]... / Когда солнце закатилось, / Рубить их закончили» [Амз. КБ, 215].

«...И пошли и боролися от утра до вечера»; «Целый день рубил он их вверх по поречию, целую ночь рубил он их вниз по поречию» [Дест. Греч., 47, 104].

С топосом эпического дня органически связаны знаменитые славянские «утренние начала» (зачины и вообще исходные моменты действий). Как

[9] Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя...» [Изб., 200].

видно из приводимых примеров, в своей сложившейся образной основе они сохраняются от века к веку.

«На светлой заре рано-утре(н)ней, / На восходе краснова солнушка» [КД, 137]; «До исход зори до раннё-утренной, / До выстáванья да красна солнышка» [Гильф., II, 63]; «Как на утре-то было нонь ранешенько, / Да на светлóй зори да ранней утреннёй, / На выкате солнышка красного» [Аст., I, 163, 179][10].

«У неділю барзе рано-пораненьку» [Укр., 114, 117; ср. 119 и др.].

«Кад. je сутра б'jела зора била»; «Кад je сутра освануо био данак» [Бог., 193, 249]; кад зора бише забелила» [Ерл., 215; Кар., II, 599]; «Кад уjутру jутро осванулo» Кар., II, 385, 388]; «Kada sjutra danak osvanuo, / Osvanuo i sunce granulo» [Хрв., V, 183. Ср. Хрв., I, 424; Кар. Необ., II, 137].

«Кога било рано отзарана»; «Бела ми го зора зазорила» [БЮЕ, 253, 272].

«N'nate heret Muja si m'â çue» — «Утром рано Муйо поднялся»; «Sa në natjet Muja â çue» — «Как утром Муйо поднялся» [Десницкая, 1970, 63].

Н. И. Кравцов отмечал, что начало — раннее утро — имеет свои основы как в том, что крестьянин начинал работу на заре, так и в военному быту: «во всех описаниях походов и битв в сербских биографиях и летописях их начало — раннее утро» [Кравцов, 1985, 253—254].

Словно предвосхищая реплику одного из былинных текстов, записанных в XX в.: «нам часочики да очень дороги» [Пар.—Сойм., 171], эпические песни зачастую доводят краткость отрезков времени до часов, что посвоему оптимализирует результативность, достаточность эпического действия:

«Они билися, рубилися ровно три часа» [Кир.— Яз., I, 48. Ср. Миллер, 219]; «Прибили они всю силу в три часа» [Рыбн., II, 112].

«Ђераше се четири сахата» [Кар., II, 387]; «Та го гони три саата време» [БЮЕ, 296];

«Шы'нтр'ун час ши жюмэтати / Н'о авут Новак ку Груя ши бати» — «За час с половиной / Нечего было Новаку и Груе рубить» [Еп. ер., 166, 168, 171, 195].

Отнесение изображаемого эпического эпизода к определенному часу может обусловливаться реальными этнобытовыми обстоятельствами, что свидетельствует о степени сближения эпоса с исторической действительностью:

«В четвертім часу полуночної години / Буде пан турецький до мечеті од'їжджати» [Укр., 131, 132]; «Cîn' mi-e soare-n cruş'-nămiez, / Cîn'stau turcii la mecet» — «Когда солнце в зените, / Когда турки в мечети» [Амз. КБ, 171].

При подобном исчислении времени полновесным эпическим замедлением и усилением предстает *трехдневная* протяженность действий, своим реальностным характером перекликаясь вместе с тем со «Словом о полку Игореве».[11]

---

10 Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Заря свет запала...» «...рано предъ зорями» [Изб., 198, 202].

11 «Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы» [Изб., 202].

«Оны дрались со змеею тут трой сутки» [Гильф., II, 469]; «Да и бился он тут да трои сутоцьки» [Онч., 32]; «Бил, топтал он силу поганую, / Бил, топтал трои суточки, / Не пиваючи, не едаючи, / Со добра коня не слезаючи» [Т.— М., 1. Ср. 68]; «Опочивал три дни и три нощи бес просыпу...» [Был. ЗП XVII—XVIII вв., 144, 145] «Играет [Садко] с утра день до вечера, / И второй играет с утра день до вечера, / И третей играет с утра день до вечера» [Черн., 149].

«І ждали вони три дні і три ночі»; «Три дні й три ночі шукалі»; «Бігли вони не день, не два, / Не три й не чотири — / І тілько поле леніє, / Трава зеленіє» [Укр., 178, 245, 179].

«И пројоше три бијела данка» [Бог., 228]; «Онди се бише три бѣла дан'ка»; «Три е данах по войсци ходио» [Ерл., 99, 104]; «Били су се три бијела дана»; «Лов ловили три бијела дана» [Кар., II, 167, 413].

«Та се борил Марко, що се борил, / Та се борил три дни и три нощи»; «Били са се до три дена, / До три дена, море, и три нощи» [БЮЕ, 219, 310].

«Трий дзыли шы трий нопц сы лупта» — «Три дня и три ночи бились» [Еп. ер., 97].

«Боролись три дня и три ночи»; «...воюет трои сутки, воюет три дня» [Дест. Греч., 36, 94].

И в албанском эпосе, по наблюдению А. В. Десницкой, самая распространенная схема обозначения длительности действия во времени включает парный комплекс *дни* и *ночи* с переменным указанием числа [Десницкая, 1970, 61].

«Paskan ndejë tri ditë e net» — «Пробыли три дня и ночи» [Хадж., 164, 203; Алб., 69, 103]. «Mbas tri ditsh e mbas tri netsh» — «Ехали три дня и ехали три ночи» [Хадж., 162; Алб., 68].

Такое утроение временной протяженности действия, но в необычном художественном применении, наблюдаем в былине «Вольга и Микула» (записи П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга от Т. Г. Рябинина). «День с утра до вечера», а за ним второй день и половину третьего едет Вольга на слышимые, доносящиеся до него звуки пахоты и голос Микулы Селяниновича, прежде чем добирается до «ратая». Гиперболическое описание двупланово и контрастно: шум богатырской пахоты достигает дальней дали, иносказательно определяемой длительностью пути, который приходится одолевать Вольге еще и еще (за первый и второй дни «не мог он до ратая доехати»). Приведем лишь последнее, третье параллельное описание звуков пахоты и продвижения Вольги:

Он услышал в чистом поле ратая...
Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почеркивают.
Ехал Вольга ощé третий день,
Третий день да с утра до пабедья,
Наехал он в чистом поле ратая.

Рыбн., I, 10—11; Гильф., II, 5

С топосами малой длительности естественно сочетается необычно быстрое (почти сказочное) преодоление пространства. Крылатый Шарац (Шар-

цалия) в юнацком эпосе мчится через ровное поле «кано звезда преко ведра неба» [Кар., II, 364], легко минует «гори и планини» [БЮЕ, 277]. О том же говорят типичные формулы стремительности коня: русская — «С горы на гору стал перескакивать, / Мелки реченки, озера промеже ног спущал» [Гильф., II, 11]; восточнороманская — «Аша ройбул меу фу-ӂя — / Вэиле се лимпезя» — «Так каурый бежал — / Долины становились прозрачными» [Еп. ер., 248]. Но следует еще добавить, что существует и особый стилевой прием «ускорения», или ситуативного сокращения «обычной» протяженности пути. Илья Муромец «...стоял заутрену христовскую во Муромли, / А й к обеденки поспеть хотел... в стольнёй Киев град» [Гильф., II, 13]; в версии былины об Иване Годиновиче, содержащейся у Кирши Данилова,— «Два девяноста-то мерных верст / Переехал Иванушка в два часа» [КД, 77]; известное учащение и усиление таких сокращений — в поздних записях: «А ты нес меня да ровно три года, / Пронеси отсюль да ровно три-то дня» [«Сок.—Чич., 118]; «Сюда ты меня вез ровно три года, / А отсюда вези ровно три часа» [Черн., 203]; «И кругом-то ехать надь три месеца, / А прямком-то ехать дак надь два месяца,— / Ён съежжал в два часа да в двы минутоцьки» [Сок.—Чич., 766].

«Сокращение» пути — прием не новый. В архаическом эпосе он встречается даже чаще, правда, с иными пропорциями сокращений; в бурятском «Айдурай Мэргэне»— «Расстояние в 80 миллионов верст / За 80 месяцев преодолевают, /Расстояние в 80 месяцев/ За восемь суток преодолевают, / Расстояние в восемь суток / За восемь часов преодолевают» [Айдурай-Мэргэн, 114]; в улигере хамниган — «Девяностолетний путь / За девять месяцев проеду, / Тридцатилетний путь / За три месяца проеду я» [Ул. он. хамн., 227]; в алтайском «Маадай-Кара» сокращение уже соразмерно былинному — «Расстояние годичного пути / За сутки проезжает, / Расстояние месячного пути / За полдня проезжает» [Маадай-Кара, 374—375]. Такая «сохраняемость» древнего стилевого приема в одном отношении для нас особенно существенна. Мы убеждаемся, что сочетание реальностных мер времени и «хроноактов» с эпически-необычными предстает характерной особенностью поэтики героико-исторического эпоса, свидетельствуя об ее известной «двуслойности» и тесном соединении в ней «разноэтапных» начал.

Тем значимее проявления поэтических особенностей самого показа времени в его течении.

Если в сибирском топосе длительности движение времени и действия соотносились с частями года, то другая мера протяженности — дни, ночи — приносит с собой иных «свидетелей» (солнце и месяц), складывается новый образный ряд.

В болгарской юнацкой песне верным знаком нового служит эмоциональная реакция небесных светил на происходящий бой:

И се били три дни и три нощи,
Застанало слънце да ги гледа,
Застанал е месец да ги гледа.

БЮЕ, 280

Поэтически и интонационно близким болгарскому является албанское описание из эпической песни «Женитьба Халиля»:

Kalojnë ditë e kalojnë net...	Едет днями и едет ночами...
Po thotë dielli: «A ndorja eme»,	Сказало солнце: «Помоги ему»,
Ka thane hana: «A ndorja jonë»...	Сказала луна: «Помоги ему»...
Syni jem me ndore t'diellit,	Мои очи охраняет солнце,
Kama eme ndorja e hanës...	Мои ноги охраняет месяц.

Хадж., 158—159; Алб., 62—63

Типическое былинное описание вобрало в себя традиционные определительные константы русского фольклора (*красное солнышко, светлый месяц*):

Ены едут в день по красному по солнышку,
Ены в ночь едут по светлому по месяцу.

Гильф., II, 86, 113; Аст., II, 293

Часто в этой формуле у дня и ночи появляются легко узнаваемые постоянные эпитеты, а месяц замещается самоцветным камнем, также знаменующим связь с русской песенной традицией (на что в свое время обращал внимание Ф. И. Буслаев).

Как меженный день да шол он по красну солнышку,
В осённу ночь он шол по дорóгому каменю самоцветному.

Гильф., I, 428

Историко-поэтическая «новизна» изображения времени, выделяющаяся на столь же неповторимом сибирском фоне, особенно ощутима в знаменитой былинной «метафоре времени» [Неклюдов, 1972, 28]:

День-то за день будто дождь секёт,
А неделя за неделей как трава ростет,
Год-то за годóм да как река бежит.
Прошло тому времечки двенадцать лет,
Не бывал же тут Добрыня из чиста поля.

Гильф., I, 147; Рыбн., II, 147

В. Я. Пропп замечал по этому поводу: «Певцы знают средства, чтобы в видимых образах представить, например, течение времени» [Пропп, 1958, 522]. Приметы зимы/лета, осени/весны в сибирских топосах тоже видимые. Былинное описание разнится, однако, от сибирских тем, что протяженность времени не прямо измеряется вехами частей года; впечатление непрерывности и длительности достигается метафорическим сравнением (см. *будто*, *как*, *быв*, т. е. словно, и т. д.). Таков же поэтический смысл дополнений и вариаций, появляющихся в разбираемом былинном топосе времени, например: «День-то за день как птица летит» [Гильф., I, 347]. Это, безусловно, очень заметный отличительный признак.

Структурную и семантическую примечательность былинной формулы течения времени С. Ю. Неклюдов верно усматривает в том, что в ней «не только отражена ступенчатая иерархическая последовательность укрупняющихся временных периодов, но и дается уподобление их явлениям природы, причем не по принципу скорости (вода в реке течет, естественно, быстрее, чем растет трава), а по принципу общей протяженности всего процесса в целом» [Неклюдов, 1972, 28]. Мы бы только заметили по поводу «принципа скорости», что налицо, пожалуй, очень точное соблюдение

и этого критерия, ведь дождь в самом деле длится днями, рост травы — неделями, вода же в реке бежит из года в год, т. е. непрестанно (ср. у В. Распутина в «Горном Алтае»: «А Катунь все бежит и бежит, как тысячи лет назад...»). Градация здесь несомненна и поражает художественной проницательностью.

В свое время В. В. Стасов, увлеченный неоправдавшейся идеей восточного происхождения русского эпоса, безосновательно относил «к числу переводов или переделок» ряд типических былинных описаний. Но для формулы «день за днем будто дождь дождит...» он все же делал исключение и называл ее среди тех (немногих, по его гипотезе, не принятой наукой), какие создают «самобытную физиономию» былинной поэзии [Стасов, 1868, кн. 7, 324].

Справедливо именование разбираемого былинного описания формулой медленно текущего времени [Чичеров, 1982, 62]. Уловима здесь и более общая идея безостановочности, непрерывности течения времени — не случайны дополнения в вариантах: «Опять время идет — как вода течет» [Миллер, 73].

Поэтическая и семантическая емкость, многоплановость смыслов — столь типологично представляющие в формуле «День за днем будто дождь дождит...» — убедительно говорят о поступательном историческом преобразовании искусства изображения времени.

БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ

Никто еще, кажется, не сопоставлял в историко-поэтическом плане изображение богатырского гнева в разностадиальных эпосах [1]. Между тем при таком сопоставлении обнаруживается очень выразительный эволюционный ряд.

В якутском олонхо встречается формула, раскрывающая изобразительную суть описаний гнева: «киэбэ-киэлитэ киирдэ» — «облик-внешность изменился» [Нюргун, 310/311; ср. 194/195, 242/243, 246/247]. Она оказывается на редкость емкой, подразумевая впечатляющий перечень преображений. Выделим из них наиболее типизированные, учитывая и аналогии из эпоса других народов Сибири. В ряде случаев наиболее близки эвенкийские соответствия, в чем усматривается влияние якутского эпоса на эвенкийский [Пухов, 1980б, 275]; но мы увидим вместе с тем особость некоторых эвенкийских описаний, как и своеобразие их в эпосе других народов.

Вырастание от гнева. В якутских примерах «увеличение» соизмеряется со скалами, холмами и т. д.:

«На это богатырь айыы / Отступил назад и выпрямился, / Вздулся как каменная скала...»; «Сам он, маленький, вырос большим»; «Гнев его все увеличивался, / Весь он распух, как глиняный бугор» [Нюргун, 177, 243, 247].

«Вырастание» разгневанного богатыря — одно из самых излюбленных типических мест эвенкийского эпоса. В сказаниях из разных районов проживания эвенков оно сочетается с мотивом «чуть не лопнул, чуть не разорвался»:

«...Хучугон средней земли рассердился так, что толстые кишки [у него] чуть не лопнули, тонкие кишки чуть не порвались. Так, что на пядь растолстел, так, что вверх вырос на четверть» [Васил., 237]; «...От злости чуть не разорвался в самом тонком месте, чуть не лопнул в самом широком...»; «...До того разгневался, что вытянулся на целую пядь, раздался в ширину на четыре кисти руки...» [Ром.—Мыр., 209, 210]; «От сильного гнева / Он чуть не лопнул в плечах, / Чуть не порвался в пояснице» [Мыр., «Дэвэлчен», ст. 1537—1539]; «Солданикан-богатырь так разгневался, что по тонким своим частям едва не порвался, по толстым частям едва не лопнул» [Воскобойников, 1960, 208].

В улигере ононских хамниган и в нанайской эпической сказке разгневанного героя не вмещает одежда:

---

[1] Ближе всего к этому С. Ю. Неклюдов, разбирающий раздельно «эмоциональную реакцию» (в том числе гнев) русского былинного персонажа в одной работе [Неклюдов, 1973, 6—11] и «предельное выражение гнева» («боевое исступление») героев монгольских сказаний (с некоторыми параллелями из описаний якутских Эр-Соготоха и Нюргун-боотура, киргизского Манаса, древнеирландского Кухулина) — в другой [Неклюдов, 1984, 109—110].

«С его шелестящей шубы С семьюдесятью семью пуговицами / От его гнева великого / Начали пуговицы срываться» [Ул. он. хамн., 184, 263]; «Так сердится, что швы на его одежде распарываются. Пуговицы отрываются» [Авр., 130].

Некоторая близость к подобному выражению «вырастания в гневе» обнаруживается в шорском эпосе (бурятско-нанайско-шорская перекличка довольно неожиданна и заслуживает, вероятно, специального внимания). Снаряжаясь в путь, Шайгын Мерген, Алтын Ок замечают, что полы шубы/кольчуги «по земле волочатся, а слишком тугой лук превосходит силу руки». Но это их ничуть не смущает, а, напротив, воспринимается как должный запас на «вырастание в бою»:

«...Когда я ... рассержусь и [в гневе] буду сражаться, эта одежда как раз для меня станет!»; «Когда в жестокой битве, разгневавшись, я натяну этот лук, он мне как раз по руке станет!» [Дыр., 133, 147].

Конвульсия гнева, своего рода судорога, в «физиологическом» плане во многом совпадающая с толкованием этого слова у В. И. Даля («корча, спазмы, сведение мышц, дерганье мясных волокон в теле», «коробление членов»). Но в эпическом изображении заключен еще и слой устойчивых поэтических сравнений (словно упругий лук, дерево и т. д.). В итоге богатырское тело уподабливается натянутому луку-самострелу, готовому к взрывному разгибу-удару [2]. Такому описанию в якутском эпосе принадлежит особое место.

«Когда Мюлдью Сильный услышал это, то у него жилы на пояснице стали изгибаться назад, как упругий самострел...» [Пухов, 1962, 66]; «Свернуло в дугу ребра его как лук тугой. Свело жилы печени его, стянуло сухожилья хребта» [Ястр., 52]; «Стянуло его назад, / Как крень дерева, / Выгнуло его вперед, / Как березовое дерево...» [Нюргун, 177, 247, ср. 129]; «У нашего человека [от гнева] / Спинные сухожилия стали стягиваться, / Выгибаясь, как упругое дерево... / Могучие мышцы его стали разрываться, / Стали напрягаться мощные сухожилия, / Порываясь вырваться наружу» [Стропт. Кул, 310].

Кипение, бурление крови. Еще один аспект присущего архаическому эпосу изображения взрывной внутренней перемены героя как перемены скорее физиологической, интракорпоральной,— показ резкого, предельного убыстрения всей циркуляции крови («молодой», «буйной» и т. д.), ее бурления и напора, побуждающего к действию. В якутских олонхо:

«Молодая сильная кровь в дужку шеи вошла-вскипела, закипела юная кровь, что с затылка появляется» [Ястр., 97]; «...кровь закипела в его жилах»; «кровь его забурлила»; «буйная кровь заиграла в горле... горячие кровяные сгустки взбучились» [Нюргун, 243, 247, 309].

В эвенкийских сказаниях бурлящая кровь обретает дополнительные эпитеты, маркирующие не только ее саму, но и психологическое состояние богатыря, его ярость, неукротимость, другие характерные свойства.

[2] Ср. в ирландской саге вырастание в гневе и уподобление луку: «Тогда произошло с Кухулином чудесное искажение его: весь он вздулся и расширился, как раздутый пузырь; он стал подобен страшному, грозному, многоцветному, чудесному луку, и рост храброго бойца стал велик, как у форморов (сказочных существ.— *Примеч. переводчика*), далеко превосходя рост Фердиада» [Ирл., 162].

«...Свирепая кровь хлынула к горлу, сердитая кровь ударила в глаза, злая кровь спустилась в колени, грозная кровь остановилась в горле, храбрая кровь собралась в кулаках...» [Ром.—Мыр., 208]; «К горлу подкатила свирепая кровь, / К коленям убежала злая кровь, / В сердце ударила молодая кровь, / В глазах блеснула горячая кровь...» [Мыр., ст. 1533—1536].

Гневная мысль. В работе, посвященной древним представлениям некоторых сибирских народов о слове, мысли и образе, С. В. Иванов отмечал приписываемую словам и фразам «способность превращаться в видимые образы, обладающие хотя и призрачной, но все же материальной природой». Например, у долган охотник, отправляясь за добычей, не должен был думать об олене, потому что «...образы-тени [оленей] могли предупредить оленей» [Иванов С., 1975, 121, 123] [3]. Неявную, но все же существенную для нас аналогию составляет своеобразная изобразительная (использующая сравнение) материализация мысли прогневанного богатыря в олонхо:

«Словно напившийся молодой бык, гневная дума, мыча, взыграла»; «Неуступчивая мысль пришла, с громадного быка собою, упрямая мысль пришла» [Ястр., 52, 97]; «Сильные мысли / наполнили его грудь» [Нюргун, 247].

К последнему примеру — из «Нюргун-боотура» — близко описание гневной мысли, встречаемое в монголо-ойратском эпосе. Вместе с тем это уже несколько иная фаза изображения мысли, обретающего синонимические связи (параллелизм стойкости) и «психологические» измерения:

«...Против стремительно великого врага выдвинул стойкость богатырскую, породил в себе мысль, не знающую смягчения, и пошел рубать...» [Владимирцов, 1923, 127].

Огни гнева. Этот мотив особенно типичен для якутского и эвенкийского эпосов, однако он находит себе соответствия и в древнем эпосе других регионов (например, в ирландской саге [4]).

«И вспыхнули с треском, как загоревшаяся сера, волосы на висках...» [Ястр., 52]; «С лица вспыхнуло пламя, / как огонь серы, / из глаз посыпались искры, / словно от огнива» [Нюргун, 131, 177, 247]; «Из обоих висков его / Синие огни, шипя, разгораясь, вверх поднялись, / Похожие на развороченный костер; / На самой макушке у него заплясал / Огонь величиною со средний горшок; / Из обоих глаз у него / С треском посыпались искры, / Как из кремнистого огнива» [Стропт. Кул., 310].

«...Из обоих висков брызнуло по десять языков пламени...» [Ром.—Мыр., 210]; обоих висков полыхнуло / Десять серных огней» [Мыр., ст. 1542—1543].

Несомненный отзвук излучения огня разгневанным героем находим в «Манасе», стадиально более позднем, но вобравшем в себя некоторые традиции героико-архаического изображения. Новизна в том, что пламя, искры могут здесь восприниматься как в прямом, так и в фигуральном

---

[3] О магическом коммуникативном аспекте подобных представлений см.: [Новик, 1984, 122—129].

[4] См. описание «боевой ярости» Кухулина: «От скрежета его зубов извергалось пламя... В облаках над головой его сверкали молнии, исходившие от его дикой ярости... От лба его исходило «бешенство героя», длиною более чем оселок (!)» [Ирл., 341].

смысле (якутские и эвенкийские «протуберанцы гнева» подчеркнуто преподносились как всамделишные):

«Тут у юноши Манаса / Из правого глаза вырвалось пламя, / Из левого глаза вылетели искры...»; «Выслушал Манас то, что он сказал, / Бешеный взгляд метнул — / Из глаз его вырвался огонь» — [Манас, кн. 2, 368, 406]. Ср. Кыдырбаева, 1980, 56].

Источание гнева. Помимо пламени гнева, архаический эпос изображает и другую «материальную» экстериоризацию боевого возбуждения — кровь, вырывающуюся из его тела. В олонхо это сочетается с присущими его стилистике попутными многоступенными сравнениями (они обрамляют и контрастно выделяют то, что происходит с пальцами боотура), эпитетами, доскональными уточнениями.

«На мощных серебряных пальцах его, / Подобных десяти серым горностаям, / Сложенным вместе голова к голове, / Стала лопаться кожа, / И светлая, чистая кровь его / Брызнула дрожащими струйками, / Похожими на тонкие волоски, / Вырванные у лошади с мягкой гривой и хвостом» [Стропт. Кул., 299].

В эвенкийских сказаниях:

«Из десяти пальцев струйкой брызнула жидкая кровь» [Ром.—Мыр., 209, 210]; «Из десяти пальцев / Забила алая кровь» [Мыр., ст. 1540—1541].

Здесь уместно учесть указанную С. Ю. Неклюдовым ирландскую параллель — описание гнева Кухулина («...била вверх струя крови из его головы, рассыпавшаяся затем в четыре стороны, отчего в воздухе образовался волшебный туман, подобный столбу дыма над королевским домом...» [Ирл., 341] — и суждение исследователя по этому поводу: «Таким образом, „боевой дух“, выраженный в метафорах „крови“ и „несчастья“, не только заключен в самом персонаже, но и излучается всем его существом, создавая устойчивый „микроклимат“ воинственности» [Неклюдов, 1984, 110].

В эпическом предании африканских сорко, в сущности, та же идея внешней продолжаемости, истекаемости гнева: «От гнева волосы на груди и на теле удлинились, прошли через одежду... и глубоко ушли в землю» [Котляр, 1985, 108]. С такой материализацией исходящего гнева перекликается подробность из «Манаса», приводимая Р. З. Кыдырбаевой в подтверждение определенного сходства приемов изображения гнева в якутском и киргизском эпосе: «А из гнева, выступившего на лице, / Пять пар чулок можно связать» [Кыдырбаева, 1980, 56].

Гневный порыв: жест или/и слово. Все описание гнева, не исчерпанное в нашем разборе, подводит к конечному жесту, удару или слову (богатырскому песнопению).

«В таком гневе помчался он на демонова сына и пальмо́ю своею ударил» [Ястр., 52]; «Вытащил длинный смертоносный меч, / Размахнувшись до гребней / Высоко ходячего облака, / Ударил с шумом сына абаасы» [Нюргун, 131, 179]; «Опершись на черный кровавый меч... он вымолвил такое слово» [Нюргун, 247—249]; «Приподняв над своей головой / Острую пальму... / Он побежал... / Гневные слова произнося...»; «Прямо держа над собой / Девяностопудовую железную / Палицу свою, / Грузно затопал... навстречу, / Стал сыпать крепкими словами» [Стропт. Кул., 299—300, 311].

В бурятском улигере весь гнев вмещается в одном стремительном действии:

Лежал я еще в колыбели,
И, лежа в своей колыбели,
От злобы и злости
Я выскочил из колыбели через изголовье,
И в правую руку я взял
Серебряно-белую пику отца
И, не оседлав, я вскочил
На отцовского светлоголубого коня
И пустился вдогонку
За Алтай Улан-тенгрием.

Абай Гэсэр-хубун, I, 181

В «Абай Гэсэре» Пёохона Петрова боевой порыв богатыря сопровождается гневным криком, для которого имеется особая гиперболическая формула:

Абай Гэсэр хан
справа рванул за удила
вещего гнедого коня...
и рысью помчался к чудовищу,
Когда поскакал Абай Гэсэр хан,
то громко крикнул —
крики восьмидесяти драконов соединил,
раскатисто крикнул —
крики тысячи драконов объединил.

Абай Гэсэр, 80, 82

А. И. Уланов отмечает, что в улигерах есть и «охотничий» вариант подобной характеристики боевого возгласа: «крик восьмидесяти лосей или изюбров соединил» [Абай Гэсэр, 305]. В данном случае формула демифологизирована, чем лишний раз доказывается, что и в пределах одной эпической традиции могут существовать разноэтапные типы изображения.

Возвращаясь к якутским описаниям, согласимся с давним замечанием И. В. Пухова о том, что олонхо создают «особый портрет богатыря, находящегося в гневе», причем для устрашения врага герой перенимает некоторые черты чудища-абаасы. Справедлива и мысль о том, что «свирепый вид некоторых героев олонхо не только свидетельство их богатырского могущества, но и знак той жестокой борьбы, которую они ведут [5]. Видимо, считалось, находил И. В. Пухов, что во внешнем облике богатыря должна отразиться нечисть врага [Пухов, 1962, 66—67, 70]. С этим согласуется толкование С. Ю. Неклюдова: «...парадокс эпической эстетики («герой эпического повествования, имеющего по преимуществу «демоноборческий» пафос, сам уподоблен демону») во многом объясняется именно

[5] Нечто подобное привлекло наше внимание в восточнороманской песне об охотнике-змееборце: «Певцы изображали витязя сидящим в седле из змеиного черепа и держащим в руках поводок из змеенышей. Это должно было обозначать, что... его особое призвание — истребление змей и прочей нечисти» [Гацáк, 1967, 42].

противостоянием демону: для успешного выполнения своей миссии — очищения земли от чудовищ — герой должен быть соизмерим с ними и даже уподоблен им» [Неклюдов, 1984, 110—111].

Следуя подходу, намеченному Б. Л. Рифтиным [6], В. Т. Петров усматривает в описаниях внешности богатырей олонхо — включая изображение героя в гневе — элементы ситуативного портрета. Они тем более заметны, что, например, внешний вид Нюргун-Боотура, вступающего в бой («Богатырь айыы так разгневался, что назад прогнулся...»), отличается от описания его после богатырского песнопения («Глаза засверкали огнем... / Волосы на висках взъерошились... / Изменился облик лица...») [Петров, 1978, 97—98]. Сказывается переход гнева в другую фазу.

Обратимся теперь к эпосу тюркоязычных народов Южной Сибири. В описаниях гнева и здесь налицо явственные приметы архаического изображения, хотя амплитуда эволюционных различий более значительна. В тувинских сказаниях встречается краткая формула гнева: «никогда не сердившийся, рассердился» [СБ Тув., 43, 68]. Однако и в этих сказаниях эмоция сопровождается действием, боевым кличем:

«Рассердился Хан Буудай, вытащил из колчана медную стрелу и проткнул печень великана»; «Так закричал громовым голосом, что вершины скал разлетелись в прах, долго протяжно закричал — верхушки деревьев в лесу попадали на землю» [СБ Тув., 69, 71].

Формула «не сердившийся, рассердился» известна и шорскому эпосу [Дыр., 85, 89], но сочетается или соседствует в нем по крайней мере с тремя топосами, характерными гиперболизированной экстериоризацией гнева (раздувание подобно горѐ или морю, почернение лица, крик, разрывающий дно миров):

«Хан Мерген, не сердившийся, рассердился, как гора надулся» [Дыр., 85]; «Как гора рассердился, как море раздулся» [Дыр., 37, 101, 147, 207].

«Лицо его, белее снега (вар.: белее бересты.— *В. Г.*), стало подобным копоти казана. Лицо его, краснее пламени, сделалось подобным мертвой печени (вар.: подобным почерневшей хвое.— *В. Г.*) [Дыр., 85, 101, 131, 171, 207, 223].

«...Очень рассердился. Закричал, разрывая на части дно верхнего мира, закричал, расщепляя надвое дно подземного мира» [Дыр., 51, 187, 207].

Частичное совпадение с шорским (см. уподобление раздувшемуся морю) налицо в хакасском эпическом топосе гнева, но добавляется иное устойчивое продолжение: «Как море вздувается, / *Как гром гремит*, / *Как барс рычит*» [Унгвицкая—Майногашева, 1972, 133]. Два последних стиха по-особому органичны для хакасской поэтической традиции,

---

[6] Б. Л. Рифтин обнаруживает зачатки ситуативного портрета в китайской народной книге. Он отмечает, в частности, что динамическое изображение персонажа в бою («шлем съехал набок, волосы растрепались, кольчуга открыла грудь...») контрастирует с трафаретным статичным описанием («на голове у Ли Су серебряный шлем»). Для нас особенно интересен приводимый исследователем пример, когда персонаж запечатлен в гневе: «Разбойник Чжи страшно разгневался, широко расставил ноги, оперся на меч, засверкал глазами и зарычал, словно кормящая тигрица».

В китайском традиционном сказе имеются особые стихотворные вставки, изображающие состояние героев. «Судя по архаическим якутским олонхо,— пишет Б. Л. Рифтин,— это может быть весьма ранним явлением» [Рифтин, 1970, 115—116].

о чем свидетельствует их самостоятельное бытование в качестве пословицы [Унгвицкая—Майногашева, 1972, 262]. Уподобление рычащему зверю присуще и другим эпическим традициям неодинаковой близости: алтайской («взвыл, как волк» [Баск., 134. Ср. 111]; «подобно медведю-самцу взревел» [Маадай-Кара, 428]), огузской («заревел, как верблюд, зарычал, как лев» [КМД Корк., 57]), китайской (см. сравнение с рычащей тигрицей в примере, который приведен в сноске 6) и т. д.

В алтайских описаниях гнева есть и сравнение с громом (как в хакасском), сочетающееся, однако, со специфичным уподоблением звенящему/гремящему железу — например, в текстах, записанных от выдающегося сказителя Николая Улагашева: «Как железо зазвенел, как гром загремел» [Баск, 79, 111]. Тут же непременно следует гневное действие-жест: герой бросает противника «за девяносто гор» [Баск., 103] или поднимает его «до синего неба», «до белых облаков» [Баск., 168, 182, 228]. Другие проявления гнева (бурление крови, «огонь гнева»), которые мы наблюдали в якутском и других архаических описаниях, еще угадываются в алтайских сказаниях, но чаще предстают в заметной преобразованности, включая психологизированный оттенок:

«Кровь и тело у Хан-Кюлера разгорячились, / Губы свои он прикусил, / Глаза и лицо налились кровью»; «Глаза у него разгорелись»; «Разгорелась в нем кровь»; «Горько-ядовито крикнул» [Баск., 168, 181, 228, 323].

Но есть и прямые отзвуки древних состояний. К их числу несомненно принадлежит двойная метаморфоза в алтайском сказании «Алтын-Бизе», записанном от Евдокии Таштамышевой. Герой, догоняя летающего коня, превращается в птицу-орла и гнев застает его в этом преображенном виде.

Сильно разгневался,
Страшно рассердился.
На широкой его спине
Черный лес вырос,
Подобные звездам глаза
Красной кровью налились.

Алтын Бизе, 52

Как мы убедились, эпические традиции южносибирского региона связываются между собой отдельными совпадающими звеньями описаний гнева (*тувинск.—шорск.* «не сердившийся, рассердился»; *шорск.—хакасск.* «как море раздулся»; *хакасск.—алтайск.* «как гром гремит», «как барс/медведь/волк рычит»).

Но существуют и межрегиональные изоглоссы схождений.

В монголо-ойратских сказаниях, записанных академиком Б. Я. Владимирцовым, обнаруживаются, во-первых, описания, родственные якутским, эвенкийским и др. топосам кипения гнева, вырастания в гневе и источания гнева (а также формуле «гневной мысли», монголо-ойратскую параллель которой мы приводили при рассмотрении якутских описаний). Специфично «материализующее» сравнение с кипением чугуна: «У Бум-Эрдени гнев внутри закипел семицветным чугуном» [Владимирцов, 1923, 76, 89]. «Вырастание» не предваряет поединок, а происходит в ходе его: «Тогда не разогревшееся тело Бум-Эрдени разогрелось, не размякшее

тело размякло; вздулось его мясо как непролазная черная гора, вздулись его соски как две серых сопки; вздулось его мясо по обе стороны хребта, как Кобдоские сопки» [Владимирцов, 1923, 76. Ср. 230]. В описание боя как бы перемещено и источание гнева: «С чистого, прекрасного лба покатился холодный черный пот каплями с трехлетнюю овцу величиной; а с хребта заструился пот точно двадцать желтых ручьев, которых не переплыть барашку» [Владимирцов, 1923, 76. Ср. 230].

Во-вторых, налицо перекличка с южносибирскими тюркоязычными описаниями «вселенского» эффекта богатырского жеста или крика:

«Поднял он с криком противника, поднял над теменем и шваркнул его так, что задрожала земля, так, что заволновалась вся вселенная — мировой коловорот»; «Ринулся на десять тысяч сотен воинов, гаркнув, соединив в одном громовом голосе голоса тысячи пятисот громов» [Владимирцов, 1923, 89, 125].

Эти разнонаправленные ассоциации (с якутскими, эвенкийскими и др. описаниями, с одной стороны, и южносибирскими — с другой) дают повод говорить о более широкой межрегиональной общности процессов и возможных связях эпических традиций.

На архаическом сибирском фоне рельефно выступает стадиальная специфика изображения гнева в эпосе героико-историческом — славянском, восточнороманском и т. д.

Самая контрастная особенность заключается в том, что «физическое» изменение «облика-вида», столь впечатляющее в героико-архаическом эпосе (вырастание от гнева, кипение крови, излучение огня и т. д.), целиком уходит из описаний гнева.

Но еще улавливаются рефлексы «кипения», как процесса «материального», и некоторые другие элементы древнего изображения (зооморфные уподобления и пр.), хотя предстают они в ослабленном, опосредованном виде и совсем не бесспорно угадываются сквозь фигуративность, перекрывающую их. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, подборка примеров из русских былин, югославянских и болгарских юнацких и восточнороманских войницких песен.

«Ретиво его сердцё разгорецилосе, / Кабы ровно-неровно — бутто в котли кипит» [Онч., 10]; «А-й закипело-зашыпело ретиво серцо...» [Григ., II, 445]; «Богатырско сердце как ключом кипит» [Черн., 235]; «Разгоралася кровь богатырская» [Был. ЗП XVII—XVIII вв., 206]; «Да горяцяя крофь да роскипеласе» [Григ., II, 218]; «Роськипелась в ём кровь горячая» [Марк., 413]; «Горяча кровь в Иване раскипелася» [Т.— М., 285]; «Роскипелось у ево серьцо ди богатырьскоё» [Марк., 341].

«А кад чуо Краљевићу Марко, / цик'ну Марко како смiю люта» [Ерл., 124]; «Цикну, викну нejаки Ненаде, / цикну, викну, као змиjа љута» [Кар. Необ., II, 50]; «Цикну Марко као горско звере» [Кар., II, 239]. Ср. в русской былине: «Сревел, как будто лев-то зверь» [Рыбн., II, 158].

«Пищи Марко като люта змия»; «Пища они, та се земня тресé» [БЮЕ, 245, ст. 89, 111].

«Стоян рэу сы мыние, / Окий дин кап сы'нрошэ, / Пэру дин кап сы збурле...» — «Стоян сильно разгневался, / Глаза покраснели, / Волосы вздыбились» [Еп. ер., 97]; «Unde fraţii mi-auzea, / Carnea pe el tremura» — «Когда [слово] братьев услышал, / Тело его (букв.: мясо на нем) задрожало от гнева» [Карам., 343].

Мы вправе предположить, что в пору складывания цитируемых эпосов роль описаний древнего типа была значительно больше.

Из всех аспектов изображения гнева, наблюдавшихся в архаической эпике, один очень определенно и прочно удерживается на последующих этапах истории жанра: обязательным предстает сопровождение гневной реакции героя его жестом или действием. Причем не только сохраняется эта связь, но и немедленно следует третье звено: результат действия. Подобная триада просматривалась и в обширных сибирских памятниках, но в данном случае наблюдается ее стяжение и слияние воедино: «Воспылала кровь богатырская, / Не мог сдержать он рук белыих, / Как правой рукой махнул — / Все богатыри на земли лежат» [Рыбн., II, 159].

Необходимо, однако, обратить особое внимание на фактурную, субстанциальную новизну обозначения и изображения самого гнева.

Начиная, по крайней мере, со «Сказания о кеевских богатырех» (список середины XVII в.) и текста былины «Суровец-суздалец», опубликованного в собрании песен М. Д. Чулкова (записан не позднее 1770 г.), известна формула, входящая в былинный топос гнева: «богатырское сердце нестерпчиво/не утерпчиво» [Был. ЗП XVII—XVIII вв., 163, 206. Ср. Гильф., I, 353 и др.]. Ясно, что речь идет о свойстве душевного склада, формула представляет метафору неуступчивости, горячности. Образ сердца может служить и выражению стремительной эмоциональной перемены: «А как розъерилось ёго да ретиво́ серьцо» [Марк., 413]; «Молодецко ево серцо да розъярилосе» [Онч., 267]. Следовательно, знаками гнева становятся приметы «психологического» плана, что сразу отличает былинные топосы гнева от героико-архаических (с их телесными метаморфозами, огнями гнева и т. д.). Побудителем действия оказывается эмоциональный порыв, что подтверждается слиянностью соответствующих стихов: «Роскипелось у ево серьцо да богатырьскоё, / Росходились у ево плечи могучия, / Он хватал-то скоро саблю вострую...» «[Марк., 341]. Как мы помним, и в якутском олонхо императивом действия был гневный порыв, но первое проявление свое гнев находил в изменении «вида-облика», в телесной конвульсии и т. д.

«Психологической» интериоризации состояния гнева служат и такие опорные понятия русского топоса гнева, как *беда*, *досада*, входящие в частую формулу «за беду стало, за великую досаду показалось» [КД, 133; Миллер, 118; Григ., II, 395, 441]. О ее контекстуальной роли см. [Селиванов, 1969, 92—94]. Примечательно суждение исследователя о том, что в былинных описаниях гнева на первом плане — «преобразование чувств» [Селиванов, 1969, 91].

Как заметил С. Ю. Неклюдов, в былинах наблюдается разнообразие оттенков и степеней гнева (недовольство, обида, раздражение, досада, сильный гнев, своеобразные формы необузданного амокального боевого исступления), причем «может происходить последовательное «переключение» с одной градации на другую — от форм минимальных до аффективных, ведущих к действию» [Неклюдов, 1973, 8—9].

Художественно-специфичны и другие моменты в былинных описаниях. Гнев «успевает проявиться во внешнем виде» [Селиванов, 1969, 94]: «Лепота в лице переменилася» [Т.— М., 285]; «Лепета в лици стала переменятисе» [Марк., 413]; «Оци ясные да сомутилисе» [Григ., II, 218].

Антитетично перекликается с «натуральным» почернением в героико-архаическом эпосе (например, в шорских сказаниях), фигуративное выражение былины «стемнел, как темная ночь» [Рыбн., II, 158]. О том, что подобное сравнение непосредственно характеризует расположение духа, психологическое состояние, свидетельствует противопоставление, звучащее в одной из былин Кирши Данилова (оно привлекло в свое время внимание В. Г. Белинского): «Тугарин почернел, как осенняя ночь, / Алеша Попович стал, как светел месяц» [КД, 360].

Лавинообразное нарастание фигуративности находит проявление в том, что описание гнева-действия зачастую входит в состав отрицательного параллелизма.

«Потом не ясен сокол встрепенулся, а млад Михаила сын Данилович сложил с себя железа с рук и с ног и побил около себя людей многое множество» [Был. ЗП XVII—XVIII в., 144]; «И не синеё морё сколыбалосе, / У Михайлы ли сердце разгорелосе, / И поехал Михайло Дородович...» [Гильф., III, 336]; А не сыройто бор-то разгорается — У старого сердечко злополяется. / Хватил он сырой-то дуб за вершиночку, / Вырывал сырой-то со коренем, / Начал сырым-то дубом помахивать...» [Черн., 253]; «Не синее море сколыбалоси, / Не сырой бор разгоряетси,— / Разгорелось сердечушка Дунаево...» [Сок.—Чич., 516—517].

В двух былинах сборника Кирши Данилова — «О женитьбе Владимира» и «Иван Гаденович» — контрастно изображается гневная реакция короля/князя (рвущего черные кудри с досады) и богатыря (вынимающего саблю или устремляющегося к коню). Это могло быть индивидуальным повествовательным приемом одного и того же певца, но типологично своей новизной само противопоставление разнородных изображений «реализации» досады: смехового и боевого, героического. Тем более, что антитеза не лишена и социального нюанса.

А и тут королю за беду стало,
А рвет на главе кудри черныя
И бросает о кирпищет пол...

Тут Дунаю за беду стало.
Разгоралось ево сер(д)ца богатырское,
Вынимал он свою сабельку острую...

КД, 57, ст. 123—125 и 132—134. Сходно: КД, 78, ст. 51—52 и 79—81

В эпосе южнославянских народов топосы гнева обладают, в основном, такой же стяженной трехчастной структурой (гнев — действие — итог), какую мы наблюдали в русских былинных топосах. Им тоже присущ «ситуативный психологизм», выраженный в канонических формулах [Путилов, 1971, 111], и несомненное тяготение к метафорической образности. При том, что и здесь они предстают на фоне описаний более древних предполагаемых типов (см. выше, с. 00). Историко-поэтические аналогии сочетаются с естественным своеобразием фаз художественного изображения, набора образов сравнений, поэтико-стилевых, языковых средств выражения.

В югославянских песнях: вскакивающий в гневе Марко сравнивается с живым огнем (1); подобно русскому богатырю, юнак в своем гневе-действии поддается побуждению разыгравшегося сердца [7] (2); топосы гнева

[7] Б. Н. Путилов оправданно соотносит традиционные югославянские выражения, «передающие наивысшее душевное волнение»,— «U njemu je srce poigralo», «У јунаку срзе препукнуло» — с русскими былинными «Молодецкое сердечко разгоралося», «Воинская у него кровь раскипалася» [Путилов, 1971, 111].

включают в себя опорные формулы «расрди се», «се ражл утио» и их варианты (3); топос выражает психологическое ожесточение бьющегося воина: ножом колет, зубами грызет (4).

(1) «Плану Марко као огањ живи [8], / па поскочи на лагане ноге, / фати бритку сабљу с чивилука, / шћаше Леки главу да укине» [Кар., II, 234].

(2) «И то гледа Краљевичу Марко, / срцу своме одољет' не може, / брзо јунак сабљу повадио, / одс'јече му у рамену руку»; «Кад је Марко р'јечи разумио, / у њему е живо срце поиграло... / махну сабљом и десницом својом...» [Бог., 241—242, 249].

(3) «Расрди се млађанин Ненаде, / пак удари на триест јунака: први десет сабљом посекао, / други десет коњем погазио, / трећи с'десет по горе разбеже...»; «Љутит Марко, па се придрнуо, / једном крочи и далеко скочи...»; «Колико се Марко ражљутио... / кад удара тешком топузином...» [Кар., II, 80, 235, 464].

(4) «Колико се д'ете разљутило, / ножем коље, а зубима гризе» [Кар. Необ., II, 175].

Внешние проявления гнева (реакция на услышанные слова): мрак исходит из глаз, бледнеет лицо.

«Mrak mu buje iz crnih očiju»; «u obrazu odmah pobl'jedio» [Хрв., IX, 85, 109].

Специфична для югославянских юнацких песен (с обычным в них писанием/чтением писем) передача гневной реакции на содержание полученного письма:

«Гледа књигу Краљевичу Марко, / гледа књигу, смие се грохотом» [Ерл., 214]; «Kad vidio, što mu knjiga kaže, / on je svoga konja napravio / i uzimlje tešku topuzinu» [Хрв., I, 229].

В числе «готовых стихов» общеюгославянского распространения отмечается «жест досады и гнева» [Голенищев-Кутузов, 1963, 302]:

Kad to čuje Višnjević-Lazare,
Udara se rukom uz koljeno,
Na koljenu dobra čoha puče,
I govori Visnjević-Lazare...
Хрв., I, 233. Ср. Кар., II, 295

Выделяемый аспект преображения юнака в минуту гнева хорошо обозначен болгарской песенной строкой «Марко стана буен и немирен» [БЮЕ, 232]. Топосы гнева в болгарском эпосе обычно начинаются формулами «разсърди се», «разлюти се», столь же «психологизированными», как и русские и югославянские (почти совпадающие) их соответствия.

«Разсърди се Марко добър юнак, / па извади сабля на сглабове, / та погуби триста чоадаре / и петстотин яничаре турци...»; «Разлюти се Марко Кралевичи, / разлюти се сърце у юнака,.. / па си зграща скали и камене / да загражда три църни арапа...»; «Разлюти се Кралевите Марко, / па си дигна рало и копраля, / та погуби петстотини турци...»; «Разлюти се Марко юнак, / та си зема остра сабля, / остра сабля дипленица, / та погуби седемдесе, / седемдесе арамлии» [БЮЕ, 188, 192, 216, 661].

Знаменитая песня «Крали Марко освобождает три вереницы рабов» содержит топос гнева, примечательный средоточием уподоблений, создающих образную картину, как бы параллельную происходящему налету юнака на врагов. В подтексте — оценочная передача боевого и психологического превосходства богатыря.

[8] Синонимичный вариант: «како ватра жива» [Кар., II, 348, Ср. 364].

Трепна Марко като горско пиле,
та докачи сабя оклопница,
па се пущи като вълк у стадо,
та разгони триста чохадаре
и петстотин яничаре млади,
като ястреб сиви гълъбета.
Та отпущи три синджира робе...
БЮЕ, 185

Цв. Романска (Вранска) отмечала в болгарских народных песнях насыщенную выразительность этимологических фигур «гняв догневя» («Стоян го гнява дугневя») и «гнежба догневя» («Стувянчу гнежба догневя»). Она обращала также внимание на параллельное употребление слов *гняв* и *яд* [Вранска, 1955, 301—303], что подтверждается строками юнацких песен: «Разяди се Марко, разгневи се, / па извади своя остра сабля»; «Ядно дете сабля извадило, /ощ по-ядно со сабля манало, / та отсече арапската глава...» [БЮЕ, 243, 247].

Любопытное свидетельство умножения психологических аспектов изображения гнева содержит песня о Марко, записанная в Вардарской Македонии (г. Охрид). Юнак, выведенный из себя неучтивой песней орача, готов снести ему голову: «Мы се ногу Марко насърдило, / а до полу боздоган (вернее было бы сказать *сабя — примеч. собирателя*) изтъргнало». Но тут же Марко одумывается, решает сперва потолковать с пахарем. «А боздоган назад си вратило» [Шапк., II, 189—190]. Новизна здесь — в *приостановке* гневного действия.

В известной восточнороманской песне «Гицэ Кэтэнуцэ» описание войницкого поединка в своем построении передает градацию психологического напряжения борьбы и постепенное преобразование богатырского гнева.

Să luptară pînă la prînz —
Li să părea lupta rîs,
Să luptară pîn' năn eaz —
Şi fu lupta cu necaz,
Să luptară pîn-la chindie —
Şi fu lupta cu mînie,
Să luptară pînă-n seară —
Li să păru lupta amară!

Боролись до полдника —
Казалась борьба забавой,
Боролись до полудня —
И борьба стала злой,
Боролись до заката —
И борьба стала яростной,
Боролись до вечера —
Показалась борьба им горькой!
Пэск., 286. Ср. Гацак, 1967, 112; 1968, 151

А. Н. Веселовский не преминул бы заметить, что эпическое изображение приобретает психологическую подкладку. Этот историко-поэтический вывод вытекает не только из последнего примера. В сущности, он подсказывается всей совокупностью наблюдений над изображением богатырского гнева в героико-историческом эпосе.

От поэтики демонизма, протуберанцев гнева к своеобразному эпическому «психологизму» (обобщенно-ситуативному, долитературному) — таков один из важных путей историко-поэтического преобразования принципов изображения богатыря во гневе.

Переадресуя суждение исследователя исторической поэтики древней литературы, уместно сказать, что на новом этапе развития эпоса гнев «не созерцаем извне, но восчувствован изнутри, и его образ складывается не из впечатлений глаза, а из вибраций человеческого «нутра» [Аверинцев, 1977, 62]. Так, по-видимому, приходит и в эпос то, что С. С. Аверинцев назвал «новой зрячестью».

ПОЭТИКА ИСТОРИЗМА ВО ВРЕМЕНИ

Неутихающий спор вокруг проблемы историзма эпоса вступил в такую фазу, когда продвижение вперед не может происходить за счет одного лишь «саморазвития» противостоящих концепций.

Настало время нового, пленарного опроса самого материала эпоса. В сущности, к расширению подхода побуждает само вхождение многообразнейшего эпического наследия народов СССР в науку. В согласии с неоднозначными показаниями разноязычных и разноэтапных традиций все яснее выступает неодинаковое соотношение эстетики эпоса с реальностью в памятниках древнего типа, богатырских историзованных повествованиях и собственно исторических песнях. И конечно же, в силу этого не следует прилагать к изучаемому эпосу неадекватную для него меру историзма или вымысла. Но как раз на фоне подобных различий предстают в своей особой значимости те единые для эпоса принципы, которые уловимы даже в самых отдаленных друг от друга эпических памятниках.

Проделаем небольшой опыт в целях сопоставления повествовательных констант героико-архаического и героико-исторического эпоса.

Из якутского слонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в научном переводе Г. У. Эргиса возьмем «главу» «Первый бой Нюргуна с богатырем Абаасы Уот Усутаакы» [Нюргун, 239—269, абз. 311—368]. А для сравнения с якутским текстом — русские былины «Первая поездка Ильи Муромца в Киев» [КД, 239—244], «Калин-царь» [там же, 165—172] и «Илья Муромец на заставе богатырской» [Кир. I, 46—52]. Из обеих текстовых выборок, примерно равных по объему (около 600 строк каждая), выписаны все понятия, снабженные определениями. Повторяющиеся понятия вместе с «пучками» принадлежащих им определений сгруппированы и расположены в убывающей частотности. Образовались две небольшие серии, возглавляемые теми понятиями, какие наиболее настоятельно высвечиваются определениями. В целом же каждая серия обозначает присущий тексту круг приметных понятий — опорные понятийные узлы текста; в перечне же определений конденсируется качество эпического изображения. Перед нами — профилирующие художественные вехи повествования.

Интенсивно определяемый понятийный ряд якутского текста: *богатырь(-ри)*, *страна*, *море*, *племя*, *дух-хозяин*, *люди*, *идол*, *конь*, *сила*, *слово*, *жилище*, *сторона*, *камень*, *имя*, *улусы*, *хозяин*, *счастье*, *взгляд—взор*, *небо*, *место*, *путь*, *гора*, *дни*, *пламя*, *очи—глаз*, *меч*, *мир*, *человек*, *абаасы*, *клятва*, *облака*, *трава*, *темница*. Разумеется, в этом ряду не все понятия имеют жанрово-определяющее значение, частотность некоторых ситуативна.

Мы привели пока одни определяемые слова без сопутствующих им. Но будем помнить, что в тексте каждое сопровождается уточнением: какой,

который, под каким именем или названием. А обозначения богатырей, страны, племени, сверх того, еще подразделяют их на своих и чужих.

Легко уловить, что на протяжении олонхо постоянно как бы пульсируют сигналы: кто такой герой, из какой он страны, какого племени, кто его враги, где происходит их встреча и т. д. Краткий фрагмент приоткрывает лишь малую долю типизированных обозначений подобного рода. На самом деле их во много раз больше. Сам же характер приведенного перечня заставляет сделать вывод о непременности этнических, пространственных (в том числе и географических), общественно-бытовых и других координат действия. Казалось бы, это несколько неожиданный вывод по отношению к героико-фантастическому олонхо.

Но дело не только в этой поправке, касающейся олонхо. Оказывается, что присутствие указанных координат есть органическое свойство эпоса уже на ранней его стадии. Да и могло ли быть иначе, если эпос — это повествование об этносе и его бытии в мире?

Что касается стадиальной специфики поэтики олонхо, то ее по-своему раскрывают определения, эпитеты к поясняемым понятиям, не говоря уже о ряде самих понятий как таковых, вроде духа-хозяина и др.

Богатыри, когда они положительные персонажи, обозначаются эпосом как богатыри айыы — племени людей, воспеваемого в эпосе; они же — *богатыри Среднего мира*, в котором живет племя *айыы*, или *айыы хаана*. Богатырь Нюргун Стремительный — главный из них в данном олонхо.

Противники их — *богатыри абаасы*, они же *богатыри внешних тридцати девяти племен* и т. д. (мы ограничиваемся теми характеризующими обозначениями, какие есть в рассматриваемой «главе» олонхо; подробнее о типологии олонхо см.: [Пухов, 1962; Емельянов, 1980, 1983]).

Своя, воспеваемая страна — *страна людей айыы, страна улусов солнца, родная страна*. Чужая, враждебная — *страна абаасы, страна, вращающаяся в противоположную сторону, мрачная страна Нюкент Юёдэн преисподняя, по-волчьи воющая, дикая и страшная страна*. Море — *великое огнемутное, огненное Кудулу-море, пылающее пламенем огнемутное море Кудулу* и др.

Определения в чем-то варьируются, но суть их стабильна и не произвольна. Это не вымысел по ходу изложения олонхо и только для него. Координаты мира даются в олонхо в пределах действительно существовавших представлений, в том числе и мифологических, что и проступает в фактуре определений.

Теперь обратимся к определительным сочетаниям текстов былин, привлеченных для сравнения. Сквозные понятия, характеризуемые в них, таковы (тоже в порядке убывающей частотности): *Владимир, Илья, Калин, конь, Киев, двор, застава, Добрыня, Соловей, поле, богатырь, земля, татарин, рука, слово, голова, молодец(-цы), братия, миса, сторона, леса, дорога, верста, груди, Василий, жена, сын, брат и братцы, очи, сабля, гора, люди, род, сила, глаз, заповедь, стрела, ярлыки, море, башня, дерево, человек, мужик, поездка, удача, седлышко, лук, плеть, подвалы*.

Мы видим, во-первых, что в былинах безусловно сохраняются вехи и приметы, выдающие врожденное стремление эпоса обозначить натуральное местоположение этноса в мире, дать узнаваемые меты многоаспектного бытия его исторической и социальной жизни. Во-вторых, по

сравнению с олонхо они предстают в особом учащении и самоочевидной историзованности. Перечень детерминируемых персонажей, понятий, предметов и т. д. свидетельствует об этом со всей наглядностью — см. хотя бы такие обозначения, как *Киев*, *застава* или даже *ярлыки*, независимо от того, первородны ли последние в былинах.

Однако отличие не только в перечне понятий, но и в исторически значимой сущности определений: *Муромец*, *князь стольной*, *стольный город*, *злой царь Калинович и пр.*, даже *Соловей* не просто чудище (хотя и «шипит по-змеиному»), а *разбойник* на пути в Киев. Фактически весь определительный слой принципиально новый по сравнению с мифологизированным якутским. Мы могли бы сказать, что основное отличие—его «реальностность», если бы для героико-архаического эпоса сочетания *нижний мир* и прочие не были бы тоже «реальностными», но в пределах иных представлений о мире подобные понятия и определения «с точки зрения эпического сознания... реальны» [Путилов, 1976, 230]. Критика теории вымышленности эпоса (в смысле его автономности по отношению к конкретной истории) недоказательна, если обосновывается тем, что эпос государственной поры осознавался как «правда»; древний героико-архаический эпос тоже не существовал вне такой веры. Специфичность эпоса на новом этапе развития обусловливается новизной воззрений, запечатленных в нем, историзацией «побуждений, создающих эпос» (Л. Н. Майков).

Между прочим, и поздние нововведения, вроде замены двора княжецкого дворянским в одном из взятых текстов былин или прозывания Ильи Муромца атаманом, по-своему удостоверяют исконную обращенность былины к реалиям действительности, ибо они продлевают во времени категории присущих былине понятий и определений по принципу подстановки себе же подобных [1]. Поэтому они не отменяют, а лишь подтверждают противостояние былинного определительного ряда вымышленному.

Как формулировал еще Ф. И. Буслаев, «песня шла за достоверное повествование» [Буслаев, 1851, 57]. Этим определялось назначение всей фактуры эпоса.

Поэтика эпического историзма, на наш взгляд, как раз и есть *совокупность реальностных художественных координат, обладающих свойством принципиальной исторической и социальной знаковости*. Иначе говоря, реалии эпоса существенны не в своей буквальной, прагматической данности и «достоверности», а в родовой, эпохальной обусловленности и показательности.

Полагаем это верным по отношению к эпосу любой стадиальной типологии, поскольку наличие самых существенных историко-эволюционных различий не отменяет значимости эпоса как формы художественного самопознания этноса, его социума в становлении и утверждении, будь то родо-

[1] В. И. Чичеров обращал внимание на однородность взаимозаменяемых понятий применительно к именованиям городов, примыкающих к Киеву или связанных с ним как с основным центром: «Потерялось различие между Галичем и другими названиями. А Киев не путают. Все города связаны с Киевом как зависимые» (*Чичеров В. И.* Спецкурс «Русский фольклор в период формирования нации»: Лекция от 15.03.1956 г. Записано автором данной работы).

К. В. Чистов определяет как синсемантическую синонимию равнозначность разных именований города, который освободил Илья Муромец по пути в Киев, с точки зрения поэтической системы былины [Чистов, 1986, 139].

племенной коллектив или народность. Другое дело, что от одной стадии к другой художественная система, как и эпос в целом, претерпевает существенные изменения.

Определительный слой эпоса — одно из важнейших воплощений поэтики историзма и ее стадиальных особенностей. Но можно ли считать, что наблюдаемые в этом слое взаимозаменяемость, вариации всегда остаются в пределах одной качественной зоны? Фактически это вопрос о том, обладает ли поэтика историзма способностью удерживаться на протяжении всего устного существования данного эпоса. Имеем ли мы в записях XIX и особенно XX в. именно ту поэтику, которая органична для изучаемого эпоса? Или, может, органичными бывают несколько разные поэтики?

Принципиальная сохраняемость жанровой системы не должна от нас заслонять изменения в отдельных частях ее, иначе и всю систему будем ретроспективно толковать искаженно.

Между тем еще не осуществлено, например, систематическое сопоставление эпитетики былин в записях XVII—XVIII вв., с одной стороны, и XIX — XX — с другой (исследование А. П. Евгеньевой содержало сравнение категориально-лингвистическое, не прослеживая судьбу и масштабы функционирования отдельно взятых эпитетов). В этой области предстоит большая работа, и не исключено, что здесь нас подстерегают неожиданности. Взять хотя бы знаменитую былинную формулу «Владимир красное солнышко». Ею оперируют ученые самых различных направлений, начиная с мифологов, которым она мнилась свидетельством солярной протоистории образа. Иногда это именование Владимира дополняют другими, былинными же эпитетами. У Б. А. Рыбакова: «Владимир Красное солнышко, князь стольно-киевский» [Рыбаков, 1978, 214]; аналогичное соединение было у В. Я. Проппа: «...он — красное солнышко, стольно-киевский князь» [Пропп, 1958, 63]. А. П. Скафтымов давал в свое время суммирующее перечисление: «Владимиру придаются эпитеты „светлый“, „пресветлый“, „ласковый“, он... именуется „красным солнышком“, „великим князем“» [Скафтымов, 1924, 109].

Относительно формулы «красное солнышко» можно сразу сказать, что сборниками былин не подтверждается придание ей доминирующей значимости. Но какова вообще сравнительная интенсивность того или иного обозначения в совокупности записей былин, одинакова ли она на разных этапах? На эти вопросы пока не находим ответа в существующих исследованиях. То или иное обозначение выделяется авторами почти произвольно и интуитивно, вне зависимости от его реальной значимости в сознании исполнителей (и слушателей) былин.

Разумеется, мы учитываем, что Владимир отнюдь не главное лицо в былинах. В. Г. Белинский метко указал, что Владимир является «более именем, чем человеком». Но как раз в таком своем качестве обозначения Владимира предстают одним из первоэлементов былинной поэтики историзма. Это делает целесообразным предпринимаемое нами выявление их конкретной типологии и удельного веса в ряде былинных сборников.

В работе о собственных именах в русском эпосе Т. Н. Кондратьева писала, что имя *Владимир* в былинах несет в себе «вывод исторических переживаний» и в то же время «общее нарицательное понятие, свидетель-

ствующее о постоянном движении понятий и влиянии восприятий „владей миром“ [2] народом» [Кондратьева, 1967, 46]. В этом есть немалый резон с той поправкой, что «движение понятий» надо искать не просто в имени, а в целом пучке определений, в каком оно выступает. Сказанным оттеняется новизна стоящей перед нами задачи.

Итак, обратимся к изданиям былин, взяв для рассмотрения сборники, достаточно широко и надежно представляющие разные периоды записей и географию их: Был. ЗП XVII—XVIII вв., КД, Кир. I — IV, Гул., Гильф. I — III, Григ. I — III, Онч., Сок.—Чич., БПЗБ, ПФ Мез. Нет надобности доказывать, что эти десять сборников очень внушительная часть изданий былин, хотя есть целый ряд других (особенно для XX в.); в дальнейшем их тоже потребуется привлечь. Ограничение на данном этапе осуществлено за счет зональных повторений в пределах одного периода, а также персональных исполнительских сборников и публикаций небольшого текстового объема.

Из каждого сборника извлечем обозначения *Владимира* в том виде, в каком они предстают в текстах, расположив их соответственно убывающей частоте употреблений. Цифры в левом столбце указывают роль данного обозначения по количеству упоминаний, в правом столбце — число его появлений в сборнике.

Частотный перечень обозначений Владимира — полный «эпический формуляр» его в сборнике *Был. ЗП XVII—XVIII вв.*:

1	князь Владимер (178), Владимер-князь (4), Володимер-князь (2)	184
2	государь (84), сударь (1)	85
3	князь	71
4	князь Владимер киевскии (-ои)	63
5	велики(и) князь Владимер (56), великии Владимир велики(и)	58
6	князь Владимер Всеславьевич киевскои (22), велики(и) князь Владимер киевскии Всеславьевич (11)	33
7	великии (-ои) князь Владимир киевскии (-ои) (26), князь великии Владимер киевскии (1)	27
8	великии князь (25), князь великии (2)	27
9	князь киевскии (-ои) (23), киевскии князь (3)	26
10	князь Владимер Всеславьевич (17) ~ Всеслаевич (7) ~ Всеславич (1), князь Владимир Сеславьевич (1)	26
11	князь Владимер киевскии Всеслав(ь)евич (9), ~ Всеславич (5), князь Владимер Всеславич киевскои (-ии) (2)	16
12	свет государь князь Владимер киевскии (14), свет государь Владимир князь киевски (1)	15
13	свет государь великии князь Владимир киевски(и)	13
14	великии князь Владимер Всеславьевич (9) Всеслаевич (2), князь великии Владимир Всеслаевич (1)	12
15	государь, ты, князь Владимир киевскои (6); государь ты наш, князь Владимир Киевскои (1); государь мои князь Въладимер киевски (5);	12

[2] Т. Н. Кондратьева уверена, что в такой «фразеологизм» превращало имя Владимир «эмоциональное восприятие [его] народом» [Кондратьева, 1967, 46]. В принципе возможность этой «народной этимологии» допустима, но требует фольклорных свидетельств и ни в коем случае не должна мыслиться всеобщей.

16	государь велики князь Владимер киевски (5), государь в Киеве велики князь Владимир (1)	6
17	государь велики(и) князь Владимер	6
18	государь князь Владимер Всеславьевич (Всеславич — 2)	6
19	князь Владимер солнышко Всеславьевич (Всеславич — 2)	5
20	свет государь, князь Владимер Всеславьевич	5
21	Владимер	4
22	государь мои (3); мои государь (1)	4
23	славный князь Владимер Всеславьевич (Сеславьевич — 2)	4
24	государь (государь мои — 1) велики Владимер Всеславьевич киевскои	3
25	государь князь Владимер	3
26	государь князь Владимер киевскои Всеславич (2); государь князь Владимер Всеславьевич киевскои (1)	3
27	свет государь князь Владимер	2
28	староста велики князь Манамах Владимирович *	2
29	свет государь великии князь Владимер киевъскии Всеславьевич	2
30	государь князь велики Владимир Всеславьевич киевскои	1
31	князь Владимир солнышко Святославич **	1
32	свет великии князь Владимер Всеславьевич киевскои	1
33	свет великии князь Владимер киевъскии	1
34	свет государь князь киевскии	1
35	свет государь ты, мои дядюшка Владимер киевскои	1
36	свет государь	1
37	князь Владимер киевскои солнышко Всеславьевич	1
38	велики князь киевски	1
39	велики князь киевски Всеславьевичь	1
40	велики ласков князь Владимер киевскои	1
41	ласков князь Владимер киевской	1
42	силнои кънязь Владимер Всеславьевичь киевскои	1
43	государь Владимер Всеславьевич	1
44	Владимер Всеславьевич	1
45	Владимер киевскои	1
46	великии Владимер	1
47	царь и велики князь Владимер	1
48	царь киевски	1
49	великий государь	1
50	киевскии	1
51	ваше величество	1

Всего — 51 обозначение Владимира, появляющееся во всех записях и пересказах XVII — XVIII вв. 745 раз.

В «*Древних российских стихотворениях Кирши Данилова*» «эпический формуляр» Владимира имеет следующий вид:

---

* «Повесть о Сухане».

** Из былинной цитаты, приведенной в примечаниях к первому изданию «Слова о полку Игореве» (1800)

1	Владимер-князь (59), князь Владимер (39)	98
2	князь	56
3	ласков князь Владимер (10), ласковой Владимер-князь (18)	37
4	великий князь Владимер	19
5	ласковой сударь Владимер-князь (6), сударь, ласковой Владимер князь (4), ласков асударь-князь Владимер (3), ласков сударь-князь Владимер (2), асударь, ласковой Владимер-князь (1), ласковой асударь Владимер-князь (1)	17
6	Владимер-князь стольной киевской (13), стольной киевской Владимер-князь (1)	14
7	асударь (8), государь (3), сударь (2)	13
8	великой -(ий) князь	9
9	сударь Владимер-князь (3), асударь Владимер-князь (3), асударь князь Владимер (1)	7
10	Владимер стольной киевской	5
11	свет государь Владимир-князь	3
12	стольной Владимер князь	2
13	ласково солнце Владимер-князь	2
14	сударь мой дядюшка, ласково се(л)нце Владимер-князь	2
15	мой сударь дядюшка, князь Владимер, со(л)нце киевско	1
16	князь Владимер, солнышко Сеславьевич	1
17	Славный князь Владимер	1
18	славный сударь-князь Владимер	1
19	ласковой стольной Владимер-князь	1
20	Владимер	1

Всего — 20 обозначений с общей суммой появлений 290.

Перечень именований Владимира в четырех выпусках «*Песен, собранных П. В. Киреевским*» (без текстов, перепечатанных из Кирши Данилова и Гуляева):

1	князь Владимир (Володимир *) (43), Владимир-князь (45)	88
2	Владимир	39
3	князь	30
4	батюшка Владимир-князь	22
5	ласков князь Владимир (15), ласков Владимир-князь (4)	19
6	Владимир стольно-киевский	9
7	батюшко наш Владимир-князь (5), наш батюшка Владимир князь (3)	8
8	солнышко Владимир стольно-киевский	7
9	князь Владимир стольный киевский (6), Владимир-князь стольный киевский (1)	7
10	солнышко Владимир	6
11	киевский князь (4), князь киевский	5
12	великий князь Владимир	3
13	ласков князь	3
14	Владимир славный киевский	2
15	наш князь Владимир	2

* Обе формы имени перемежаются и в дальнейшем.

16	князь славный	2
17	царь Владимир	2
18	царь	2
19	князь Володимир киевсков Сыславич	1
20	свет ты надежа, князь Владимир стольно-киевский	1
21	ласковый, стольный Владимир князь	1
22	Владимир князь земли свято-русския славной князь	1
23	князь славной киевской, славной киевской да Владимирской	1
24	сударь Владимир-князь	1
25	осударь наш Владимир-князь	1
26	сударь	1
27	славный князь Владимир	1
28	светлый князь Владимир	1
29	пресветлый князь Владимир	1
30	ласково солнце Владимир-князь	1
31	князь Владимир киевский солнышко Сеславич	1
32	красно солнышко Владимир-князь	1
33	свет Владимир красно солнышко	1
34	князь Владимир красное солнышко	1
35	Владимиров	1

Итого 35 позиций, дающих 273 появления в текстах собрания.

Владимир, каким он предстает в сборнике сибирских записей *С. И. Гуляева*:

1	ласков князь Владимир (38), ласковый Владимир-князь (29)	67
2	князь Владимир (18), Владимир-князь (12), Володимир-князь (1)	31
3	князь	12
4	батюшка Владимир-князь (наш — 1)	7
5	ласков князь Владимир, солнышко Сеславьев (-ич, 1)	6
6	батюшко великий князь	2
7	великий князь Володимер	1
8	ласков князь	1
9	князь Владимир, солнышко Сеславьич	1
10	батюшко Володимир князь Сеславьевич, солнышко красное	1
11	солнышко Сеславъев	1

Общее число появлений этих 11 обозначений Владимира — 130.

Во всех трех томах *«Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга* обозначения Владимира образуют следующий ряд:

1	князь Владимир (218), Владимир князь (66)	284
2	Владимир	193
3	Владимир князь стольно-киевской (152), князь Владимир стольний киевской (26), стольно-киевский князь Владимир (2)	180
4	Владимир стольно-киевский	150
5	ласков князь Владимир	143

6	солнышко Владимир князь (84), солнышко князь Владимир (58)	142
7	солнышко Владимир стольно-киевской	107
8	князь	63
9	солнышко Владимир	54
10	солнышко Владимир-князь стольне(-о)-киевской (47), солнышко князь Владимир стольно-киевский (2), солнышко Владимир стольно-киевский князь (1)	50
11	стольный князь Владимир (32), стольне Владимир-князь (1)	33
12	князь стольно-киевский	27
13	славный князь Владимир	27
14	государь (12), сударь (4)	16
15	свет государь Владимер-князь	13
16	солнышко князь стольно-киевской	11
17	солнышко князь	11
18	солнце князь, да князь владимерской, князь владимерской да стольно-киевской	10
19	солнышко наш Владимир князь (7), наш солнышко Владимир князь (1)	8
20	Владимир стольно-киевский, стольно-киевский ты князь владимирский	5
21	Владимир князь наш стольно-киевской (3), Владимир ты наш князь столен-киевской (2)	5
22	батюшка Владимир князь	4
23	князь Владимир, тот ли свет солнышко	4
24	царь Владимир	4
25	славный Владимир-князь стольно-киевской	3
26	солнышко нашо красное, солнышко Владимир стольне-киевской	3
27	свет государь наш Владимир-князь (2), наш свет государь Владимир-князь (1)	3
28	государь князь	3
29	ласков князь	3
30	славный князь	3
31	Владимир-князь стольнё-киевский, стольне-киевский славно-владимирский	2
32	князь стольный Владимир, стольный князь Владимир	2
33	стольния князь стольне-киевской	2
34	свет государь батюшка, солнышко Владимир стольно-киевский	2
35	славный князь Владимир стольнё-киевской	2
36	ласково солнце Владимир	2
37	красное солнышко Владимир-князь	2
38	ласковое солнышко Владимер-князь	2
39	солнце Владимир	2
40	стольнёй князь Владимир наш	2
41	(го)сударь Владимир-князь	2
42	дядюшко Владимир-князь	2
43	наш Владимир-князь; наш князь Владимир	2
44	наш князь стольнё-киевской	2
45	князь Владимирской	2
46	царь Владимир грозно-киевский	2

47	князь Владимир киевский	1
48	Владимир киевский	1
49	батюшко Владимир-князь наш стольнё-киевской	1
50	батюшко Владимир-князь стольнё-киевской	1
51	наш батюшко Владимир-князь	1
52	батюшко солнышко Владимир-князь	1
53	Владимир-князь стольне-киевской, а й стольне-киевской да красно солнышко	1
54	Владимир-князь стольнё-киевский, тот ли свет солнышко	1
55	сам солнышко	1
56	славный Владимир стольне-киевской	1
57	наш Владимир стольно-киевской	1
58	наш Владимир	1
59	наш князь стольно-киевской	1
60	младой князь Владимир	1
61	славный царь Владимир	1
62	стольно-киевской да князь Владимирской	1
63	киевский князь	1
64	дядюшка князь Владимир	1
65	дядюшка Владимир	1
66	стольно-киевской	1
67	стольный князь	1
68	свет государь наш батюшко	1
69	государь батюшко	1
70	ласков князь	1

Общее число появлений — 1618.

В трехтомном собрании *А. Д. Григорьева «Архангельские былины»* «эпический формуляр» Владимира таков:

1	князь Владимир (477), Владимер князь (151)	628
2	Владимер	621
3	Владимер стольно-киевской	292
4	Владимир-князь стольно-киевской (72), князь Владимир стольно-киевской (48)	120
5	князь	66
6	ласков (-ый) князь (князь ласков — 1) Владимер	62
7	батюшко Владимер стольно-киевской	52
8	Владимер славный киевской (славнов-киевской — 11)	29
9	князь стольней киевской (стольно-киевской — 4)	21
10	солнышко Владимер стольне-киевский	14
11	наш князь Владимер (6), наш Владимер князь (3)	9
12	государь князь Владимер стольно-киевской	8
13	батюшко Владимер князь стольне-киевской	6
14	солнышко Владимер князь стольне-киевской	6
15	солнышко Владымерско	6
16	великий князь Владимир	5
17	славный князь Владимёр	4
18	наш князь Владимер	4
19	солнышко Владимер наш стольне-киевской	3

20	Владимер киевской	3
21	Владимер да красно солнышко	2
22	Владимер солнышко; солнышко Владимер	2
23	солнышко	2
24	Владимер царь	2
25	ласков царь	2
26	князь первобрачный	2
27	Владимир княсь киефской	1
28	князь Владимер славный киевской	1
29	великий князь Владимер стольно-киефской	1
30	батюшко стольно-киевской	1
31	солнышко Владимер княсь	1
32	солнышко веть князь да стольно-киевской	1
33	солнышко Владымёр славно-киевско	1
34	молоды княсь Владимер стольне-киевской	1
35	царь великий, князь Владимер	1
36	молод княсь Владимер	1
37	молод княсь	1
38	һосударь князь	1
39	һосударь ты родитель да мой дядюшка	1
40	сударь дядюшка	1
41	царь	1

Общее число появлений — 1986.

В «*Печорских былинах*» *Н. Е. Ончукова*:

1	солнышко Владимир-князь	127
2	князь Владимир (97), Владимир-князь (15)	112
3	князь	81
4	Владимер (-ымёр)	14
5	солнышко	14
6	Владимир стольно-киевской	11
7	ласков князь Владимир	11
8	князь Черниговский	7
9	солнышко, батюшко Владимир-князь	5
10	солнышко Владимир	4
11	князь Федор Черниговский	3
12	наш солнышко Владимир-князь	2
13	Владимир красно солнышко	1
14	Владимир славно-киевский	1
15	дядюшка Владимир-князь	1
16	батюшко Владымир стольно-киевский	1
17	ласков князь Черниговский	1

Итоговая [3] сумма — 396.

Обратимся к сборникам советского времени. В текстах, собранных экспедициями по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга,— в «*Онеж-*

[3] Интересно, что в указателе имен к этому сборнику Ончуков дает сочетание совсем не характерное: *Владимир князь стольно-киевской*.

ских былинах» *Ю. М. Соколова* *и* *В. И. Чичерова* обнаруживаем следующий ряд обозначений:

1	князь Владимир (218, в том числе 25 в прозе), Владимир-князь (39)	257
2	князь Владимир стольно-киевской (70), Владимир-князь стольне-киевской (57)	127
3	князь	114
4	князь стольне-киевской	75
5	Владимир (3 в прозе)	62
6	ласков(ый) князь Владимир	62
7	солнышко князь Владимир (18), солнышко Владимир-князь (9), князь солнышко Владимир (1), князь Владимир солнышко (1)	29
8	славный князь Владимир	17
9	солнышко Владимир-князь столне-киевской (14), солнышко князь Владимир стольне-киевской (3)	17
10	солнышко Владимир стольне-киевский	8
11	Владимир стольне-киевской	6
12	батюшка Владимир-князь	6
13	ласковый князь Владимир стольне-киевской	4
14	ласковый князь стольно-киевской	4
15	солнышко Владимир	4
16	свет государь наш Владимир-князь	4
17	соньцё Владимер-князь	4
18	князь молодой (3), молодой князь (1)	4
19	князь Владимир Алексеевич	4
20	солнышко князь (2), князь солнышко	3
21	князь новобрацьный	3
22	князь Владимирской да стольне-киевской	3
23	царь стольний киевской	3
24	Владимир батюшко (2), батюшко Владимир (1)	3
25	славный Владимир князь стольне-киевской	2
26	Владимир-солнышко	2
27	князь киевский (1 в прозе)	2
28	наш князь Владимир	2
29	ласковый князь наш красно солнышко	2
30	солнышко стольне-киевской	2
31	стольный князь Владимир	2
32	великий князь Владимир	2
33	князь стольнё-киеськой, государь наш батюшко; государь наш батюшко, князь стольнё-киеський	2
34	Владимир красно солнышко (в заглавиях)	2
35	государь	2
36	царь Владимир	2
37	царь	2
38	великий царь Владимир киевский	1
39	князь великий	1
40	князь Владимир киевской	1
41	стольный князь Владимир	1

42	свет наш Владимир-князь	1
43	батюшка наш Владимир-князь	1
44	соньцё Владимир-князь стольнё-киевской	1
45	государь наш солнышко, наш князь стольне-киевский	1
46	князь стольнё-киевской, государь наш батюшко	1
47	наш князь стольно-киевский	1
48	глупый князь, неразумный князь стольнё-киеський	1
49	славный Владимир	1
50	старый Владимир	1
51	наш Владимир	1
52	родной дядька Владимир-князь	1
53	Владимир Алексеевич	1
54	князь красно солнышко	1
55	ласковый князь красно солнышко	1
56	князь-батюшка	1
57	государь наш батюшко	1
58	князь обруцьный	1
59	царь-князь Владимир стольнё-киеський	1
60	царь-князь стольно-киеський	1
61	царь Владимирский	1
62	батюшка царь стольнё-киеський	1

Общее число появлений — 374.

В «*Былинах Печоры и Зимнего берега*» (записи 1942—1956 гг.)

1	князь Владимир (122), Владимир-князь (17)	139
2	солнышко Владимир-князь (53), солнышко князь Владимир (6), князь солнышко-Владимир (1)	60
3	солнышко Владимир (27), Владимир солнышко (1)	28
4	князь	26
5	князь Владимир Святославич (11), Владимир-князь Святославич (8)	19
6	ласков князь Владимир	15
7	князь Владимир стольно-киевский (12), Владимир князь стольно-киевский (2)	14
8	солнышко	8
9	Владимир	5
10	наше (4) красно солнышко Владимир-князь Святославич	5
11	Владимир красно солнышко	4
12	наш(-е) солнышко Владымер-князь (2), Владимир-князь наше солнышко (1)	3
13	красно солнышко Владимир-князь (2), князь Владимир красно солнышко (1)	3
14	белый царь	3
15	Владимир Святославич	3
16	русский князь Владимер	2
17	великий князь Владимир Святославич	1
18	красно нашо солнышко, великий князь Владимир Святославич	1
19	князь Святославич	1
20	стольно-киевский	1

21	Владимир стольно-киевский	1
22	свет солнышко Владимир-князь	1
23	солнце Владимир-князь	1
24	солнце батюшка Владимир-князь	1
25	солнце бат Владимир-князь	1
26	красно солнышко Владимир наш батюшка	1
27	наш Владимир да наше солнышко	1

Всего — 348 появлений.

Наконец, десятый сборник — «*Песенный фольклор Мезени*» (записи 1958, 1961 гг.):

1	князь Владимир (24) и Владимир-князь (2)	26
2	ласков князь Владимир	19
3	Владимир стольнё-киевской	14
4	князь	10
5	Владимир красно солнышко	4
6	князь Владимир стольнё-киевской	3
7	красно солнышко Владимир-князь	3
8	Владимир	3
9	Владимир-князь	2
10	князь Владимир да славной киевской	2
11	батюшко князь Владимир стольно-киевской	1
12	славный царь Владимир	1
13	наш князь Владимир	1
14	ласков князь	1
15	наш царь батюшка Владимир-батюшка	1
16	жених Владимир	1

Всего — 92 появления.

Мы позволили себе занять так много места перечнями вариаций одной из художественных констант эпоса — обозначений Владимира в былинах — по той причине, что вариации эти еще не вскрывались сколько-нибудь наглядно и весомо, с привлечением большой массы записей былин. Между тем такой путь, если пойти по нему дальше и точно так же проследить по всем сборникам другие профилирующие константы (Киев, Илья Муромец и другие богатыри, дружина, враги и т. д.), принципиально важен для фронтального приобщения к той конкретике эпических текстов, которой мы, в сущности, еще не владеем. На наш взгляд, только так можно реально устранить пагубную диспропорцию между огромным богатством записей былин и урывочным цитированием их по тому или иному поводу без сквозных сличений с другими вариантами.

Разумеется, выводы и заключения не вправе опережать подобную работу, на данном этапе требуется утвердить саму мысль о необходимости ее широкого, последовательного осуществления, найти соразмерную аналитическую методику, которой пока еще не существует. (Не смешивать с характеристикой отдельно взятых былин по совокупности вариантов; иные из подобных характеристик, например у У. Я. Проппа, а еще ранее у ряда ученых XIX в. даются мастерски и содержат много поучительного, но они решают не те задачи, о которых идет речь.)

Сообщенные перечни не могут не впечатлять, они по-особому зримо преподносят фактуру устно-поэтической традиции и многими своими аспектами интересны для исследователя. Немало дадут они для понимания единства и филиации, или дробления, определительных пучков, природы зональных и других спецификаций, замен, поновлений и т. д. Но мы не будем сейчас на этом останавливаться. Обратим внимание на нечто, чем важны, помимо того, эти перечни,— на предоставляемую ими возможность документированно рассматривать такие общие вопросы, как содержательная структура поэтики историзма и ее жизнь во времени (см. табл. в: [Гацак, 1980, 30—39]).

Первое, что бросается в глаза,— сосуществование в каждом сборнике обозначений типизированных и единичных. Причем если идти только от «ассортимента» (критерий, примененный А. П. Евгеньевой при сопоставительном изучении эпитетов в записях разных периодов,— точнее говоря, это словарный подход), то мы должны были бы заключить, что единичных довольно много, чуть ли не треть или даже половина: 23 из 52 в Был. ЗП XVII — XVIII вв., 6 из 20 у Кирши Данилова, 17 из 35 в собрании Киреевского, 5 из 11 у Гуляева, 24 из 70 у Гильфердинга, 15 из 41 в собрании Григорьева 5 из 17 у Ончукова, 25 из 62 у Соколова и Чичерова, 11 из 27 в БПЗБ, 6 из 16 в ПФ Мез.

Это означало бы, что принцип воссоздания текстов былин состоит в почти равноправном сочетании повторяющегося и сиюминутного, до известной степени случайного. А поскольку однократным определениям свойственна не только единичность, но и новизна (см. более поздние сборники), следовало бы, далее, приветствовать тезис о весьма чувствительном обогащении определительных ресурсов былин в XIX—XX вв.

В сущности, к этому приходила Евгеньева в своей во многих отношениях ценной книге о языке русской устной поэзии в записях XVII—XX вв.: «Количество прилагательных-определений, которые могут сочетаться с каким-нибудь существительным, имеющим одинаковую функцию в этих сборниках, значительно больше в записях А. Ф. Гильфердинга — и они гораздо разнообразнее,— чем в Сборнике Кирши Данилова» [Евгеньева, 1963, 317].

Сличение «ассортимента» определений, на котором основывалась исследовательница, представало, например, в следующем виде: у Кирши Данилова *богатырь (-и) — сильный*, *могучий*, *святорусский могучий*, *русские могучие*; у Гильфердинга — *сильные*, *могучие*, *сильные-могучие*, святорусские, *чудный*, *дивный*, *славный*, *государский*, *неверный*, *престрашный*, *порный*. Все вроде бы верно и любопытно, если бы не совершенно разный удельный вес и прямо-таки несопоставимая значимость приведенных определений, причем не только в записях А. Ф. Гильфердинга, но и у Кирши Данилова. Об этом говорят наши подсчеты по «Древним российским стихотворениям»: *могучие богатыри* — 15 (из них 4 в ед. числе), *сильные-могучие богатыри* — 14 (в ед. числе 3 из них), *русские могучие богатыри* — 7 и *наши русские богатыри* — 1 (производное от предыдущего). А «святорусский могучий богатырь» появляется всего по одному разу (в ед. и мн. числе) в начале одной-единственной былины — «Потук Михайла Иванович».

Но в том-то и заключается положительное действие критерия частотности, что он избавляет от оптического обмана, позволяя оценить единичные обозначения в их «всамделишной» пропорции со всеми остальными. Исходя из него, можно очень точно доказать, что доля однократных, неповторяющихся именований Владимира в каждом из десяти сборников чрезвычайно мала. В издании Был. ЗП XVII—XVIII вв. 23 разовых определения на все 745 появлений характеристик Владимира, у Кирши Данилова их 6 из 290, у Киреевского — 17 из 273, у Гуляева — 5 из 133, у Гильфердинга — 24 из 1618, у Григорьева — 15 из 1986, у Ончукова — 5 из 396, в сборнике Соколова и Чичерова — 25 из 874, в Был. Печ. Зимн. бер.— 11 из 348, в ПФ Мезени — 6 из 92.

Несколько выделяющийся показатель собрания Киреевского (6,2% единичных) объясняется, по-видимому, тем, что вошедшие в него записи принадлежат не одной, а нескольким различным географическим зонам. Что касается ПФ Мезени, повышенный уровень неповторяющихся обозначений в этом издании (6,5%) правомерно отнести, во-первых, за счет того, что на Мезени, по авторитетному суждению А. М. Астаховой, «на фоне областных традиций выделяются более узкоместные, отличающиеся друг от друга преимущественно частными деталями» [Астахова, 1948, 353]; во-вторых, за счет разрушения традиции, ибо записи на Мезени — самые поздние в нашей подборке.

Академик Б. А. Рыбаков, критикуя «антиисторическое направление» в изучении былин (речь идет о научном подходе, не приемлющем исторических идентификаций), в качестве одной из побудительных причин «исторического нигилизма» постоянно называет «общее впечатление многочисленных собирателей фольклора конца XIX и начала XX в.», заставших эпос исчезающим, когда в нем «предельно ослабилась традиция, усилилась роль отдельных сказителей» [Рыбаков, 1978, 194].

Таким ли было впечатление собирателей и оно ли вызвало оппозицию историческим идентификациям — вопросы особые. Включаться в историографический спор мы не будем. Коснемся лишь оценки самого эпического материала. В свете приведенных выше данных совершенно очевидно, что говорить о «предельном ослаблении традиции» — если иметь в виду текстовое естество записанных былин, а не бытование эпоса в целом — нет оснований. Ни в начале XX, ни (тем более) в конце XIX столетия. Мы убедились, что зона мутаций в поэтике историзма была незначительной. В сущности, значительной она никогда и не стала, покуда былина пребывала былиной, не превращаясь, например, в прозаическое переложение или сказку. Со временем эпос исчезал, но он уходил, оставаясь самим собой. Что же касается собирателей указанного периода, то они узнали эпос в его подлинной жанровой форме и многих классических воплощениях. Другое дело, что те привнесения, поверхностный и незначительный характер которых устанавливают приведенные выше выкладки, в ту пору, о которой пишет Б. А. Рыбаков, и много позднее действительно воспринимались с преувеличением; невыявленной оставалась их очень малая весомость на фоне сохраняемого традиционного фонда.

И все же вопрос, поставленный академиком Рыбаковым, не снимается. Но мы бы существенно изменили его постановку. Думается, проблема не в тех внешних изменениях конца XIX — начала XX в., которые и Рыба-

ков преувеличенно расценивает как «предельное ослабление традиции, усиление роли отдельных сказителей». Надо взглянуть, какова в своем сохраняемом (и сохраняемом классически) наполнении эта традиция (причем не только на рубеже веков, но и в прежние десятилетия), если соотнести ее с более ранними фиксациями, на столетие или даже на два старше. Не накопила ли она уловимые только на таком фоне внутренние изменения, которые, в свою очередь, успели обрести традиционность? Попытаемся далее рассмотреть этот вопрос — конечно, лишь в той его части, в какой позволяет это сделать обозреваемый материал.

До сих пор о пучках обозначений Владимира мы говорили в общей форме, комментируя их перечни без обращения к тем конкретным слагаемым, из которых состоят пучки. Теперь это необходимо сделать, тем более что иначе нельзя предметно сопоставить содержание определительных пучков, присущих сборникам разных периодов.

Просмотрев их, мы заметим, что характеризующие понятия «эпического формуляра», предстающие в том или ином сочетании, образуют две группы. Одну можно условно назвать *реально-исторической*: *Владимир, князь* или *великий князь*, *Всеславич* (или другое отчество); сюда же, пожалуй, относится *государь* или *сударь*. Другая группа — *художественно-эпическая*: *ласков*, *славный*, *солнышко*, *свет* и некоторые другие понятия.

Начнем с антропонимической части. Ничего неожиданного нет в том, что во всех сборниках прочно держится имя Владимир (с древней формой Володимир и другими видоизменениями). Тем не менее убедиться в этом на основе суммирующих выкладок полезно в двух отношениях. Во-первых, чтобы верно оценить случайную природу и несоизмеримую малость искажающих переиначиваний (*Владимирский*, *Владимиров)*. Во-вторых, дабы обратить внимание, что твердое удержание имени не сочетается с таким же прочным сохранением отчества. Относительно стабильная пара — только в Был. ЗП XVII—XVIII вв., но вместо ожидаемого отчества исторического *Владимира* доминирует *Всеславич* (для письменной традиции передачи былин это тем более странно, что в принципе «повести» хорошо удерживали именования: сошлемся по крайней мере на упоминание «рода Владимира Святославича» в «Повести о разорении Рязани Батыем», XIV в.), *Святославич* же — в единичных (кроме того, дважды *Манамах Владимирович* в «Сухане»). Воспринятое, видимо, как эпически-оптимальное, отчество *Всеславич* обрело некоторую роль в традиции: оно есть еще у Кирши Данилова и у Киреевского в двух записях из с. Павлова Нижегородской губ., но роль ограниченную и неповсеместную. В северных сборниках (Гильф., Григ., Онч., Сок.—Чич., ПФ Мезени) отчества вообще не обнаружим [5], за исключением БПЗБ, где налицо сильный маргинальный отзвук исконного обозначения — *Святослаевич*.

Так или иначе, возьмем на заметку «распад» парного сочетания как позднейший процесс. Это дает повод внимательно отнестись и к другому парному сочетанию, на сей раз титульному,— *великий князь* (ср., например: *великий князь Володимер* в «Слове о погибели Русской земли»). До XIX в. (Был. ЗП XVII—XVIII вв., КД) оно предстает весомо. Но далее

[5] Это подтверждают сибирские записи, просмотренные дополнительно.

присутствует в самой малой мере (Кир. I—IV, Гул.[6], Григ., Сок.—Чич., БПЗБ) или совсем пропадает как составное: эпитет *великий* утрачивается.

Опять-таки наблюдаем распад парного реально-исторического обозначения, что дает основание видеть в подобном процессе характерную особенность поздних судеб поэтики историзма.

Но здесь необходимо сделать одну существенную оговорку. Оба реально-исторических парных сочетания не пропадают в обеих своих частях. Одна из них непременно сохраняется: от первой — *Владимир*, от второй — *князь* — и обнаруживает всю силу устойчивости. Достаточно сослаться на сугубую мизерность вытеснений *князя царем*: Кир. I—IV — 0,701%, Гильф.— 0,178%, Григ.— 0,115%, Сок.—Чич.— 0,469% (и *царь-князь* — 0,104%), БПЗБ — 0,253%, ПФ Мезени — 0,503%.

Красноречивое свидетельство ничтожности воздействия столетий царизма и царистских иллюзий на былинный эпос и одновременно — поразительное доказательство непроницаемости поэтики эпического историзма!

Но приглядимся: где именно, на каком уровне непроницаемость заявляет о себе? И Владимир и князь обладают более общим характером, чем обозначения, некогда сопутствовавшие им: *Святославич* и *великий*. И те и другие — приметы исторические, но их историчность разного уровня. *Поэтика историзма как бы двуслойна.* Ясно, что сохраняются в традиции приметы более генерализованные. Выветриванию же поддаются те, что несут уточняющую функцию, т. е. исторические приметы второго, дополнительного порядка.

Но происходит это не без компенсации, причем опять-таки очень закономерной для эпоса. Речь пойдет об определении *киевский* и его соответствиях в других сборниках. В Был. ЗП XVII—XVIII вв. *киевский* — единственная форма, причем относительно частая. В дальнейшем она попадается редко (КД, Кир. I—IV, Гильф., Сок.—Чич.) или совсем отсутствует (см. все остальные издания). Но зато на первом плане во всех сборниках, кроме Был. ЗП XVII—XVIII вв.,— сочетание (иногда слитное) *стольно-киевский* [7]. (В части сборников *стольный* выступает и самостоятельно, но весомость обретает только в «Онежских былинах» Гильфердинга).

Основную особенность этого, по-видимому вторичного, образования — добавление *стольный* к *киевскому* — можно расценивать как замену или возмещение *великого*. Похоже, оно яснее выражало идею: Владимир — олицетворитель центра Русской земли.

В неоднозначном плане выступает еще одно титульное (но и просто уважительное) именование: *государь, осударь, сударь*. Оно значительно в источниках XVII—XVIII вв., затем гораздо реже у Киреевского, Гильфердинга, Григорьеваи Соколова—Чичерова и совсем перестает появ-

---

[6] Аналогично и в остальных сибирских текстах.

[7] Мы не останавливаемся на эпизодических вариациях характеризующего свойства: *грозно-киевский* (у Гильфердинга), *славно-киевский* (у Ончукова и в ПФ Мезени); легко уловимое перенесение — *Черниговский* или даже *Федор Черниговский* — с известной повторяемостью у Ончукова.

ляться в прочих собраниях былин. Но и в тех ситуациях, когда оно еще есть в XIX—XX вв., явственно ощущается утрата им смысла титульного обозначения.

Перейдем к «неисторической» группе определений.

Такому из них, как *свет*, присуща иррегулярность, эволюционных изменений в его употреблении не улавливается — может быть, в силу некой его дополнительности.

В XIX в. дает о себе знать патриархально-идеализирующее обращение *батюшка*. В более ранних источниках его нет. Ср. в этой же рубрике: *дядюшка* — у Кирши Данилова, *староста* — в Был. ЗП XVII—XVIII вв. (скорее идущее от письменной традиции).

Два эпитета — *ласковый* и *солнышко* — есть во всех привлеченных источниках, начиная с Был. ЗП XVII—XVIII вв. Обширнейшая география (они обнаруживаются также почти во всех сибирских записях) позволяет полагать, что былинной поэтике они присущи издавна. Иначе говоря, и в древности былинная поэтика не сводилась к реально-историческим определениям. Но вот что особенно интересно: в XIX—XX вв. эти эпитеты прочно выходят в число определительных доминант. В ряде сборников этого периода их частотность достигает совершенно необычного уровня: *ласков* — 21,3% у Гуляева, *солнышко* — 10,1% у Гильфердинга, 18,1% у Ончукова. Причем все это на фоне органических сокращений в историко-реальной группе определений.

К этому следует добавить, что *красное солнышко*, которого вообще нет в источниках XVII—XVIII вв., присутствует во всех сборниках XIX—XX столетий. Можно предположить, что это сравнительно недавнее именование Владимира. У Кирши Данилова определительное сочетание *красное солнышко* существует, но оно никак не относится к Владимиру: «День к вечеру вечеряется, / Красное со(л)нце закатается» [КД, 119, 137]; «На восходе краснова солнушка» [КД, 137, 160]. Князь Владимир даже в пределах текста, упоминающего *красное солнышко*,— например, в «Потуке Михайле Ивановиче», — называется *ласковым* [КД, 116]. Безотносительное к Владимиру употребление сочетания *красное солнышко* продолжает просматриваться в ряде поздних записей. У Ончукова: «Ой, поблекло красно солнышко, / Помертвел батюшка светел месяц»: «Красно солнышко катится ко западу» [Онч., 137, 142]. Правда, и Владимир при этом именуется *солнышком*, но не *красным*: «Уж ты ой еси солнышко Владимир!» [Онч., 134, 135, 144 и др.]. Видимо, так происходило перенесение на князя обращения *солнышко* (а затем и *красное солнышко*), очень характерное, в частности, для метафорической поэтики обрядовых песен.

Если такое предположение верно, то получается, что в противовес утрате историко-реальными определениями своих спутников (о чем говорилось выше) в данном случае эмоционально-оценочное понятие приобретает определение такой же природы.

Не будем, однако, преувеличивать возможность подобного множения эпитетов. Очень многозначительное свойство эпоса, его художественной системы видится в том, что в принципе набор оценочных эпитетов-прилагательных остался строго ограниченным. В рассматриваемом нами определительном пучке это, по существу, только *ласковый* и в меньшей мере *славный*. За исключением разового появления в сборнике Соколова—

Чичерова, в привлеченных былинах нет, например, *старого Владимира*, дважды названного в «Слове о полку Игореве». (Напротив, есть попытки называть Владимира *молодым* или даже *новобрачным*, но вопреки утверждениям, встречающимся в исследовательской литературе, эпитет *молодой* ничуть не утвердился). Нет *святого Владимира*, упоминаемого в «Задонщине» (интересное, кстати, изменение во времени от «Слова» к «Задонщине»). Мы уже не говорим о том, сколь широким мог быть набор эпитетов, если учесть те из них, какие применительно к другим князьям встречаем в произведениях древнерусской литературы (во главе с изумительным соцветием их в «Слове»), не говорим о возможных ситуативных дополнениях, перенесениях и т. д. Строгость эта, как-то выпавшая из поля зрения исследователей, ограничение *славным*, *ласковым* в чем-то поддаются объяснению. Конечно же, можно понять особое соответствие указанных эпитетов самому принципу изображения образа Владимира. Но таится здесь и нечто загадочное, что еще надлежит раскрыть.

Главное же: реальное содержание «эпического формуляра» Владимира очень настойчиво предостерегает от мысли, будто уж тут-то, в сфере «неисторических» понятий, была полная свобода для «обогащения изобразительных ресурсов». Изменения происходили, но больше проявлялись в частотных изменениях, нежели в словарном составе.

От XVII—XVIII вв. и далее замечается уменьшение числа доминант в «титульной» части за счет определений *государь*, *великий*, *Всеславьевич* и увеличение в «нетитульной» за счет определений *солнышко* и *красное солнышко*, *ласков(-ый)*, *батюшка*. Утраты — в зоне реально-исторических примет и приобретения — в зоне «неисторической», художественно-оценочной; их не было в первом или втором сборнике. Но в принципе это происходит не по причине исчезновения или нововведения, а в результате опускания или поднимания по ступеням частотности.

Таким образом, вполне объективные данные свидетельствуют, что набор определителей в текстах XVII—XVIII вв. историчнее, а в XIX — XX столетиях — идеализирующе-оценочнее.

Даже со скидкой на историзованность текстов в русле письменной традиции XVII—XVIII вв. (в былинах Кирши Данилова это маловероятно) эпически-идеализирующая фактура в XIX—XX вв. предстает в явно увеличенной силе и уже не воспринимается как всегдашняя данность и свойство былин. Ведь оценивать ее приходится по сравнению с более строгой и исторически более предметной эпитетикой предшествующих источников.

Поэтому на вопрос, не накопились ли ко времени классических записей XIX—XX вв. изменения в самой традиции былин, в присущей ей поэтике историзма, напрашивается утвердительный ответ. Но подчеркнем, что ответ этот следует воспринимать самым осторожным и осмотрительным образом в силу его возможного принципиального смысла: ведь не приходится скрывать, что он ведет к гипотезе ощутимой эпически-идеализирующей внутренней переработки эпитетики былин (а может быть, не только эпитетики). Ответ этот предстоит тщательно проверить посредством анализа возможно большего круга художественных констант былинного эпоса.

Сквозное суммирование слагаемых «эпического формуляра» по отдельности позволило сопоставить их удельный вес в каждом сборнике. Мы лишь отчасти охарактеризовали их меняющееся соотношение между собой (пропорция реально-исторических и эмоционально-оценочных, судьбы отдельных пар). Но можно представить на основе полученных данных и более цельную картину изменений в составе определительного пучка. Главные из них: резкое нисхождение двух понятий — *государь* и *великий* — с относительно высоких позиций в Был. ЗП XVII—XVIII вв. и сборнике Кирши Данилова и последующее их исчезновение; обратный процесс — увеличение удельного веса (особенно в отдельных сборниках) художественно-эмоциональных эпитетов *солнышко, ласков* (*-ый, -ой, -о*) и рядом с этим — появление и увеличение сочетания *красное солнышко*; добавим еще преобразование эпитета *киевский* в *стольно-киевский* (с лакуной в сборнике Гуляева).

У динамики определяющих понятий два разных уровня, нигде не соприкасающиеся. Верхний, во всех случаях далеко отстоящий от нижнего, составляют лишь два понятия — *Владимир* и *князь*, антропоним и титульное определение, оба из реально-исторической группы «эпического формуляра». Они главенствуют над всеми остальными и никогда не утрачивают своего особого положения. И если можно говорить о ядре былинного определительного пучка, то в данном случае это ядро реально-историческое, что очень существенно для понимания субстанции былинной поэтики.

Среди остальных понятий определительного пучка тоже эволюционируют отдельные реально-исторические (из них долговечнее всех эпитет *киевский*, трансформирующийся в *стольно-киевский*). Но основное место принадлежит художественно-экспрессивным, неисторическим эпитетам. По отношению к ядру пучка они носят сопутствующий, «присоединенный» характер и обладают весомостью, возрастающей во времени, что в совокупности опять-таки подчеркивает иерархию разных начал в былинной поэтике.

Все, вместе взятое, подводит нас вслед за Б. А. Рыбаковым к мысли, что неправомерно недооценивать историзм былин. С тем, однако, отличием, что значимость его восстановима в правах и познаваема именно фольклористическими средствами, путем погружения в художественную фактуру.

Обратим еще внимание на частотное противостояние понятий.

Князь и *Владимир* никогда, ни в одном сборнике по частотности не располагаются рядом друг с другом. Они способны меняться местами, но частотности появлений обоих присуща ярко выраженная обратно пропорциональная зависимость (особенно ясно выступает она в текстах собрания Григорьева). Налицо несомненная «заменяемость» одного другим. Она как бы подсказывает, что и без поясняющего добавления Владимир всегда мыслится князем, а князь — Владимиром. Одно понятие словно обретает еще и второй смысл.

Подобная же противоположность присуща эпитетам *ласков* (*-ый, -ой, -о*) и *солнышко*. Только у Григорьева и Соколова—Чичерова по частотности они близки. Но примечательно, что в обоих случаях *солнышко* при этом противостоит *стольно-киевскому* — эта пара тоже, как правило, ан-

титетична по своей частотности. И здесь позиционная несовместимость подчеркивает художественно-функциональную сродственность и смысловое «взаимоснабжение». Так или иначе, перед нами очень любопытный аспект «психологии» словоупотребления в эпосе, еще не затронутый исследователями.

* * *

Ценные возможности исторического подхода к поэтике [8], еще мало используемые исследователями, таятся и в разноэтапных фиксациях эпоса южнославянских народов. К показаниям подобных фиксаций мы и обратимся, чтобы рассмотреть в диахроническом аспекте одну из важных художественно-определительных констант — «эпический формуляр» Марко, протагониста мощных разноязычных циклов песен, в образе которого «народ воплотил свой идеал юнацкой героической личности» [Динеков, 1949, 98].

Вопрос состоит в том, одинаково ли соотносятся по своему удельному весу «титульные» (*Марко Кралевич*, *Крали Марко* и др.) и «нетитульные», эпитетные обозначения Марко типа *юнок*, *храбар* и т. д. (в сущности, *Кралевич*, *Крали* тоже эпитеты, на это верно обращает внимание А. Афанасьева-Колева, но тем интереснее выявить их соотношение с другими на различных этапах). Если это соотношение не статично, то очень важно установить, каково направление изменений.

Для начала сопоставим более ранние записи с текстами сборника В. С. Караджича.

Из ранних в нашем распоряжении — 12 марковских песен издания В. Богишича (№ 3—7, 86—92), 2 дополнительные из антологии М. Пантича (с. 67—69 и 171) и 7 — из Ерлангенской рукописи (№ 105, 124, 139—140, 151, 176 и 188). Хотя эти фиксации не синхронны (от П. Хекторовича, 1556 г. до сер. XVIII в.) и в какой-то (еще не уясненной) мере, по-видимому, разноэтничны [9], ввиду малочисленности приходится брать их совокупно, дабы иметь показательный материал для первого периода, доступного наблюдению.

Обозначения Марко в двадцати одном раннем тексте предстают в следующем распределении: *Марко* (без эпитета) — 125, титульных сочетаний — 172, нетитульных — 27 (*млади* — 6, *побратим* и *храбар* — по 5, *витез* — 3, *юнак*, *добар юнак* и др.— по 1). Тотальная цифра появлений Марко во всех песнях — 324.

Для последующего сравнения исчислим процентное соотношение всех категорий. Доля (частотность) упоминаний Марко без эпитета в общей сумме составляет 38,58%. Титульных именований — 53,08%.

Теперь — для следующего этапа — приведем данные по компактной группе из тридцати одной песни о Марко во втором томе собрания В. С. Караджича (№ 32—33, 37—41, 51—73, 78 и 86). Марко без эпитета в них называется 426 раз, в титульном сочетании — 249, в нетитульном — 50. Суммарное число появлений — 725.

---

[8] См. в несколько в ином плане: [Шмаус, 1973].

[9] Ср. хотя бы вопрос о бугарштицах: [Динеков, 1972, 432—436].

В этой общей сумме доля упоминаний Марко без эпитета составляет 58,75%, доля титульных сочетаний — 34,34, а нетитульных — 6,89.

Сопоставим результаты. Марко (без эпитета) в ранних текстах имел частотность 38,58%, а у Караджича — 58,75. Налицо ощутимое уменьшение определяемости. Причем произошло оно главным образом за счет уменьшения частотности *титульных* именований героя: если в ранних текстах их доля в общей сумме составляла 53,08%, то у Караджича — лишь 34,34.

Доля нетитульных обозначений изменилась малозаметно: с 8,33 до 6,89%. Вообще, удельный вес нетитульных в обеих текстовых сериях очень невелик; возможно, в рассматриваемую эпоху им еще не принадлежала существенная роль в художественно-определительной системе песен о Марко. «Выветривание» историко-титульных обозначений происходило тогда, судя по нашим данным, без компенсации нетитульными эпитетами. Это важно взять на заметку, ибо в дальнейшем мы увидим иной путь эволюции.

Если исчислять соотношение титульных и нетитульных именований в их собственной сумме, то здесь пропорция меняется в пользу вторых: относительная доля титульных с 86,43% в ранних записях снижается до 83,27% в текстах Караджича, а доля нетитульных именований соответственно повышается с 13,56 до 16,73%. Позднее это станет основным проявлением изменений.

* * *

В XIX—XX вв. специфично и осязаемо вырисовываются перемены в определительной системе болгарского эпоса о Марко. Из числа первых сборников возьмем Миладиновых, Каравелова и Шапкарева (т. II). Записи песен о Марко, предстающие здесь в разнообластном охвате, существенно конгруэнтном соотносительно с порой создания эпоса, принадлежат в основном периоду с начала 50-х по 70-е годы. Двумя яркими последующими «срезами» эпической традиции станут для нас сборник Ст. Ватева (записи 1887 и 1888 гг.), к которому мы прибавляем немного более ранние записи Качановского, а затем большое издание наших дней — «Български юнашки епос».

Предмет изучения — та же определительная константа: эпический «формуляр» Марко в его титульной, нетитульной и «неозначенной» (немаркированной) вариациях. Но предварительная проработка материала показала, что для уловления некоторых особенностей динамики целесообразно среди нетитульных сочетаний проследить отдельно *Марко юнак* и *Марко добър юнак*, так как они оказываются необычайно важными для истории данной эпической традиции. Отсюда — отбор текстов, где Марко хоть раз называется *Кралевичем* (Крали и другие варианты), *юнаком* или *добрым юнаком* (разумеется, и прочие эпитеты взятых песен полностью учитывались).

Из сборника Миладиновых подошло 20 текстов (№ 9, 54, 84, 96, 101—102, 121—127, 142—147, 156), из Каравелова — 8 (№ 72—75, 77—78, 80—81), из Шапкарева (т. II) — 22 (№ 312, 338—340, 344, 351—352, 361—

362, 366, 370—372, 391, 401, 409, 423—424, 450, 459, 463—464). Всего — 50 песен.

Вариации именований Марко обладают в них следующей частотой появлений: Марко без эпитета — 262 раза, титульные — 239, нетитульные обозначения — 132, в том числе *Марко юнак* — 13, *Марко добър юнак* — *41*. Итоговое число упоминаний Марко — 633.

В общей сумме доля неозначенных упоминаний Марко, т. е. без эпитета равняется 41,38%, титульных — 37,75, нетитульных — 20,85, в том числе *Марко юнак* — 2,05, *Марко добър юнак* — 6,47.

Соотношение в более узком кругу — среди титульных и нетитульных: доля титульных сочетаний в обоюдной сумме — 64,42%, нетитульных — 35,57, в том числе *Марко юнак* — 3,50, *Марко добър юнак* — 11,05%.

Из сборника Ст. Ватева подходящими для анализа оказались 63 текста: от № 1 до 76, за вычетом № 14, 41, 44, 45—46, 55—56, 60—61, 67, 71—73. К ним прибавилось 12 записей Вл. Качановского (№ 119, 126, 128, 132, 144, 146, 159, 163, 164, 189, 200) итого — 75 песен. Распределение: Марко (без эпитета) — 894 появления, титульных — 372, нетитульных — 277, в том числе *Марко юнак* — 49, *Марко добър юнак* — 147. Тотальное число появлений Марко — 1543.

Доля «неозначенных» именований — Марко без эпитета — в цельной сумме его упоминаний составляет 57,93%. Доля титульных — 24,10%. Нетитульных — 17,97%, в том числе *Марко юнак* — 3,17%, *Марко добър юнак* — 9,52%.

Относительная доля титульных в сумме титульных и нетитульных — 57,31%, нетитульных — 42,68%, в том числе *Марко юнак* — 7,54%, *Марко добър юнак* — 22,65%.

Для третьего «контрольного» этапа из издания «Български юнашки епос» (записи начала 60-х годов, в основном 1961—1962) рассмотрено 200 песен: от № 1 до № 120 (без № 18, 21, 27—31, 44, 47, 50—51, 56—58, 64,85—90, 92, 97—98 и 116), от № 143 до № 208 (без № 144, 163, 167, 172, 174—178, 183, 188—190, 192, 195, 199, 201, 203—207), от № 210 до № 298 (без № 212—215, 219—220, 227, 231—233, 235—238, 241—242, 249—250, 252—259, 261—283, 286—288, 290, 293, 295) и от № 306 до № 352 включительно (без № 307—308, 310, 312—313, 318, 321—322, 326—334, 336—337, 339—345, 349—350).

Прослеживаемые нами вариации именований Марко распределяются таким образом: Марко (без эпитета) — 1622, титульные — 416, нетитульные — 700, в том числе *Марко юнак* — 109, *Марко добър юнак* — 420. Суммарное число появлений Марко во всех двухстах песнях — 2738.

Доля неозначенных (Марко без эпитета) именований в этой общей сумме составляет 59,24%. Доля титульных именований — 15,18%, нетитульных — 25,56, в том числе *Марко юнак* — 3,98, *Марко добър юнак* — 15,33%.

Относительная доля титульных в собственном кругу означенных — 37,27%, нетитульных — 62,72, в том числе *Марко юнак* — 9,76, *Марко добър юнак* — 37,63%.

По итогам анализа текстовых серий, принадлежащих трем разным этапам (I — Мил., Карав., Шапк., II — Кач. и Ватев, III — «Български

юнашки епос»), дадим сквозную тотализирующую запись, которая раскроет нам динамику обозначений Марко во времени.

Сначала сличим данные, которые обозначают перемены в абсолютном плане — по отношению к общему числу упоминаний Марко в песнях каждой группы.

(1) Марко (без эпитета): Мил., Карав., Шапк.— 41,38%, Кач. и Ватев — 57,93%, «Български юнашки епос» — 59,24% всех упоминаний.

Обнаруживается определенное уменьшение эпитетности, объяснимое, быть может, как некоторое упрощение стиля,— но не слишком весомое и значительное. Гораздо существеннее изменение в составе и качестве эпитетов — определений. Прежде всего, оно состоит в принципиальном сокращении титульных сочетаний.

(2) Марко с титульными обозначениями (Марко Кралевич с вариантами, Крали Марко с вариантами): Мил., Карав., Шапк.— 37,75%, Кач. и Ватев — 24,10%, «Български юнашки епос» — 15,18%.

Причем, как мы сейчас увидим, к 60-м годам нашего столетия это сокращение титульности сочетается и тем самым удваивается в своей историко-поэтической значимости с ощутимым усилением роли нетитульных сочетаний. Более того: сочетания *Марко юнак* и особенно *Марко добър юнак* обнаруживают растущую частотность еще у Качановского и Ватева. А в XX в. *Марко добър юнак* само по себе частотностью превосходит все титульные обозначения — ср. (2) и (5).

(3) *Марко* с нетитульными эпитетами: Мил., Карав., Шапк.— 20,85%; Кач. и Ватев — 17,97%; «Български юнашки епос» — 25,56%.

(4) *Марко юнак*: Мил., Карав., Шапк.— 2,05%; Кач. и Ватев — 3,17%; «Български юнашки епос» — 3,98%.

(5) *Марко добър юнак*: Мил., Карав., Шапк.— 6,47%; Кач. и Ватев — 9,52%; «Български юнашки епос» — 15,33%.

Еще ощутимее масштабы изменений при сопоставлении пропорции определений в их собственном кругу — в сумме титульных и нетитульных.

(6) *Марко* с титульными эпитетами: Мил., Карав., Шапк.— 64,42%; Кач. и Ватев. — 57,31%; «Български юнашки епос» — 37,27%.

(7) *Марко* с нетитульными эпитетами: Мил., Карав., Шапк.— 35,57%; Кач. и Ватев — 42,68%; «Български юнашки епос» — 62,72%.

(8) *Марко юнак*: Мил., Карав., Шапк.— 3,50%; Кач. и Ватев — 7,54%; «Български юнашки епос» — 9,76%.

(9) *Марко добър юнак*: Мил., Карав., Шапк. — 11,05%; Кач. и Ватев — 22,65%, «Български юнашки епос» — 37,62%.

Стало быть, в процессе эволюции не только утратили господство *титульные* аттестации героя — см. (2), (3), (6) и (7). Поднявшись в своей частотности от более чем скромных масштабов, именование *Марко добър юнак* (9) вместе с *Марко юнак* (8) стало, по существу, *главным определителем героя* (что очень ценно и для понимания развития народных воззрений. По-новому подтверждается суждение акад. П. Динекова о Марко как «юначной личности»).

Есть основания полагать, что и ныне процесс продолжается в том же направлении. Изучение песенных текстов, записанных нами совместно со Ст. Стойковой в селах Драголевци и Бусманци Софийского окр., Кова-

чевци Самоковского окр., а также совместно с Л. Богдановой в селах Суходол (где в свое время Ватев записывал эпос от замечательного исполнителя Жоте Илкова) и Кремиковци Софийского окр. (сентябрь — октябрь 1979 г.), показывает, что титульные именования Марко и дальше отступают перед нетитульными при всей поэтической полновесности новых воспроизведений традиции.

* * *

Итак, от «реально-исторической» эпитетики к более эпически оценочной — таковы вехи изменений художественно-определительной системы эпоса в новое и новейшее время. Этот вывод, подлежащий проверке и дополнению путем анализа всей совокупности эпических констант в записях разных периодов, дает повод для ретроспективной гипотезы о том, что мера историчности поэтики эпоса в *более* отдаленном прошлом еще менее была адекватна позднейшей: она значительно ее превосходила.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОЭТИКО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕДАВАЕМОСТИ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

Поэтика и традиция в эпосе слиты и нерасторжимы, ибо поэтика традиционно преемственна, а традиция — поэтически материализуема. В первой части книги мы имели возможность наблюдать историко-эволюционную определенность особенностей поэтики эпоса различных формаций. Собственно, это и позволяло из соположения вполне конкретных констант (разноэтапные топосы длительности и «хроноакты», изображение гнева богатыря, «эпические формуляры» Владимира и Марко Кралевича во времени) улавливать историко-поэтическое движение, изменяемость художественных представлений. При том, что материалом служили нам более или менее поздние записи эпоса (XX, XIX, отчасти XVIII и XVII вв.). Но у нас не было повода усомниться в исторической представительности этих записей, равно как и в том, что характерная поэтическая конкретика эпоса пришла к нам такой, какой сформировалась в древности. Но коли это так — а иначе и представить себе невозможно — то должен существовать достаточно надежный канал исторической связи, который только и смог донести до нас реальный облик каждого эпоса.

Собственно, это проблема «эпической памяти», но взятая не в личностном (не просто как «память на текст»), а в историческом плане.

За последние десятилетия очень заметно продвинулось изучение структуры эпической памяти, «поэтической грамматики» эпических текстов. Исходной во многих отношениях явилась «формульная» теория М. Пэрри и А. Б. Лорда и книга последнего «Эпический певец» [Лорд, 1960], ставшая основополагающей для работ в этой области. Существенные результаты в таком же направлении достигнуты советскими учеными — достаточно назвать монографию [Гринцер, 1974] или сборник под редакцией Е. М. Мелетинского [ПКЭ, 1978]. Цикл эффективных работ осуществлен на материале былин [Черняева, 1976 а, б, 1978, 1980] (Критика последней В. П. Аникиным, прозвучавшая на Всесоюзной фольклористической конференции 1986 г., не может быть принята).

Перед нами предстал другой аспект проблемы «канала памяти», во многом заданный первой частью книги, где на первом плане был исторический «возраст» фактуры эпоса и его поэтики. Речь идет о текстовой «материи» эпоса как таковой и мере ее сохраняемости во времени. Вопрос о стыковании этого аспекта с теорией «поэтической грамматики» (включая возможные дискуссионные моменты) — особый, мы коснемся его лишь в итоговом разделе.

Нам требуется сосредоточить внимание на «показаниях» самих текстов. Трудом поколений собирателей для этого накоплен ценный материал — многочисленные повторные записи, фиксации произведений от нескольких поколений сказителей и т. д. Будут, в частности, сопоставляться не единичные, как прежде, а дублированные (двух- и трехкратные) записи

от участников трансмиссии эпических произведений. Этому посвящены главы, имеющие аналитико-демонстрационное назначение. Они призваны предложить наглядное, объективно-значимое, поддающееся проверке рассмотрение того, как соотносятся между собой разновременные тексты одного певца и тексты, передаваемые от одного исполнителя к другому (из поколения в поколение).

Избранный способ сопоставления позволяет сочетать вербальный и композиционный аспекты (при суммарной регистрации их последовательность пришлось бы не принимать во внимание [Черняева, 1980, 111]). Таким образом, рассмотрение обращено к уровню непосредственной «манифестации» (В. Я. Пропп, Г. Л. Пермяков) эпических произведений, в отличие от уровней структурного, семантического и др.

Методика «синоптической» записи и установления сходства и различий в сопоставляемых текстах. Запись осуществляется по следующим правилам: 1) тексты даются параллельными колонками в согласованной «вертикальной развертке», осуществленной таким образом, чтобы идентичные или сходные стихи оказывались на одном уровне — это сразу обнаруживает существующие совпадения и их «густоту»; 2) путем «растягивания» текста по вертикали в его подаче создаются просветы, или паузы, когда в данном тексте нет тех стихов, которые заключаются в одной или нескольких других сопоставляемых записях; 3) все получающиеся строчные позиции нумеруются; 4) там, где в данном тексте (и в данной стиховой позиции) нет стиха, имеющегося в другом тексте, ставится прочерк; 5) если соответствующий стих имеется, но в другом месте, то вместо прочерка дается отсылка *см.* (когда стих тот же) или *ср.* (когда сходство неполное), с указанием номера позиции (Два последних пункта важны тем, что выявляют неявные переклички и существенно дополняют фиксацию реального соотношения текстов); 6) в случаях совпадения стиха в двух или трех сопоставляемых записях, он располагается так, чтобы видна была его принадлежность соответствующим вариантам; 7) когда в одном и том же стихе двух или трех текстов различаются отдельные слова или их формы, это отражается при воспроизведении такого стиха. Наряду с обычными обозначениями вариаций (типа *опустился/выстал*, *дубовой/-выя*) в таблицах применяются следующие условные способы их фиксации. Запись *Приходит* (*Пришел ли тут*)... отражает два разных начала одного стиха (вариант начала в скобках — с прописной буквы). *Дополнительные* слова второго из сравниваемых текстов даются в скобках со строчной буквы: ...*князь* (*стольне-киевской*). Прочерк в скобках означает, что предшествующее слово во втором варианте отсутствует: *на* (—), *дай ты* (— —). При сравнении трех и более текстов римская цифра уточняет, какому из них принадлежит отмечаемая особенность.

Тексты воспроизводятся в соответствии с их подачей в используемых источниках (включая изустные формы, их варианты и т. д.).

Целесообразность синоптического транспонирования сравниваемых текстов определяется наглядностью и полнотой сличения. Самое же главное в том, что оно позволяет соединить демонстрацию соотношений вербальных (добавление или убавление стихов, их совпадение или варьирование) и композиционных (передислокация стихов, повторы и т. д.). В перспективе нам видится возможность умножения аспектов сопоставле-

ния путем отражения музыкального звучания (пение сказителя и инструментальное сопровождение), интонационных элементов эпического исполнения и т. д., включая синоптическое сравнение видеограмм.

Подчеркнем, что приводимые текстологические таблицы — не просто некая иллюстрация к доказываемым тезисам, а *самое доказательство*. Они мыслятся неотъемлемой частью основного текста книги, неся в себе определенный текстологический анализ записей и соответствующие результаты. Мы не стремимся исчерпать всех их «показаний» — в этом смысле предлагаемые синоптические таблицы могут оказаться полезными и для других наблюдений.

Зачастую в число сопоставляемых входят тексты, которые еще не публиковались. В подобных случаях наша подача является первой их публикацией.

ЭПИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ПЕВЦА

(СРАВНЕНИЕ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЕЙ)

Согласно известной классификации А. М. Астаховой [Аст., I, 82], кижский сказитель В. П. Щеголенок (1805?— после 1886) — певец-импровизатор (в отличие от сказителей-«передатчиков» и творцов новых редакций былин). Еще А. Ф. Гильфердинг заметил, что Щеголенок часто соединяет в одну былину разнородные сюжеты [Гильф., II, 297]. Н. В. Васильев, изучавший тексты одних и тех же былин, спетых Щеголенком в разные годы, делал однозначный вывод: они «настолько разнятся между собой», что их можно даже принять за былины, записанные от разных певцов» [Васильев, 1907, 186]. Щеголенок — певец крайне субъективный, отмечал В. Г. Базанов, при каждом новом исполнении он вносил изменения, переставлял сюжетные эпизоды, изменял имена героев. В отличие от Т. Г. Рябинина, Щеголенок не был сторонником стройных былинных композиций [Базанов, 1981, 93].

Тем интереснее для нас, как в таких экстремальных условиях проявляется текстовая сохраняемость эпического произведения. Правомерно ли вообще это понятие в подобной ситуации?

Взять хотя бы былину «Илья, Ермак и Калин-царь» (Щеголенок чаще называл царя Каином). Она не является, правда, самой нетрадиционной композицией в репертуаре Щеголенка. Но и в ее текстах Васильев отмечал у Щеголенка существенные расхождения (помимо колебаний в именовании татарского царя). В тексте, спетом Гильфердингу, в описание пира «механически введено некстати заимствованное из былины о Ставре... хвастовство присутствующих, которое в последней былине органически связано с сюжетом»; в трех вариантах Щеголенка «...былина оканчивается тем, что разгоряченный победой Илья Муромец хвастается, будто может победить силу небесную... Илья Муромец «переселся», из него сделались мощи святые, а конь окаменел... В то же время четвертый вариант «дает благополучное окончание, обычное для разбираемого сюжета» [Васильев, 1907, 189]. При наличии таких разноречий еще важнее выяснить соотношение разновременных текстов в целом.

Представим в синоптическом сравнении два полных текста былины. (Таблица 1). Первый записан не позднее 1868 г. учеником Е. В. Барсова М. Гурьевым [1] [Т.— М., № 10, 197 стихов], второй — 6 июля 1871 г. А. Ф. Гильфердингом [Гильф., II, № 121, 219 стихов]. Еще две записи — П. Н. Рыбникова, около 1860 г. [Рыбн., I, № 74, 36 стихов], и П. А. Бессонова, 1873 г. [Кир., изд. 2-е, вып. 4, № 45, 48 стихов], дают только окончание былины. Они будут учтены в дальнейшем.

---

[1] Иногда записи М. Гурьева относят к 1871 г., но это не согласуется с тем фактом, что уже в 1868 г. О. Ф. Миллер знакомился с рукописью сборника Е. В. Барсова, в который они вошли.

В итоге синоптического соположения двух записей былины В. П. Щеголенка образовалось 323 строчных позиции. (При совпадении всех стихов и полном отсутствии разброса по вертикали позиций было бы ровно столько, сколько стихов содержит больший из двух текстов — 219. Следовательно, коэффициент композиционно-текстовой изменяемости, определяемый отношением полученной суммы позиций к минимально возможной, т. е. практически к числу стихов большего из сопоставляемых текстов, составляет 1,47. Это высокий множитель, поскольку он означает, что речь идет о добавлении почти половины позиций — именно позиций, а не стихов. Но более конкретно мы смогли оценить его позднее, когда у нас будут коэффициенты изменяемости текстов у других исполнителей).

Синоптическая «развертка по вертикали» и сопоставление паритетных стихов выявили 73 стиха, совпадающих текстуально и позиционно. Для 93 соответствия нашлись не рядом, а в других, иногда нескольких местах параллельного текста (на это указывают пометки *см.* с указанием номера строки, занимаемой в другом тексте тем же стихом). Наконец, в 81 случае стихи, хотя и различаются (в той или иной степени) по своему виду, частично все же совпадают между собой, варьируя иногда одну и ту же основу (пометки *ср.*). Итого — 247 из 323, т. е. абсолютное большинство позиций, целиком или частично тождественны. На долю стихов, не имеющих параллелей, приходится всего 76 позиций.

Такие пропорции текстуально общего и особенного совершенно неожиданны для певца-импровизатора. Но загадки не будет, если учесть другое показание синоптической таблицы: свободное варьирование более всего проявляется не в словесном выражении, а в расположении стихов. 93 перемещенных совпадающих стиха (не считая стихов-вариантов, также зачастую оказывающихся в другом месте текста) — решающее тому доказательство.

Отсюда следует главный вывод: о полном преобладании композиционных различий над вербальными в двух щеголенковских текстах былины.

Уместно вспомнить в этой связи суждение В. В. Радлова о тюркоязычных эпических певцах: искусство их «состоит в соединении готовых уже частичек картины в одно целое, смотря по ходу обстоятельств» [Радлов, 1885, XVI].

Стихи о прибытии царя к реке Смородине и камню Латырю в гурьевской записи появляются трижды, причем в первой части былины, а в записи Гильфердинга — дважды, но значительно дальше по ходу повествования. Два раза при исполнении Гурьеву Щеголенок возвращался к обращению царя к Владимиру, дважды передавался приказ прибрать Киев к приезду Калина. «Доминантный лейтмотив» былины об Илье и Калине [Богатырев, 1971, 433—436] «стоять за Киев, за отечество» в первом тексте звучит только раз, во втором — трижды.

Перемены подчас действительно произвольны, но означает ли это, что в двух текстах Щеголенка вообще нет единой композиционной закономерности?

Ответ дают стихи, совпадающие текстуально и позиционно. Здесь вновь нас подстерегает неожиданность.

Прочитаем совпадающие стихи подряд, кратко обозначая их содержание: 1) в Киеве у Владимира был пир, на нем богатыри (1—5); 2) середи

ночи приехал татарин (31); выкладывание ярлычка, веление Владимиру: прибрать, обмести Киев — в него въедет Калин (35—45); 3) все богатыри есть, нет одного Ильи Муромца (84, 87—88); 4) Илья, придя, ведет поклон (102, 104—105); проговорит (133): «Дай-ко ты мне времени поотдохнуть...» (135—137); 5) богатыри съехали (138—139), кони стоят, пшено едят (144, 145); 6) к Владимиру приходит младой Ермак Тимофеев сын (147—148), поклон ведет (151); «Спусти-тко к татарам...» (157); 7) «Есть ты молод...» (165—166); 8) Ермак объявляет, что все равно поедет (175—176) стоять за Киев, за отечество (187—188); 9) Ермак приезжает в поле (198), Илья велит посмотреть, много ли нагнано врагов (215—216, 218); 10) Ермак посмотрел (230) — волку не оскакать, ворону не облетать (237—238); 11) «не честь» богатырям оставаться на месте (245), поехал Ермак к татарам (249—252); 12) Илья посмотрел (254, 256, 261) — волку не оскакать, ворону не облетать (264—265); Илья выезжает (283—290); 13) стали рубить с Ермаком (292—293) и порубили всех (294—295, 299).

В сущности, в приведенном перечне обнаруживается сюжетно-повествовательная *основа* — может быть, изначальная в былине. В высшей степени принципиально для исследователя, что путь, по которому следует повествование, отмечен вехами, совпадающими в разновременных текстах не только в том, что касается порядка их расположения, но и в том, что касается конкретного словесного выражения.

При всей «казовости» (А. Н. Веселовский) расположения прочих элементов повествования последовательность сохраняющихся вех остается выдержанной, логически оправданной и устойчивой. Все остальное — как бы второй слой — динамично убавляется или прибавляется (например, трагическая концовка), не будучи, однако, в состоянии порушить своеобразный «субстрат».

Один из «разностных параметров» сопоставленных записей былины — отличительные стихи, присутствующие только в одном из двух текстов.

В гурьевской записи (I) таких стихов 18 (см.: 32, 86, 91, 94—95, 153, 200, 208, 255, 272—274, 276—277 и 300—302).

Три-четыре из них — скорее связующего, служебного характера, они не заключают в себе ничего специфичного в том смысле, что не создают какого-то особого контекста: «Ко тому ль то князю ко Владимиру», «Коням да богатырскиим», «Сам Владимир выговариват». Другую группу составляют важные образные стихи типа «Утоплены очи ясны во калинов мост» «Как на море волна да колеблется, / Рубит татар да поганыих», «По родительскому прощеньицу, / По божьему благословеньицу». То, что они есть только в одной записи, совсем не означает их разовой импровизированности, ибо они встречаются и в других текстах Щеголенка, а также у иных исполнителей.

Лишь в одном месте отличительные стихи гурьевской записи несут в себе некую сюжетную новацию, впрочем, не вполне ясную и больше не повторенную: весть о враге приносит Илье Муромцу «могучий богатырь», посланный Владимиром (91, 94—95).

Отличительные стихи записи Гильфердинга (II) по сравнению с гурьевской (I): 6, 7—25, 81, 143, 158—159, 185, 186 (-159), 192, 195—197, 219, 241, 244, 247, 282 (-241), 287—289 (= 195—197), 304, 305, 307—311, 312—315, 317, 320—321. Итого — 47 стихов (без повторяющихся), что

почти втрое больше, чем было в гурьевской записи стихов без соответствий в тексте, помещенном у Гильфердинга. Однако среди них практически нет таких, какие можно было бы считать стихами специально созданными по ходу данного исполнения.

Закидывание палицы (195—197 и 287—289), имея у Щеголенка же параллель в «Первых подвигах Ильи Муромца» [Гильф., II, 317, 318, 321], составляет формулу, известную в былинах из разных регионов, ср.: [Григ., II, 141—142]. Более того: этот «типический образ» встречается не только в русском, но и в сербском, болгарском, новогреческом, восточно-романском эпосе [Веселовский, 1884, 12—13]. Былинную формулу «Разгорелися сердца богатырския,/Разгорелися жилы богатырскии» (303—304) встретим у Щеголенка в «Добрыне и змее» [Гильф., II, 340. Ср. 318, 334]. Вариант стиха «Да на этую на матерь на сырую землю» (241, 282) есть у Щеголенка в «Святогоре и Садке», «Дунае», «Дюке» [Гильф., II, 311, 351, 368]. Не являются одномоментными размышление о силе небесной («Прирубили бы мы...»), следующее за ним описание «Разрубят единого — сделается с едина два» — известное эпической традиции [Марк., 443], стихи о смерти и окаменении с конем, о превращении в мощи святые: все они зафиксированы в рыбниковской и бессоновской записях рассматриваемой былины Щеголенка. Стихи «Надо ли нам биться да ратиться», «А со этима поспехамы богатырскима» неоднократно появляются у Щеголенка в «Святогоре и Садке», «Первые подвиги Ильи Муромца», «Добрыня и Маринка». Пожалуй, только стих «В шатрах да белодубовых» в точно таком виде не употребляется в других щеголенковских текстах, хотя эпитет *белодубовый* певцу свойствен (ср. в «Святогоре»: *покои белодубовы*).

Примечательно, что почти не стало сюжетно-значимых новоявлений, за исключением, пожалуй, стихов гильфердинговской записи «Раздернули шатры да белые» (143), «В старцы пошел постригаться» (184).

Несмотря на то, что отличительных стихов во втором тексте больше, чем в первом, они скорее свидетельствуют, что расширяется владение Щеголенком типизированными стихами.

Оговоримся, что нет оснований вообще преуменьшать сюжетные перемены и контаминации, заключенные в былинах Щеголенка. Их выяснение на общем фоне традиции — задача особая, причем решение ее ограничено в своих возможностях отсутствием записей от учителей Щеголенка, без чего невозможны точные суждения о том, принадлежат ли *всецело* сюжетно-повествовательные аномалии, улавливаемые в былинах Щеголенка, именно ему, или же они в какой-то мере идут все-таки от певцов-предшественников.

* * *

Цвета Йорданова Балтянова, 1906 г. рождения,— певица из села Кремиковци-Софийско в Болгарии. Первые записи от нее были сделаны Л. Богдановой в 1977 г. Балтянова — обладательница обширного эпического и лирического репертуара. 27 сентября 1979 г. нами совместно с Л. Богдановой от нее записано 20 песен (некоторые — дважды) и 2 сказки. В числе юнацких песен, исполняемых Балтяновой,— «Марко

и Муса Кеседжия», «Марко освобождает три синджира рабов», «Момчил» и др.

Сопоставим три разновременных текста Цв. Й. Балтяновой. (таблица 2) Самая ранняя запись песни о Марко и трех синджирах рабов сделана от нее Л. Богдановой 1 декабря 1977 г., две других — 27 сентября 1979 г., с паузой в час, Л. Богдановой и автором данной работы. Варианты содержат 105 (I), 133 (II) и 128 (III) стихов.

В синоптической записи образовалось 206 позиций (коэффициент композиционного и вербального варьирования — 1,54).

Перечислим повествовательные моменты, которые выходят на первый план благодаря текстуальной и позиционной тождественности соответствующих стихов: 1) Марко три месяца держит великденский пост (1—3); 2) Коня седлает Марко Кралевики (5); 3) Рядом стоит жена Елена (10); 4) Марко говорит, что не надо брать оружие (22), может что-то случиться в дороге (24) и нельзя будет причаститься (27); 5) Умной была жена Елена (28), тайком положила ему оружие (33—35); 6) Марко поехал полем (39), достиг леса зеленого (40); 7) Лес стоит посохший (41), потому что прошло три синджира рабов (52); 8) Первый синджир — из девушек, второй и третий — из парней и невест (56—58); 9) Марко велит коню мчаться (76—77), чтобы отбить синджиры (79); 10) Конь говорит, что милая Марко умная, положила ему саблю (87); Марко глянул в переметные сумки (88); 11) Марко окликает арапина (101); бросает буздуган, поражает арапина (123—126); 12) Раздает рабам золото (134), чтобы купили хлеба детям (139); 13) Седатые софийские кметы кофе пьют, смеются над Марко (149—150); 14) Марко досада берет (157), церковь объезжает (159), обращается к игумену (169); 15) Говорит, что погубил арапина (187), одарил всех рабов (193); 16) Старый игумен отвечает, что Марко не грех совершил, а добро (201—202), освободил три синджира рабов (204).

Вновь, как и в текстах былины, исполненной Щеголенком, совпадающими константами оказываются направляющие вехи эпического повествования. На них держится весь смысл эпического произведения, ими определяется его сюжетная самостоятельность и вербально-реализованное поэтическое своеобразие. На эту *подоснову* накладывается слой дополнений, повторов, меняющихся подробностей.

Природа и функции специфических стихов каждого варианта не одинаковы. Одни, например, служат продолжением и конкретизацией мысли или описания — таков стих (возможно, привнесенный самой исполнительницей), появляющийся в первом тексте при изображении несчастных невольников: «По два дена леп не са ручали» (60). Другие подкрепляют эпическую мотивировку, среди них — стих «Марко има превърли душмане» (30) третьего текста, известный традиции данной песни — ср. [БЮЕ, 190]. Добавление, характеризующее Марко, появляется в первом тексте: «А за мене и жълтица не зех» (194). Примером сравнительно новой реалии может служить «пушка манлихерака» (тексты 1979 г.); такое название ружья зафиксировано в «Словаре» под редакцией акад. Ст. Романского как слово немецкого происхождения. Довольно часты «разовые» стихи, представляющие усилительный повтор предыдущих, продолжение какого-либо перечня и т. д. Во втором тексте вместе с калугерами на Марко глядит попович: «Редом се си попович отиде» (102).

Варианты Балтяновой значительнее дополняют друг друга в ином, более существенном отношении. Речь идет о цельности диалогов. В первом тексте лишь отрывочно присутствует разговор юнака с лесом (лес объясняет, почему он позасох). В двух других текстах диалог занимает свое место. Третий текст беднее первого и особенно второго в последней части; поэтика повторений (Марко рассказывает о синджирах и их освобождении) нарушается скороговоркой (исполнительница подустала). Композиционные колебания сказываются, например, в описании встречи с арапином. В раннем варианте Марко сразу велит арапину выйти на майдан юнацкий (имеется в виду поединок). В двух других вариантах вызову предшествует диалог с арапином. Юнак требует отпустить невольников, арапин отвечает угрозой: в синджире есть место и для Марко. Такое начало лучше мотивирует вызов на поединок.

В целом три текста Балтяновой находятся между собой в отношениях взаимной дополнительности.

Восполнение пропусков, детализирующие дополнения не выводят, однако, повествование за пределы той версии песни, которую представляют тексты Балтяновой. Например, не привносится освобождение юнаком своей посестримы, присущее другой версии песни — такие тексты представлены в издании [БЮЕ, № 1—10 и др.].

Сам тип воспроизведения песни несомненно иной, чем у В. П. Щеголенка. Если у Щеголенка композиционное варьирование преобладало над вербальным, то у Балтяновой перестановки и перемещения намного локальнее, но речевые различия наблюдаются чаще (за счет этого, а также за счет взаимодополняемости текстов коэффициент варьирования у Балтяновой оказывается довольно близким тому, какой был у Щеголенка. Его сходный уровень обусловлен различающимися факторами). Текст у Цв. Балтяновой словно пульсирует, что свидетельствует о том, сколь жива еще эпическая традиция, которую представляет исполнительница.

* * *

Михай Константин, прозванный Лаке Гэзару (1912—1970),— лэутар-скрипач из с. Деса уезда Долж на юго-западе Румынии. По заключению Ал. И. Амзулеску, он один из самых примечательных румынских эпических певцов, выделялся богатством репертуара (35) и верностью традиционному стилю. «Ночью думаю о них (т. е. о песнях — *В. Г.*), перебираю в памяти одну за одной! Вспоминаю, как начинается, как продолжается — чтобы не забыть... Лежу вечером и пою про себя... Мысль поет, обращена к песне» [RF, 1952, № 1—2, 157] — признавался М. Константин.

Войницкая песня «Йован Йорговan», варианты которой нам предстоит сравнить, записана от М. Константина трижды: 22 февраля 1951 г., 13 февраля 1961 г. и 24 декабря 1968 г. Первая запись напечатана Ал. И. Амзулеску и Г. Чобану в 1956 г. и вместе с нотировкой воспроизводилась в [Гацак, 1967, 417—424]. Вторая запись еще не публиковалась. Третья помещена в брошюре-приложении к фильму «Исполнение героической песни «Йован Йоргован» на осеннем поминовании усопших в с. Деса», выпущенному в 1973 г. «Кинематографической энциклопедией» (Гёттинген). Запись и расшифровка текстов — Ал. И. Амзулеску.

Варианты содержат 212, 228 и 152 стиха (таблица 3).

В другой работе мы подробно сравнивали два первых текста М. Константина, 1951 и 1961 гг. [Гацак, 1971, 37—45]. Анализ говорил о преобладании композиционных различий, перемещениях эпических тирад, их частом разделении в тексте 1961 г., различиях в числе привлеченных традиционных стихов и совсем редком появлении новых.

Привлечение еще одной записи и синоптическое сопоставление всех трех текстов показывают, что тенденции и особенности, которые улавливались при сличении двух, теперь выступают еще определеннее.

Три разновременных текста восточнороманской песни о Йорговане в синоптическом распределении дали 319 позиций. (Коэффициент композиционного и вербального варьирования, определяемый отношением числа полученных позиций к числу стихов наибольшего текста, составляет 1,39, т. е. он намного меньше, чем в двух предыдущих случаях. Как можно будет убедиться, тому есть определенное объяснение.

Основное, что сразу привлекает внимание в синоптической записи трех текстов Константина,— это обилие совпадающих стихов (свыше 80) и идентичных, но различающихся по своему расположению. Такой особенности сопутствует малочисленность стихов с вариациями (менее 30) и стихов, специфичных только для одного из трех текстов, включая стихи-новации (отсюда, конечно, и относительно низкий коэффициент вариативности).

Тут определенно сказывается, во-первых, вербальная маловариабельность, достигнутая песней о Йорговане в восточнороманской устной традиции, особенно в юго-западной зоне Румынии. Описания войника, «змеиного» убранства его коня и другие, присущие песне о Йорговане, выглядят предельно законченными, не различаясь даже у самых разных певцов. Во-вторых, находит проявление и специфичное для М. Константина (а также для некоторых других, далеко не всех, певцов-лэутаров — своеобразных сельских профессионалов) стремление по возможности не «искажать» слово и, что не менее существенно, определенная завершенность, спад словотворческой активности, переключение внимания на исполнительскую, вокально-музыкальную интерпретацию. Но это не отменяет *композиционных* инициатив, а напротив, по-своему поощряет и даже требует их. Фоно- и кинограммы убеждают, что М. Константин достиг в этой сфере большой свободы и искусности (как и другой лэутар, Константин Стайку, о котором пойдет речь в следующей главе). Когда шла третья запись (киносъемка), М. Константин, вероятно, был предупрежден, что время ограничено, и уложил повествование в 152 стиха, присоединив к тому же колоритную традиционную концовку «Я кланяюсь песней...», которую обычно не произносил.

Перемещения в текстах М. Константина происходят цельными тирадами (ср., например, 25-ю позицию описания змея в двух записях и 68-ю, 225 — в третьей). Такие же тирадные сочетания изымаются при сокращении — например, описание охотничьего выезда Йоргована (45—50), или часть многострочного обращения к реке Черне (91—95, и 111—126), опущенные при третьем исполнении.

Но и при таких «блочных» несовпадениях синоптическая развертка по вертикали обнаруживает весьма значительное число позиционных тож-

действ. И что самое замечательное, и в такой ситуации вполне уловимо двухуровневое расслоение слагаемых повествования (по признаку совпадения/несовпадения, позиционного и текстуального вместе). То выделение ориентирующих вех повествования, которое открылось при рассмотрении былины и юнацкой песни, налицо и в песне войницкой. Выделяемый ряд вербально-позиционных констант в «Йорговане» таков: 1) на кургане третий день дождь и небо не проясняется (1—5); 2) Йоргован неуемный был витязь (19—33); 3) он отправился в путь (51—52); 4) конь его — детеныш льва, седлышко — череп змеиный (53—61); 5) Йоргован поехал вверх по реке Черне (79—80); 6) обращение Черны к Йорговану (96—98), Черна обещает обнажить брод (129—130), но просит бросить в воды стерлядь и ставриду, чтобы в ее водах плодились, как в других реках (134—137); 7) Йоргован выполняет это условие (139—141, 144); 8) река обнажила брод, Йоргован переехал (144—146); 9) Йоргован едет в город Сибну, покупает палаш демискийский (148—150); 10) добирается до змея (170), подстерегает его (170—172); вред, наносимый змеем, он охотится лето, пожирает за вечер (225—230); 11) Йоргован увидел змея и погнался за ним (236—240); 12) змей уползал, оставляя борозды (240—242); 13) Йоргован соскочил с коня, срубил змею голову (250, 253); 14) голова откатилась, в нору закатилась, оттуда говорила (256—258); 15) обещаемое ею зло: напустит мошкару, земля опустеет (262—269, 271); 16) Йоргован поехал дальше, гончая-выжла его обгоняла (288, 290); 17) посредине воды настигло проклятье (299, 300), он сделался камнем (302); 18) и ныне заметны следы (307—308): копыто коня, нога человека, коготь сокола (309—312).

Мы видим, что в этом ряду констант — и «локусы», и атрибуты героя, и вехи змееборческого сюжета. Опять-таки, впечатление такое, что предельная вербально-позиционная (важно именно это соединение) типизированность обозначает некую исходную основу песни. Так или иначе, не случайно оказалось отсеченным (прежде всего — *позиционно*, появляясь в первых двух записях в самый неподходящий момент) такое сюжетное ответвление, как приход сестры к Йорговану, подстерегающему змея, и ее обращение к войнику.

В перечне констант есть только одна неувязка: непонятно, чье проклятье настигло Йоргована. В двух других текстах дается обычное для данной песни объяснение: проклятие исходит от девушки, которую покусала гончая Йорговина. Но, может быть, как раз такое объяснение и не является исконным в песне, а немотивированность здесь обозначает некое более древнее толкование, бывшее когда-то в песне? На то, что это не исключено, указывает то обстоятельство, что существует еще одна песня о Йорговане, где войнику противостоит «дикая дева из-под камня». По нашему предположению, она в далеком прошлом — хозяйка лесов, подобно грузинской Дали [Гацак, 1967, 32—36],— как бы то ни было, именно «дикая дева» насылает проклятье на войника [Гацак, 1967, 32—38].

Таблица 1

ЩЕГОЛЕНОК В. П. «ИЛЬЯ, ЕРМАК И КАИН/КАЛИН-ЦАРЬ»

	I [Т. — М., № 10]	II [Гильф., II, № 21]
1	Во стольном/ноем (во) городе/-и во Киеви/-е	
2	У ласкова у князя (у) Владимира	
3	Заводился у него (Заводилось пированьице) почестен пир	
4	На многих на князей на бояр,	
5	(А) на русских/-иих могучих/-иих богатырей,	
6	—	А на всех поляниц на удалыих, (-24)
7	Ср. 54, 67	Солнышко Владимир князь стольне-киевской,
8	—	Он похвастаё а ведь городом,
9	—	А ведь городом а ведь Киевом;
10	Ср. 5	Русскии могучии богатыри
11	—	А хвастали-то они силою,
12	—	А силою своею богатырскою;
13	—	А гости купцы тут торговыи
14	—	А похвастались они тут товарами,
15	—	А тыма ли товарами заморскими,
16	—	А куницами лисицами а черными со-
16а	—	болями заморскими
17	—	И умной похвастает отцем матерью,
18	—	А безумный похваляется молодой женой,
19	—	Добрынюшка похвастал золотой казной.
20	—	Есть ли у молодца золота казна,
21	—	Золота казна да не тощится,
22	—	Малы денежки да не держатся.
23	Ср. 5, 56	Вси русскии могучии богатыри,
24	—	Да вси поляници удалыи (=6)
25	—	Да вси со двора расходилиси
26	Ср. 42, 138, 201	По своим ли-то полатам богатырскиим.
27	Середи-то ноченьки да (—) темной/-ыя	
28	Ср. 55	Вдруг-то забило в било колокольное
29	Ср. 34, 58	На том ли дворе на княженецкоем
30	Ср. 33, 57	У солнышка князя у Владимира;
31	Приехал-то (Пришел) татарин поганой/ый	
32	Ко тому ль то князю ко Владимиру,	—
33	Ко Владимиру князю ко солнышку,	Ср. 141
34	Зашел он в палаты княженецкии,	—
35	Ёрлычок/-лык на стол да (—) выкладывал	
36	На тот ли стол да (—) на дубовой/-ыя,	
37	(А) На ту ль (—) доску на (—) позла-/золоченую;	

Таблица 1 (продолжение)

	I [Т. — М., № 10]	II [Гильф., II, № 21]
38	(И) Сам (-то) на словах да (—) выговаривал:	
39	— Ай (же) солнышко Владимир князь стольно-киевский (— —)	
40	Владимир князь стольно-киевский,	Ср. 39
41		Приберп-тко вси дворы/-а да княженецки/-ие,
42		Очисти-тко (вси) па-/полаты богатырскии,
43		Обмети-тко/Очисти-тко ты улицы стрелецкии
44		Въехать Каину-собаке (да) поганому/-оёй.
45		Во стольный град (да) во Киев
46	Приехал Каин-собака поганой	См. 220
47	Ко той реки ко Смородины,	См. 221, 228
48	К этому камень ко Латырю,	См. 223, 229
49	Ко тому ли дубу ко широку,	См. 222
50	И привез сорок королей, королевичей,	См. 225
51	Привез сорок царей, сорок царевичей;	См. 224
52	У королей, у королевичей силы е по тысящи,	Ср. 226
53	У царей, у царевичей по сту тысящ.	Ср. 227
54	Приказал солнышко Владимир, князь стольно-киевский,	Ср. 39
55	Зазвонить-то во било колокольное,	Ср. 28
56	Штобы собрались вси русскии могучии богатыри	Ср. 10, 82
57	Ко солнышку князю ко Владимиру	Ср. 30
58	На широкий двор и в палаты княженецкии.	Ср. 29
59	Ужаснулось сердечко у солнышка у князя у Владимира,	Ср. 79
60	Говорит да он могучим богатырям:	См. 242
61	— Был-то татарин поганый среди ночи темныя	См. 31+27
62	Во палатах княженецкиих;	Ср. 41
63	Ёрлычок на стол да он выкидывал,	См. 35
64	На тот ли стол да на дубовый,	См. 36
65	На ту ли доску да золоченую,	См. 37
66	И сам на словах да выговаривал:	См. 38
67	— Ты солнышко Владимир, князь стольно-киевский!	См. 39 и др.
68	Ты очисти-тко дворы да княженецкии,	Ср. 41
69	И палаты богатырскии,	См. 42
70	И омети улицы стрелецкии.]	См. 43
71	Приехал Каин-собака поганой,	Ср. 44; см. 71, 80, 221

Таблица 1 (продолжение)

	I [Т. – М., № 10]	II [Гильф., II, № 21]
72	Ко той реки да ко Смородиной,	См. 221, 228
73	Ко тому ль ко каменю ко Латырю,	См. 223, 229
74	И ко тому ли дубу да ко широку;	См. 222
75	И привел он сорок королей и королевичей.	См. 225
76	И сорок царей, сорок царевичей;	См. 224
77	У королей и королевичей силы е по целой по тысящи,	См. 226
78	У царей и царевичей по сту тысящ.	Ср. 227
79	Ср. 59	Испугался солнышко Владимир стольно-киевский
80	Ср. 71	От Каина собаки от поганоей,
81	—	От силы его да ведь великоей.
82	Ср. 56	Позвал звать русскиих могучиих богатырев,
83	См. 88	Старага казака Илью Муромца.
84	И вси сидят (Вси пришли) русские/-и могучие/-и богатыри,	
85	—	Вси пришли поляницы тут удалыи,
86	Утоплены очи ясны во калинов мост;	—
87	Только нет единого	Нет одного стара казака,
88	стара казака Ильи Муромца.	А стара казака Ильи Муромца,
89	См. 93	Ильи Муромца сына Ивановича.
90	У солнышка князя Владимира;	Ср. 7, 97
91	Послать русского могучего богатыря	—
92	К стару казаку Илью Муромцу,	Ср. 83, 101
93	Илью Муромцу, сыну Иванычу.	См. 89, 100, 103
94	Пришел русский могучий богатырь	—
95	К стару Илье Муромцу,	—
96	Илье Муромцу, сыну Ивановичу,	См. 89, 100, 103
97	Ср. 54	Да поговорит тут солнышко Владимир князь
98	См. 40	А Владимир князь стольно-киевской:
99	Ср. 88	— А й где же старой казак Илья Муромец,
100	Ср. 93	Илья Муромец, сын Иванович?
101	Ср. 88	Привели старого казака Илью Муромца,
102	(Он) Крест кладет по писаному,	
103	Ср. 93, 96	Илья Муромец, сын Иванович,
104	Поклон (-от) ведет по ученому,	
105	И на две, на три, на четыре сторонки/-ны покла-поклоняется	
106	Ср. 108	И солнышку князю Владимиру в особину
107	Стару казаку Илью Муромцу	Ср. 83, 101

Таблица 1 (продолжение)

	I [Т. — М., № 10]	II [Гильф., II, № 21]
108	Делат он поклон да особинный.	Ср. 106
109	— Старый казак Илья Муромец, сын Иванович!	Ср. 99—100
110	Приехал-то татарин поганый в палаты княженецкии,	Ср. 31
111	И сам ерлык-то на стол да выкладывал,	См. 35
112	На тот ли стол на дубовый,	См. 36
113	На ту доску да золоченую;	См. 37
114	Сам на словах да выговариват:	См. 38
115	— Прибери-тко ты вси дверы да княженецкии,	См. 41
116	Очисти улицы стрелецкии.	См. 43
117	И въехать Каину-собаки поганой	См. 44
118	Во стольный град во Киев.	См. 45
119	Приехал татарин собака поганый	Ср. 46
120	Ко той реки ко Смородиной	См. 221, 228, 296
121	Ко тому ль то камени ко Латырю	См. 223, 229, 298
122	Ко тому ль то дубу да ко широку,	См. 222, 297
123	И привел сорок королей и королевичей	См. 50, 225
124	И привел сорок царей, сорок царевичей;	См. 51, 224
125	У королей, у королевичей силы по целой е по тысящи	См. 52, 226
126	У царей, у царевичей по сту́ тысящ	См. 53, ср. 227
127	Ср. 54	Да проговорит солнышко Владимир князь,
128	См. 40	А Владимир князь стольне-киевской:
129	Ср. 206	— Ай же, старой казак Илья Муромец,
130	См. 177, 187	Как есть ли кому стоять за Киев град.
131	См. 188	За свое ли родное отечество,
132	См. 189	За тую ль веру христианскую?
133	Да (—) проговорит старый казак Илья Муромец,	
134	Илья Муромец, сын Иванович:	
135	— Дай-ко (— —) ты солнышко Владимир князь (стольне-киевской)	
136	Дай-ка ты мне (Дай нам) времени (и) поо́тдохнуть,	
137	Не на много не на мало на двенадцать дней.	
138	Поехали во палаты богатырскии,	Ср. 26
139	(Они съехали) Русскии могучии бога́тыри	
140	Ср. 68	От этого двора княженецкаго,
141	Ср. 33	От солнышка князя Владимира.
142	Ср. 278	Поехали ко полю да ко чистому,
143	—	Развернули шатры да белыи,
144	Насыпали (коням) пшёны белояровой,	

	I [Т. — М., № 10]	II [Гильф., II, № 21]
145	Коням да богатырскими	—
146	Они (Да вси кони) стоят (да) пшено/-ý едят.	
147	Приходит (Пришел ли тут) млад/-младой Ермак Тимофеев сын	
148	(А) Ко солнышку (ко) князю ко Владимиру	
149	Ср. 58	Да на широк двор на почестен пир,
150	См. 102	Да он крест кладет по писаному,
151	Делает поклон да о клинов мост, (Ср. 86)	Поклон ведет по ученому. (См. 104)
152	См. 105	И на две, на три, на четыре стороны поклоняется:
153	Сам Владимиру слово выговаривает:	—
154	— Ты солнышко Владимир, князь стольно/-е-киевский/-ой!	
155	Ср. 171+173	Ты дай-ко мне прощеньицо,
156	Ср. 171+173	Дай-ко ты мне благословеньицо,
157	Спусти-тко меня (Да поехать) ко тем ли (— —; этым) та-/тотарам (ко) поганыим,	
158	—	Да на это ли на поле на чистое.
159	—	Надо нам там биться да ратиться, (=186)
160	См. 177, 187	Да стоять-ли то за стольный Киев град, (=187)
161	См. 188	За свое ли за родное отечество (=131)
162	См. 189	За ту ли веру христианскую. (=132)
163	Проговорил (тут) солнышко Владимир князь стольно-киевский (— —):	
164	Ср. 39, 154	Владимир князь стольно-киевской:
165	— Есть ты молод (Ай же ты молодой) Ермак Тимофеев/-вич сын (—),	
166	(Ты есть вьюнош) От роду тебе всего/ведь семнадцать лет,	
167	Где же у тебя да родный батюшка?	См. 179
168	Воспроговорил (Да проговорил ли) млад/ый Ермак Тимофеев сын:	
169	— Ушел-то мой родной батюшка	См. 183
170	Ко Ерману ко Сергию.	См. 183
171	Дай ты (— —) солнышко мне (—) Владимир князь,	
172	Ср. 39, 154	Владимир князь стольне-киевской,
173	Прощеньицо и благословеньицо:	Ср. 155+156
174	Поеду ко татарам ко поганыим;	Ср. 157
175	(Да ты) Даошь прощеньице — поеду.	
176	И/А не дашь благословеньице — поеду.	
177	Стоять за стольный град да Киев	См. 130, 160, 187
178	См. 165	— Ай же ты младый Ермак Тимофеев сын!
179	См. 167	Да где же твой родной батюшко?
180	Ср. 168	Поговорил младый Ермак Тимофеев сын:
181	Ср. 39, 154	— Солнышко Владимир князь,

<table>
<tr><th></th><th>I
[Т. — М., № 10]</th><th>II
[Гильф., II, № 21]</th></tr>
<tr><td>182</td><td>Ср. 39, 154</td><td>Владимир князь стольне-киевской!</td></tr>
<tr><td>183</td><td>См. 169+170</td><td>Мой-то родной батюшко ушел к Герману Сергию,</td></tr>
<tr><td>184</td><td>—</td><td>В старци ушел постригатися,</td></tr>
<tr><td>185</td><td>Ср. 208</td><td>А я поеду ко татарам ко поганыим,</td></tr>
<tr><td>186</td><td>—</td><td>Надо мне там биться-ратиться, (=159)</td></tr>
<tr><td>187</td><td colspan="2">(А) Стоять (-то) за стольный Киев град,</td></tr>
<tr><td>188</td><td colspan="2">За свое (ли) родное отечество,</td></tr>
<tr><td>189</td><td>За свою ль за ту веру христианскую.</td><td>См. 132, 162</td></tr>
<tr><td>190</td><td>Ср. 267</td><td>И поехал ли-то Ермак Тимофеевич,</td></tr>
<tr><td>191</td><td>Ср. 268</td><td>Садился да на коня богатырского,</td></tr>
<tr><td>192</td><td>—</td><td>А со этыма поспехамы богатырскима,</td></tr>
<tr><td>193</td><td>См. 270, 285</td><td>И плёточкой-то коня понуживаёт,</td></tr>
<tr><td>194</td><td>См. 271, 286</td><td>И палицей булатною поигрывает,</td></tr>
<tr><td>195</td><td>—</td><td>А палицу булатную выкидывает, (=287)</td></tr>
<tr><td>196</td><td>—</td><td>А палица булатная сорока пудов, (=289)</td></tr>
<tr><td>197</td><td>—</td><td>А палицу выкидывает под облаки. (=288)</td></tr>
<tr><td>198</td><td colspan="2">Приезжает (Он выехал) млад/-ый Ермак Тимофеев сын,</td></tr>
<tr><td>199</td><td>—</td><td>Ко этим шатрам ко белыим,</td></tr>
<tr><td>200</td><td>Ко этим ко русскиим бога́тырям,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>201</td><td>Во палатки богатырскии.</td><td>Ср. 26, 69</td></tr>
<tr><td>202</td><td>Вси кони стоят и вси пшено едят.</td><td>См. 146</td></tr>
<tr><td>203</td><td>Вси пшено едят да белоярово.</td><td>См. 249</td></tr>
<tr><td>204</td><td>И спят русскии могучии бога́тыри.</td><td>Ср. 23</td></tr>
<tr><td>205</td><td>Проговорит млад Ермак Тимофеев сын:</td><td>Ср. 168, 180</td></tr>
<tr><td>206</td><td>— Ай же ты старый казак Илья Муромец,</td><td>Ср. 129, 133</td></tr>
<tr><td>207</td><td>Илья Муромец, сын Иванович!</td><td>См. 134</td></tr>
<tr><td>208</td><td>И не честь спать русскиим могучиим бога́тырям,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>209</td><td>Надо ехать ко тым татарам ко поганыим.</td><td>Ср. 185</td></tr>
<tr><td>210</td><td colspan="2">Проговорит старой казак Илья Муромец,</td></tr>
<tr><td>211</td><td colspan="2">Илья Муромец, сын Иванович:</td></tr>
<tr><td>212</td><td colspan="2">— Ай же ты (— Ты выстань-ко) млад/-дый Ермак Тимофеев сын,</td></tr>
<tr><td>213</td><td>Есть ты юноша младый,</td><td>Ср. 165</td></tr>
<tr><td>214</td><td>От роду тебе семнадцать лет;</td><td>Ср. 166</td></tr>
<tr><td>215</td><td>И выстань-ко ты во | широк дуб,</td><td>Во дуб тот выстань во широкой</td></tr>
<tr><td>216</td><td>И посмотри-тко на татар да на поганых,</td><td>И посмотри ты на поле на чистоё,</td></tr>
</table>

	I [Т. — М., № 10]	II [Гильф., II, № 21]
217	Ср. 218	Много ль нагнано у Калина у собаки у поганыя,
218	Много ль нагнано та-/	тотар (да) поганыих?
219	—	И много множество у Калина у собаки у поганыя,
220	См. 46, 71. Ср. 119	А приехал-то Калин собака да поганая;
221	См. 47, 72, 120	Ко той ко реке ко Смородине,
222	См. 49, 74, 122	Ко тому ли дубу ко широку,
223	См. 48, 73, 121	Ко тому ли каменю к Олатырю,
224	См. 51 (Ср. 76), 124	И привел сорок царей, сорок царевичей,
225	См. 50, 75, 123	И сорок королей королевичей;
226	Ср. 52, 77. Ср. 125	У царей силы по целой есть по тысяще,
227	Ср. 53, 78, 126	А у королей по десяти тысяч.
228	См. 47, 72, 120	Ко той-ли-то реки-то Смородине,
229	См. 48, 73, 121	Ко тому ли каменю к Олатырю,
230	Опустился/Выстал млад	Ермак Тимофеев сын,
231	С этого дуба с ши́рока,	Во дуб ли он во широ́кой,
232	См. 257, 260	Посмотрел-то он во трубку во подзорнюю,
233	Прого́ворит стару казаку Илье Муромцу,	Ср. 99
234	Илье Муромцу, сыну Ивановичу:	Ср. 100
235	— Только нагнано татар поганых —	Как нагнано у Калина у собаки у поганоя,
236	См. 47, 72, 120	Да ко той ли реки ко Смородине
237	(Ведь) Серому(-то) волку	в день (-то) не о́скакать;
238	И (—) черному ворону в	день не о́блетать.
239	См. 230	Он вышел млад Ермак Тимофеев сын
240	См. 231	Со этого со дуба со ши́рока, (=281)
241	—	Да на этую на матерь на сырую землю,
242	См. 60	Прогово́рит русскиим могучиим богатырям:
243	См. 245	— Русскии вы могучии богатыри,
244	—	Ай же вы поляницы да удалыи!
245	И не честь русскиим могучиим бога́тырям,	Не честь е вам — коням богатырскиим
246	Надо ехать ко татарам ко поганыим.	—
247	—	Во шатрах да белоду́бовых
248	См. 203	А есть-то им пшёну белоярову,
249	И поехал (Как садился) млад/-	дый Ермак Тимофеев сын,
250	Ср. 268	На этого коня да богатырского,

<table>
<tr><th></th><th>I
[Т. — М., № 10]</th><th>II
[Гильф., II, № 21]</th></tr>
<tr><td>251</td><td colspan="2">На этое (Поехал ли на это ли) на поле (да) на чистое,</td></tr>
<tr><td>252</td><td colspan="2">Ко этыим (ли) татарам ко поганыим,</td></tr>
<tr><td>253</td><td colspan="2">(И) Выстал ли старый/-ой казак Илья Муромец,</td></tr>
<tr><td>254</td><td colspan="2">Илья Муромец сын Иванович.</td></tr>
<tr><td>255</td><td>От этого от сна да богатырскаго:</td><td>—</td></tr>
<tr><td>256</td><td colspan="2">И выстал он да во (И выстал ли в тот) ши́рок дуб,</td></tr>
<tr><td>257</td><td>И посмотрел да ко той реки да ко Смородиной,</td><td>См. 221, 228, 296</td></tr>
<tr><td>258</td><td>И ко тому ль ко каменю ко Латырю,</td><td>См. 223, 229, 298</td></tr>
<tr><td>259</td><td>Ко тому ль дубу да ко ши́року;</td><td>См. 222, 297</td></tr>
<tr><td>260</td><td>Посмотрел-то во трубу подзорную</td><td>См. 232, 262</td></tr>
<tr><td>261</td><td>На поле на чистое.</td><td>Посмотрел ли он на поле на чистое,</td></tr>
<tr><td>262</td><td>См. 260</td><td>Посмотрел во трубу подзорнюю.</td></tr>
<tr><td>263</td><td>И только нагнано татар поганых —</td><td>См. 266, ср. 235</td></tr>
<tr><td>264</td><td colspan="2">И серому (Как ведь серому-то) волку в день(-то) не о́скакать,</td></tr>
<tr><td>265</td><td colspan="2">(И) Черному ворону в день не о́блетать;</td></tr>
<tr><td>266</td><td>См. 263, 235</td><td>Только нагнано татар поганых.</td></tr>
<tr><td>267</td><td>И млад Ермак Тимофеев сын</td><td>Ср. 180</td></tr>
<tr><td>268</td><td>И ездит на том ли коне на богатырскоем</td><td>Ср. 191, 250</td></tr>
<tr><td>269</td><td>По этому-то полю по чистому,</td><td>Ср. 290</td></tr>
<tr><td>270</td><td>И плеточкой-то коня богатырского понуживает,</td><td>См. 193</td></tr>
<tr><td>271</td><td>И палицей булатной поигрывает.</td><td>См. 194</td></tr>
<tr><td>272</td><td>И во поли чистом млад Ермак Тимофеев сын,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>273</td><td>Как на́ море волна да колеблется,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>274</td><td>Рубит татар да поганых.</td><td>—</td></tr>
<tr><td>275</td><td>Разгорелось у старого казака Ильи Муромца сердце богатырское:</td><td>См. 303</td></tr>
<tr><td>276</td><td>— Воротитесь, русскии могучии бога́тыри!</td><td>—</td></tr>
<tr><td>277</td><td>Воротитесь во стольный град [во Киев!</td><td>—</td></tr>
<tr><td>278</td><td>Поеду един во поле во чистое.</td><td>Ср. 142, 158</td></tr>
<tr><td>279</td><td>Ср. 253</td><td>И опустился старо́й Илья Муромец,</td></tr>
<tr><td>280</td><td>См. 254</td><td>Илья Муромец сын Иванович.</td></tr>
<tr><td>281</td><td>См. 231</td><td>А со этого со ду́бу да й со ши́рока (=240)</td></tr>
<tr><td>282</td><td>—</td><td>И на этую на матерь на сырую землю, (=241)</td></tr>
<tr><td>283</td><td colspan="2">(А как) Садился на коня богатырскаго.</td></tr>
<tr><td>284</td><td>Старый казак Илья Муромец, сын Иванович</td><td>Ср. 279—280</td></tr>
<tr><td>285</td><td colspan="2">(И) Плеточкой(-то) коня богатырскаго (—) попуживает</td></tr>
<tr><td>286</td><td colspan="2">(И) Палицей булатной/-ою поигрывает;</td></tr>
</table>

Таблица 1 (окончание)

	I [Т. — М., № 10]	II [Гильф., II, № 21]
287	—	Палицу булатнюю выкидывает, (=195)
288	—	Он палицу булатнюю под óблака, (=197)
289	—	А палица весу сорока пудов. (=196)
290	Приехал ко татарам ко поганыим на поле на чистое	Он выехал во поле во чистое,
291	Ср. 290	А ко этыим тотарам ко поганыим.
292	Стали (Начали они) рубить татар (да) поганыих	
293	Со этым со младым Ермаком Тимофеевичем;	Да со младым Ермаком Тимофеевым сыном
294	И (—) прирубили (они всех) татар да поганыих	
295	На этом/этоем на поле/и (да) на чистоем	
296	Ср. 47, 72, 120, 257	У этой у реки у Смородины,
297	Ср. 49, 122, 259	У того ли дуба у ши́рока,
298	Ср. 48, 73, 121, 258	У того ль у камени у Алатыря;
299	Прирубили мы/они всех татар поганыих	
300	Со младым Ермаком Тимофеевичем,	—
301	По родительскому прощеньицу,	—
302	По божьему благословеньицу.	—
303	Ср. 275	Разгорелися сердца богатырския,
304	—	Расходились жилы богатырскии.
305	—	А подумал ли старый казак Илья Муромец,
306	См. 134, 254 и др.	Илья Муромец сын Иванович:
307	—	Как была бы сила небесная,
308	—	Прирубили бы мы силу всю небесную;
309	—	И проговорил себи да таково слово:
310	—	— Как явилась бы тут сила небесная,
311	—	Прирубили бы мы силу всю небесную!
312	—	Розрубят татарина единого,
313	—	А сделается с едина два;
314	—	А розрубят и по двух татар за поганыих,
315	—	А сделается с двух да четыре.
316	Ср. 294, 299	Рубили тут всё татар да поганыих,
317	—	Да переселся-то старóй казак Илья Муромец,
318	См. 134, 254 и др.	Илья Муромец сын Иванович,
319	Ср. 246, 291 и др.	От этыих татар да от поганыих,
320	—	Ока́менел его конь да богатырской,
321	—	И сделалися мощи да святыи
322	Ср. 253	Да со стара казака Ильи Муромца,
323	См. 134, 254 и др.	Ильи Муромца сына Ивановича.

Таблица 2

БАЛТЯНОВА Цв. И. «МАРКО ОСВОБОЖДАВА ТРИ СИНДЖИРА РОБИ»

	I 1.XII 1977	II 27.IX 1979, 15 ч	III 27.IX 1979, 16 ч
1	Пости	Марко	великденски пости,
2	Не ги пости	как се пости	постат, (III: 2 раза)
3	На ги пости	три месеци	време, (II: 2 раза)
4	см. 7	см. 7	Че ще иде у света София,
5	Кон седляе Марко Кралевики/-е (II),		
6	ср. 7—8	Кон седляе у църква да иде,	ср. 145
7	Че ще Марко у София д'иде,	Че ще иде у Софи́я града,	см. 4
8	У София, у света Мария,		—
9	Там ще Марко пречес да си земе.		ср.27
10	Изпраща го (II: Воско стои; III: И до него) Елена невеста,		
11	Изпраща го и си Марко пита:	Пази пита Марко Кралевики:	ср. 12
12	ср. 11	ср. 11	Проговора Елена невеста:
13	—	— Леле Марко, леле първо либе,	ср. 14
14	—	ср. 13	—Ой те тебе, Марко Кралевики,
15	— Да ти сложа сабя дамаскиня,	см. 17	Да ти сложа сабя дамаскина,
16	Да ти сложа тежка боздугана?		
17	см. 15	Да ти сложа сабя дипленица,	см. 15

18	—	Да ти сложа/тура пушка ман[л]ихера?	
19	Я Марко си на Елена дума:	ср. 20	ср. 20
20	ср. 19, 168	Проговара Марко Кралевики:	
21	—	— Леле вара (III: — Ой, те тебе) Елено невесто,	
22	Недей слага тежка боздугана (II—III: нищо оръжие),		
23	Недей слага сабя дамаскина,	ср. 17	ср. 15
24	Може некой на път да ме срешне,	Може нещо по друм да ме срещне,	Може нещо на път да се случи
25	Може нещо пакос да направа,	ср. 26, 176	ср. 26
26	ср. 25	Може нещо кърви да пролее	
27	Да не мога пречес да си земе.		
28	Умна била Елена невеста,		
29	—	—	Сама се она досетила,
30	—	—	Марко има превърли душмане,
31	см. 24	ср. 24	Може някой на път да го срещне,
32	—	—	Може някой Марко да погуби.
33	Кришом му е сабята турила/сложила (III),		
34	Сабя тури/сложи (II—III) Шарко у гриváта,		
35	Я/А (II—III) боздуган у свилни дисаги,		
36	ср. 16	До него тежка боздугана	ср. 16
37	—	—	И до него пушка ман[л]ихера.
38	—	ср. 18	Кон възседна Марко Кралевики,

Таблица 2 (продолжение)

	I 1.XII 1977	II 27.IX 1979, 15 ч.	III 27.IX 1979, 16 ч
39	Пойде Марко през поле широко,	Тръгна (III: Па се мина) през Софийско поле,	
40		Та настана у/през (III) гора зелена.	
41	—	Гора е рано посъхнала,	А гора е шума изсъхнала,
42	—	Посъхнала гора, повехнала.	—
43	—	Марко пита гората/-ица зелена:	
44	—	— Ой, горице (Ой, те тебе), горо ле зелена,	
45	—	Що си горо рано повехнала,	То какво си, горо, пове(х)нала,
46	—	Да ли те слана осланила,	
47	—	Или те пожар опожарил?	
48	—	А гора си на Марко говори:	Проговара горица зелена
49	—	— Леле варай (Ой, те тебе), Марко Кралевики,	
50	—	Нито ме слана осланила,	
51	—	Нито ме пожар опожарил,	
52	Там си стигна три синджира робе:	Сега мина (Э миная) три синджира робе,	
53	см. 189	Че ги кара за цар харапин	Че ги кара църна харапина.
54	—	Като плачат младите девойки,	ср. 61—62
55	—	Та на гора шумата пове(х)нала	ср. 62—63
56		Първи синджир се млади девойки,	
57		Втори синджир се млади ергене/невести (II).	

58	Трети синджир се млади невести/ергене (II).		
59	Се са робе боси разпасани,	—	—
60	По два дена леп не са ручáли.	—	—
61	—	ср. 54	Като плача тая млада челя(д)
62	—	ср. 55	От сълзи ми гора пове(х)нала,
63	—	ср. 55	От сълзи ми шума опаднала.
64	Жал му паднá Марко Кралевики,	ср. 186	Жал му падна на Марко Кралевике,
65	Робе кара църнá арапи́на,	ср. 53	ср. 53
66	А Марко си на арапин дума:	—	ср. 100
67	— Ой, те тебе, църнá арапи́но,	см. 101	см. 101
68	Я си пущи три синджира робе!	см. 68	см. 104
69	— Мълчи, мълчи, ти свиньо дебела,	см. 106	см. 106
70	И за тебе празнá халка имам!	см. 107	см. 107
71	Ще те вържа пред робе да одиш,	см. 108	см. 108
72	Да ги водиш като овен óвци.	см. 109	см. 109
73	Разсърди се Марко Кралевики,	см. 110	см. 110
74	Па си Марко на Шарко говори:	ср. 75	Па на Шарко Марко проговара:
75	ср. 74	Проговара Марко Кралевики:	ср. 74

Таблица 2 (продолжение)

	I 1.XII 1977	II 27.IX 1979, 15 ч	III 27.IX 1979, 16 ч
76	— Бързай/Карай/Бегай, Шарко, напред да излезем		
77	Да фърляме дървье и каменье		
78	—	Да погубим/убием църна (х)арапина,	
79	Да отървем три синджира робе!		
80	Не съм земал тежка боздугана,	Че я не съм оръжие вземал	—
81	Не съм земал сабя дипленица.	ср. 17	—
82	Проговори коня Шарколия (II: Шарко, добра коня):		
83	— Ой, те тебе (II: — Леле варай), Марко Кралевике/-и (II—III),		
84	Я погледни у свилни дисаги,		см. 86
85	Че твоето либе е разумно,		Твоето е либе най-разумно,
86	см. 84	см. 84	Я погледни у свилни дисаги,
87	Да не ти (II—III: Да не ти е/я) сабята турило.		
88	Па си бръкна у свилни дисаги.	Та погледна Марко свилени дисаги.	Та погледна Марко Кралевике,
89	Та извади тежка боздугана,	см. 92	Като види тежка боздугана,
90	—	ср. 18	Като виде пушка ман[л]ихера,

91	ср. 94	Тамо (III : И си) виде сабя дамаскина,	
92	ср. 89	Тамо виде тежка боздугана.	см. 89
93	Гривá трасна коня Шарколия,	—	—
94	Та изпадна сабя дипленица.	ср. 91	ср. 91
95	Зарадва си Марко Кралевике,		—
96	—	Па замина три синджира роби	—
97	ср. 102	Па излезна на мегдан юнашки.	см. 115
98	—	—	Па излезна пред църна харапина
99	Та си Марко на арапин дума:	ср. 100	ср. 100
100	ср. 99, ст. 168	Проговора Марко Кралевики:	И на харапин Марко проговара:
101	— Ой, те тебе, църнá (х)арапѝно		— Ой, те тебе, [нрзб.] харапино,
102	Я излазай на мегдан юнашки!	ср. 97, 103	см. 115
103	ср. 102	— Хайде, ми(?) сили да опитъвем,	—
104	см. 68	Я да/си пущиш/-щи три синджира робе!	
105	—	Одговара църна ха-/арапина;	
106	см. 69	— Назад, назад (III: — Мълчи, мълчи), бре свиньо дебела/-о	
107	см. 70	И за тебе празна хълка има(м),	

Таблица 2 (продолжение)

	I 1.XII 1977	II 27.IX 1979, 15 ч	III 27.IX 1979, 16 ч
108	см. 71	Ще те вържа пред роби да (х)одиш,	
109	см. 72	Да ги водишкато овчар овци!	
110	см. 73	Разсърди се Марко Кралевике,	
111	см. 168	Проговара Марко Кралевики:	см. 168
112	см. 66	—	Па си Марко на харапин дума:
113	—	— Хайде, хайде, църна харапино,	—
114	—	Хайде, хайде свири да свегаме ве.	—
115	см. 102	ср. 97	— Я излаза и на мегдан юнашки,
116	—	ср. 103	Да видиме кой ще да победи.
117	—	Па излезна църна харапина,	ср. 118
118	ср. 123	—	Па зафърли църна харапина
119	см. 124	Па зафърли тежка боздугана.	
120	—	Шарко клекна бързе/-о на колена,	
121	—	Боздугана глава отмина,	ср. 122
122	—	ср. 121	И боздуган над Марко премина.
123		По зафърли Марко Кралевике,	

124		Па зафърли тежка боздугана.	
125		Та удари църна арапина,	
126		Удари го между двете очи,	
127	Та погуби църна арапина.	ср. 128	ср. 128
128	ср. 127	(И) Арапину глава отскокнала.	
129	—	Па си слезна Марко Кралевике	—
130	ср. 132	Та отвори три хезни со злато.	—
131	Па си зема Марко Кралевике,	—	Тога' (в)зема Марко Кралевики
132	Па си зема до три хазни злато,	ср. 130	—
133	Що караше църна арапина,	ср. 181	ср. 181
134	Та ги Марко на робе/-и раздели		Та раздели три хазни со злато,
135	—	ср. 138	На секи го по шепа жълтици
136		И на робе/-и (II—III) Марко проговара:	
137	— Сички роби дома да си идат,	—	ср. 140
138	ср. 194	— (В)земете си по шепа жълтици.	ср. 135
139	Да си купат лебец и опинци!	Купете си лебец за ядете!	— Купете си лебец и опинци
140	ср. 137	—	И си сички у дома отидете

Таблица 2 (продолжение)

	I 1.XII 1977	II 27.IX 1979, 15 ч	III 27.IX 1979, 16 ч
141	—	—	И казвайте, и си разказвайте,
142	—	—	И казвайте за Марко Кралевики!
143	ср. 5, 144	Па/Кон възседна Марко Кралевики,	
144	Па възседна коня Шарколия	Па възседна Шарко добра коня	ср. 38, 143
145	—	см. 6	Кон възседна, у църква отиде.
146	Та отиде у света София.		ср. 4
147	Попове са църква разпущи́ли,	Оно си е черква разпуснала,	—
148	Редом седат софи[й]ски кметове,		
149	Редом седат та си кафе пият.		
150	И със Марко шега си подбиват:	И с Марко си шега подиграват:	А они си шегата подбият:
151	— Е го, е го (II—III: Ей го, нашето/-а) луда българина,		
152	Сетил се е на пречес да доде,	—	—
153	Кога се е църква разпущила.	ср. 147	—
154	—	Сва нощ пие това руйно вино,	
155	—	Нема кога у църква да дойде,	
156	—	Нема кога пречес да си (в)земе.	

157	На Марко е жалба дожалела,	Жал му падна на Марко Кралевики	
158	—	Та обръща Шарко добра коня,	—
159	Кон препуща църкви обикаля,	Обикаля черквата света София	Кон препуща Марко църкви обикаля.
160	Излезнала стари ягумена	—	Согляда го стари ягумена
161	—	Редом се го калугери гледат,	—
162	—	Редом се си попович отиде.	—
163	Па на Марко ягумен продума:	ср. 175, 198	И на Марко ягумена дума:
164	— Ой, те [тебе, Марко Кралевике,	см. 83	— Ой те тебе, Марко Кралевике,
165	Кон препущаш у църква не влазиш,	— Защо, Марко, у църква не влезаш?	ср. 166, 167
166	ср. 165	ср. 165	— Защо, Марко, църква обикаляш,
167	Вле́зни, Марко, пречес да си земеш.	см. 200	Та не влезеш пречес да си (в)земеш?
168	Одговара/Проговара (II—III) Марко Кралевике/-и (II—III):		
169	Ой, те тебе, стари ягумене/-о (II—III)		
170	ср. 9	Я си идем пречес да си [в]земем,	ср. 27
171	ср. 173	Ама си съм гре[х]ове направил —	ср. 197
172	Я/Та не мога пречес да си зема,		см. 196
173	Големи съм греове направил —	ср. 171	см. 197

Таблица 2 (окончание)

	I 1.XII 1977	II 27.IX 1979, 15 ч	III 27.IX 1979, 16 ч
174	ср. 3	Аз съм постил (Я си постих) три месяци време.	
175	см. 198	Проговара стари ягумена:	см. 198
176	—	— Що си Марко пакос ще направил?	—
177	см. 168	Отговара Марко Кралевики:	см. 168
178	—	—	А [нрзб.] пойдох по тия друмища
179	—	— Като верве (И настанах) през гора зелена,	
180	см. 52	Там насти(г)на/настигнах три синджира робе,	
181	см. 189	Че ги кара църна арапина,	
182	см. 56	Първи синджир — се млади девойки,	см. 56
183	ср. 57	Втори синджир — се млади момчета	ср. 57
184	см. 58	Трети синджир — се млади невести,	см. 58
185	—	Като плачá — гората повехна.	ср. 61—62
186	ср. 64	Жал ми падна, стари ягумене,	ср. 64
187	Погубил съм (II: И погубих) църна ха-(II—III)арапина,		
188	Отървал съм три синджире робе.	см. 204	см. 204
189	Що караше църнá арапинá,	см. 181	см. 181

190	Що карашe до три хазни злато,	ср. 191	—
191	ср. 131—132, 190	И си вземах три хазни со злато	ср. 131
192	ср. 193	ср. 193	И разделих три хазни со злато,
193	Сичко злато на робе разделих,	Разделих ги на всичките роби.	Разделих ги на всеки на робите,
194	А за мене и жълтица не зех.	—	—
195	—	—	Та не мого(х) у църква да до(й)да,
196	см. 172	И сега не мога (И не могох) пречес да си зема	
197	ср. 173	ср. 171	Че са много грехове направил.
198		О говара (III: Проговара) стари ягумена:	
199	— Ой, те тебе, Марко Кралевике,	см. 83	см. 83, 164
200	см. 167	— Влизай, Марко, пречес да си (в)земеш,	
201	Ти не си ми (II: Ти не си се; III: Не си̏, Марко,) грехове направил,		
202	Нали си ми (II: А си Марко най-; III: Но си, Марко,) добро направил,		
203	Що погуби църна́ арапина,	ср. 187	Що си погубил църна харапина,
204	Що (II: Че си; III: И си) отърва/-вал (II—III) три синджира робе/-и (II)		
205	Та си Марко у църква улезна,	ср. 165	ср. 167
206	Та си зема свето пречестие.	ср. 170	ср. 167

Таблица 3

КОНСТАНТИН М. (1912—1970), с. Деса, у. Долж (СРР) «ЙОВАН ЙОРГОВАН»

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg, 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
1		I : *Hăii*; II : *î*) Verde de-o mălură, (I : *Хэй*; II : и) [Злак] зеленый в головне,	
2		Pe-ăl (III : Pe'l) vîrf (III : vrîf) de măgură На той вершине кургана	
3		De trei zile-m' cură Третий день льет [дождь]	
4		Ploaie şi cu bură Дождит и моросит	
5		Şi nu să răzbună. (I, III : bis) И [небо] не проясняется	
6	Ср. 4	Ср. 4	Ploaie şi cu ceaţă, Дождь и туман,
7	См. 40	Joi, de dimineaţă, В четверг по утру,	
8	См. 41	—	Pe roo, pe ceaţă, При росе, при тумане,
9	Ieri că s'a sculatî, Вчера проснулся,	—	—
10	Ca un blestematî, Будто проклятый [кем-то],	—	—
11	Ср. 79	Ср. 79	Iel că mi-şi pleca, *măi*, Он выехал, *мэй*,

12	—	См. 38	Şi că-ntuneca, *măi*, И затемно, встал, *мэй*
13	—	См. 39	Şi că-m mîneca, *măi*, И отправился, *мэй*
14	См. 42	Cu ceaţa-n spinare, Спина в тумане,	—
15	См. 43	Cu roua-n picioare, Ноги в росе,	—
16	См. 45, 289	Cu vijla nainte, Собака впереди,	
17	См. 46, 290	См. 46, 289	Mul' merge de frunte, Далеко обгоняет,
18	См. 50	Merge de minune. Едет-удивляет.	—
19		Şî (II : *î*; III: *î-ne-ne*,) Iovan Iorgovanî, (III: *da*), И (II : *Ы*; III : *Ы-не-не*,) Йован Йоргованы, (III: *да*)	
20		Fecior de mocanî Сын мокана	
21		Şi de moţîlcan (III: moţîlcanî), И сын моцылкана,	
22		Şi de molivdău, И великана,	
23		Fost-ai viteaz rău, Неуемный был витязь,	
24		Bată-l dnmnezău/-eu! (II—III: bis) Побей его бог!	
25		Iel c-a auzîtî, Он прослышал,	См. 68

Таблица 3 (продолжение)

<table>
<tr><th></th><th>I
22.II.1951
[Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg, 25a]</th><th>II
13.II.1961
[AF ICED, Mg. 180/a]</th><th>III
24.X.1968
[E. Cinem. 1690/1972]</th></tr>
<tr><td>26</td><td colspan="2">Munte ocolitî,
Гора обвита</td><td>См. 69</td></tr>
<tr><td>27</td><td colspan="2">Şarpe-ncolăcitî.
Свернувшимся змеем</td><td>См. 70</td></tr>
<tr><td>28</td><td colspan="2">De-o hală de şarpe.
Чудище змей,</td><td>См. 71</td></tr>
<tr><td>29</td><td colspan="2">Scoate cap la ţară,
Потянувшись в страну,</td><td>См. 72, 225</td></tr>
<tr><td>30</td><td colspan="2">De-ş'ia o văcş(i)oară,
Хватает коровенку,</td><td>См. 73, 226</td></tr>
<tr><td>31</td><td colspan="2">Iar o vacă grasă
Корову откормленную</td><td>См. 74, 227</td></tr>
<tr><td>32</td><td colspan="2">Şi o fată frumoasă (II: bis);
И девушку красивую.</td><td>См. 75, 228</td></tr>
<tr><td>33</td><td>Cinează-ntr-o seară,
Пожирает за вечер,</td><td>См. 35, 230</td><td>См. 77, 230</td></tr>
<tr><td>34</td><td colspan="2">(II: (C)î, nene) 'N vînează-ntr-o vară,
(II: Ы, нене) Охотится лето.</td><td>См. 76, 231</td></tr>
<tr><td>35</td><td>См. 33</td><td>'Ncinează-ntr-o seară.
Пожирает за вечер.</td><td>См, 77, 230</td></tr>
<tr><td>36</td><td colspan="2">Lucrul de mirare! (I: bis)
Дивное дело!</td><td>См. 78, 232</td></tr>
<tr><td>37</td><td>Iovan ce-m făcea?
Йован что сделал?</td><td>—</td><td>—</td></tr>
</table>

38	—	Iel că-ntuneca Он затемно встал	См. 12
39	—	Şi mi-şi mîneca. И отправился.	См. 13
40	Joi de dimineaţă, В четверг поутру.	См. 7	См. 7
41	Pe roo, pe ceaţă, При росе, при тумане.	—	См. 8
42	Cu ceaţa-n spinare, Спина в тумане,	См. 14	—
43	Cu roua-n picioare, Ноги в росе.	См. 15	—
44	Lucru de mirare. . . (Bis) Дивное дело. . .	Ср. 36	Ср. 78
45		Cu vijla nainte, Собака впереди,	См. 16, 289
46		Mul' mergea de frunte; bis) Далеко обгоняла;	См. 17, 290
47		Ogarii-n provaz, Гончие на поводе,	—
48		Merge de mirazî. Едет — удивляет.	—
49		Şoimeii pe mînă, Соколята на руке,	—
50		Merge de minune! (bis) Едет — поражает!	—
51	Ср. 167	î, Verde viorea, *măi*, *Ы*, [Лист] зеленый фиалки, *мэй*,	См. 83

Таблица 3 (продолжение)

	I		II
	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg. 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
52	—	Iel că mi-ş pleca. Он отправился в [путь]	См. 168
53		Căluşelu lui, Конек его —	
54		Puiu leul̓ui, Детеныш льва	
55		Şe(I—II)-/şăuliţa lui, Седлышко его —	
56		Ţasta zmeului; Череп змея;	
57		Frîuleţu lui, Уздечка его —	
58		Doi (III : Duoi) b̓ălăurei Два змееныша;	
59		De gură -ncleştaţî, Зубами сцепились,	
60		De coade 'nodaţ*î*/-ţ (II), Хвостами связаны,	
61		După/Dupe// Depe oblînc dat*î*/-ţ (II). На/За луку брошены.	
62	Ср. 83	*î nene*, Verde viorea, *Ы*, *нене*, Лист зеленый фиалки,	Ср. 83
63	—	Iel că mi-ş mergea. Он себе ехал	—

64		Ş-apăi să gîndea. И думал.	
65	Chingulița lui, Подпружечка его —		—
66	Doo năpîrcele, Два змееныша,		—
67	'Mpletite de ielî . . . (I : bis) Сплетенные им . . .		—
68	См. 25	См. 25	*î nene*, Iel c-a auzîtî *Ы*, *нене*, Он прослышал:
69	См. 26	См. 26	Munte ocolitî, Гора обвита
70	См. 27	См. 27	Şarpe-ncolăcitî, *mă* Змеем свернувшимся, *мэй*.
71	См. 28	См. 28	De-o hală de şarpe, (bis) Чудище змей,
72	См. 29, Ср. 225	См. 29, Ср. 225	Scoate cap la țară Потянувшись в страну,
73	См. 30, 226	См.'30, 226	De-ş' ia o văc'şoară, Коровенку хватает,
74	См. 31, 227	См. 31, 227	Iar o vacă grasă Корову откормленную
75	См. 32, 228	См. 32, 228	Ş-o fată frumoasă. (bis) И девушку красивую.
76	См. 34, 229	См. 34, 229	*ne-ne*, 'Nvînează-ntr-o vară, Не-не, Охотится лето,
77	См. 33, 230	См. 35, 230	'Ncinează-ntr-o sară, Пожирает за вечер,

Таблица 3 (продолжение)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED. Mg. 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
78	См. 36, 232	См. 36, 232	Lucru de mirare! *măi*, Дивное дело! *мэй*,
79	Iel că mi s-au dus Он отправился	Iel, frate-m suia, *măi*, Он, брат поднялся, *мэй*	Iel ca miş' pleca, *măi*, Он поехал, *мэй*,
80		Sus, pe Cerna-n susî/sus (III) Вверх, по Черне, вверх.	
81	—	Mulţ' voini' s-au dusî/dus, Много войников ушло,	
82	—	Pe toţ'/ţî i-au răpusî. Все погублены [змеем].	
83	Ср. 167, 254	(III: *ă nene*), Verde (-o) viorea, Э, *нене* [Лист] зеленый фиалки,	
84	*'ce* Iel cînd a ajunsî, *че*, Он когда доехал,	—	Iel cînd ajungea, *măi*, Он когда доехал, *мэй*
85	Verde mărgăritî, Лист зеленый ландыша,	—	—
86	Cu Cern'a vorbit: Черне сказал:	Ср. 110	Cu Cerna-m'vorbea: Черне — говорил:
87	— Cerno, Cernişoară, — Черна, Чернишоара,	См. 111	Cerno, Cernişoară, — Черна, Чернишоара,
88	De ieji vorbitoare, Если говорит умеешь,	См. 112	De-m' iej'vorbitoare, Если говорить умеешь,
89	Cum ieş'i urlătoare, Как умеешь реветь,—	См. 113	Cum eş' sunătoare, Как умеешь шуметь, —

90	Te prind sirioară; Признаю тебя сестрицей;	См. 114	Te prin' sirioară! (bis) Признаю тебя сестрицей!
91	Lasă-ţi ucetu (?) Уйми свой бег (?)	См. 117	—
92	Şi tot mugetu, И весь рев,	См. 116	—
93	Să-ţ' sece vadu, Пусть брод обнажится.	См. 118	—
94	Să văd pietrişu, Пусть увижу я щебень,	См. 119	—
95	Să trecî/-ec cu murgu! (bis) Пусть перееду с гнедым!	См. 120	—
96		(III : *n-nene*) Cerna-i (II : Cerna că-i) răspundea (II : spunea): (III : *н-нене*) Черна ему отвечала (II: говорила):	
97		Iovane, Iovane, Йован, Йован,	
98		Frate Iorgovane, Брат Йоргован . . .	
99	См. 88	См. 117	De iej' vorbitoare, Если говорить умеешь.
100	См. 89	См. 113	Cum eş'i urlătoare, Как умеешь реветь,
101	См. 90	См. 114	Te prind sirioară. Признаю тебя сестрицей.
102	См. 97, 122	—Iovane, Iovane, — Йован, Йован,	См. 97,
103	См. 97, 123	Frate Iorgovane, Брат Йоргован,	См. 98

Таблица 3 (продолжение)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg. 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
104	Ср. 21	Şi, zău, moţîlcane, И, ей-богу, моцылкан,	Ср. 21
105	См. 20	Ficior de mocanî Сын мокана	См. 20
106	См. 21	Şi de moţîlcan И моцылкана,	См. 21
107	См. 22	Şi de molivdău, И великана,	См. 22
108	См. 23	Fost-ai viteaz rău, Неуемный был витязь,	См. 23
109	См. 24	Bată-l dumnezău! Побей его бог!	См. 24
110	См. 86	î *nene*, Iel că-i răspundea: Ы, *нене*, Он ей отвечал:	Ср. 86
111	См. 87	— Cerno, Cernişoară, — Черна, Чернишоара,	См. 87
112	См. 88	De ieji vorbitoare, Если говорить умеешь,	См. 88
113	См. 89	Cum ieş'i urlătoare, Как умеешь реветь,	Ср. 89
114	См. 90	Te prind sirioară; Признаю тебя сестрицей:	См. 90
115	Ср. 91	î, Lasă-ţi urletu Ы, Прерви свой рев	—

116	См. 92	Şi tot mugetu, *măi*, И весь вой, мэй	—
117	Ср. 91	Şi tot ucetu, И весь бег	—
118	См. 93	Să-ţ' sece vadu, Пусть брод обнажится,	—
119	См. 94	Să văd pietrişu, Пусть увижу я щебень,	—
120	См. 95	Să trecî cu murgu. (bis) Пусть перееду с гнедым.	—
121		Cerna-i răspundea: Черна ему отвечала:	Ср. 96
122		— Iovane, Iovane, — Йован, Иован,	Ср. 97
123		Frate Iorgovane, Брат Йоргован,	Ср. 98
124		Prea ai cutezat/-*î* Очень ты смелый	Стр. 262
125		Cu min'de-ai vorbit*î*/-t Со мной говорить.	—
126	—	Cîţ' voini's-a dus, Сколько войников ушло,	См. 81
127	—	Pe toţ' i-am răpusî Всех я губила.	См. 82
128	—	Mugetu-oi lăsa, *măi* Рев я прерву, *мэй*	—
129		(I: *nene*,) Vadu mne-oa (II, III: mi-o) săca, (I: *нене*,) Брод мой обнажится,	

Таблица 3 (продолжение)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg. 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
130		Pietrişu-oi (III : oai) vedea, Щебень ты увидишь,	
131	Cu murgu-oi trecea, С гнедым переедешь,	—	Cu murgu-oi trecea, С гнедым переедешь,
132	Tu mne-oi aducea Ты мне принесешь	Dar tu să-mi aduci Но ты мне принеси	—
133	Ср. 135	См. 135	În mine s-arun' В мои воды брось
134		Cigă şi postrungă (III: puostrungă), Стерлядь и севрюгу,	
135	În mine s-aduci/s-arunci, В мои воды принеси/брось.		См. 133
136		Ieu să mă prăsăsc/-cî (II, III), Чтобы во мне плодились,	
137		C-alelalte bălţî C'ale [нрзб.] Как в других водах. Как [нрзб.]	
138	—	î, Verde viorea, *Ы*, [Лист] зеленый фиалки,	См. 83
139		Iovan (II, III: Iel cînd) de-auza (III: auza), (II, III: *măi*), Йован (II, III: Он как) услышал (II, III: *мэй*),	
140		'Napoi (III: 'Napuoi) se/să (II; III)-ntorcea, (II, III: *măi*), Обратно вернулся (II, III: *мэй*),	(III: bis)
141		Cigă c-aducea, (III: *măi*), Стерлядь принес, (III: *мэй*),	

142	См. 134	Cigă şi postrungă, Стерлядь и севрюгу,	
143		În ea c-arunca, В ее воды бросил,	
144		Ia că să prăsa (II—III : *măi*), (III: bis) Стала рыба в ней плодиться, (II—III: *мэй*)	
145		Vadu că-i săca, Черна брод обнажила,	
146		Pietri/şu-l/-şu(III) vedea, (II: *măi*), Он щебень увидел, (II: мэй),	
147	—	Cu murgu-m' trecea. С гнедым переехал.	
148		Unde să ducea? Куда он поехал?	
149		În tîrg, în Sibiu, В город, в Сибиу,	
150		Îşi (De-şi; De-j') lua (III: loa) paloş/-z (III) demischiu (III: *mă*), (III: bis) Купил себе палаш демискийский , *мэ*.	
151	—	*î*, Verde micşonea, *Ы*, [Лист] зеленый фиалки,	—
152		'Napoi să-ntorcea, Обратно вернулся,	—
153		'N munte l-încerca, О скалу попробовал —	—
154		Paloş se frîngea. Палаш сломался.	—

Таблица 3 (продолжение)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg. 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
155	'Ndărăt/'Napoi să-ntorcea, Обратно вернулся,		—
156	—	Mergea ce mergea, Ехал-ехал	—
157	La maistori tomnea, У мастеров побывал	Ср. 158	—
158	Ср. 157	La ţîgani mergea, К цыганам поехал,	—
159	Paloş (De mi-l) repăra. Палаш (Ему его) починили.		—
160	'Nainte mergea, Вперед поехал.	—	—
161	—	'Napoi să-ntorcea, *măi*, Обратно вернулся, *мэй*	—
162	Frică că n-avea! Страха не знал!	Ср. 166	—
163	'N munte-l încerca, О гору попробовал,		—
164	Paloş/Munte reteza, [Палаш] Гору сносил,		—
165	Muntele-l tăia, (Bis) Гору рубил	Ср. 164	—
166	Ср. 162	Coraj că-mi avea. Смелости набрался.	—

<table>
<tr><td>167</td><td>Verde viorea,
[Лист] зеленый фиалки,</td><td>Ср. 51</td><td>Verde viorea, măi,
[Лист] зеленый фиалки, мэй</td></tr>
<tr><td>168</td><td>—</td><td>См. 52</td><td>Iel că mi-ş' pleca, măi,
Он себе поехал, мэй</td></tr>
<tr><td>169</td><td colspan="2">'Nainte mergea, (I: măi)
Вперед ехал, (I: мэй),</td><td>—</td></tr>
<tr><td>170</td><td colspan="3">La şarpe-ajungea (III: -m'pleca),
К змею добрался (III: поехал),</td></tr>
<tr><td>171</td><td colspan="2">La gaură sta,
У дыры стоял,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>172</td><td colspan="3">Iel că mi-l (II, III: Pe şarpe-l) pîndea.
Он его (II, III: Змея) подстерегал.</td></tr>
<tr><td>173</td><td>Şarpele-l simţa
Змей его почуял,</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>174</td><td>Verde micşonea
[Лист] зеленый фиалки,</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>175</td><td>Trei zile că-m' sta,
Три дня прятался</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>176</td><td colspan="3">Trei zile de vară,
Три дня летних,</td></tr>
<tr><td>177</td><td colspan="3">Trei de primăvară
Три дня весенних,</td></tr>
<tr><td>178</td><td colspan="3">Car'cu zi, cu noapte,
Вместе с ночами</td></tr>
<tr><td>179</td><td colspan="3">Car'fac doospre'ce,
Будет двенадцать,</td></tr>
<tr><td>180</td><td colspan="2">Pe Iovan (Pe şerpe) să-l sece. . .
Чтоб Йован/змей обессилел,</td><td>—</td></tr>
</table>

Таблица 3 (продолжение)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg. 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
181	См. 222, 234	Șarpe ce făcea? *măi,* Змей что делал? *мэй*	См. 222
182	См. 223	Foamea că-l răzbea, *măi,* Голод его одолел, *мэй*	См. 223
183	—	Coraj ca n-avea, *măi* Смелости не было, *мэй,*	—
184	Ср. 222, 235	Afar' că ieșa, Вылез наружу,	См. 235
185	—	Acolo că sta. Там оставался.	—
186		Soru-sa-m'(—) venea, Сестра его пришла,	—
187		La spate-m' (La Iovan) striga: Из-за спины (Йовану) кричала:	—
188		—Iovane, Iovane, Йован, Йован	—
189		Și, zău, moțîlcane, И, ей-богу, моцылкан,	Ср. 21
190		Ficior de mocan Сын мокана	См. 20
191		Și de moțîlcan, Й моцылкана,	Ср. 21
192		Și de molifdău, И великана.	См. 22

193		Fost-ai viteaz rău, Был ты неуемным витязем,	См. 23
194		Băta-l dumnezău! (bis) Побей его бог!	См. 24
195		*neică* (*î*, *nene*), Leagă şoimeii/-ţ'ogarii, *нейкэ* (*ы*, *нене*), Привяжи соколят/гончих,	—
196	См. 195	*vere*, Leagă şoimeii, *вере*, Привяжи соколят,	—
197	Frate, ogarii, Привяжи, брат гончих.	Ср. 195	—
198		Ogarii mă muşcă, Гончие меня кусают,	—
199		Şoimeii mă pişcă, Соколята меня клюют,	—
200		Feţî(i)şoara-m' strică! Личико мне уродуют!	—
201		Iovan nu răspunde, Йован не отвечает,	—
202		Ca n-are de unde; Ему не до того;	—
203		Şi că auza, Хотя и слышал,	—
204		Da nu răspundea (bis) Но не отвечал.	—
205		Soru-sa-n' grăia, Сестра его говорила,	—
206		Ea mi-l (Şi-apoi-l) blestema: Она его (И затем) проклинала:	—

Таблица 3 (продолжение)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg. 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
207		— Iovane, Iovane, — Йован, Йован,	—
208	Frate Iorgovane! Брат Йоргован!	—	—
209		La-'l mijloc de apă Посредине воды	См. 299, 301
210		Tu să te faci piatră, Сделайся камнем,	Ср. 302
211		Piatră năstămată Камнем драгоценным	См. 303
212		De-'l blestem de fată От проклятия девушки,	—
213		Că prea e curată! Совсем безгрешной!	—
214	—	De domnu lăsată! Господом оставленной!	—
215	—	*î*, Iovan de-auza, *ы*, Йован хоть слышал,	—
216		Sama ('N samă) nu-i lua, (II: *măi*), Не брал во внимание (II: *мэй*),	—
217	Nici că n-asculta. Даже не слушал.	—	—
218	Ср. 167, 254	Verde viorea, [Лист] зеленый фиалки,	См. 220

219	—	Viteaz să credea. Он считал себя витязем.	—
220	Ср. 167, 254	См. 218	Verde viorea, *măi*, [Лист] зеленый фиалки, *мэй*,
221	Ср. 172	См. 172	Pe şarpe-l pîndea, Он змея подстерегал.
222		Şarpe ce-m' (III; ce) făcea? (III: *măi*) Змей же что делал? (III: *мэй*)	
223		Foamea că-l răzbea, Голод его одолел.	
224	—	—	Peste iel' eşa (bis), *măi*, Вылез навстречу, *мэй*,
225		Scotea cap la ţară Потянулся в страну	
226		Să-şi ia o văcşoară, Схватить коровенку,	
227		Iar o vacă grasă (III: bis) Корову откормленную	
228		Şi-o (IIIà Ş-o) fată frumoasă И девушку красивую.	
229		'Nvînează -ntr-o vară, Охотится лето,	См. 76, 231
230		Cinează ntr-o seară, Пожирает за вечер,	
231	См. 229	См. 229	'Nvînează-ntr-o vară Охотится лето,
232		Lucru/-ul (II) de mirare! Дивное дело!	

Таблица 3 (продолжение)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg, 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
233	Verde micșonea, *măi*, [Лист] зеленый фиалки, *мэй*,	—	—
234	Șarpe ce-m făcea? Змей что делал?	Ср. 181	Ср. 228
235	Afară că-m' ieșa. Наружу он выползал.	См. 184	Șarpele-m ieșa, *măi* (bis) Змей выползал, *мэй*,
236		Iovan de-l/de (II) vedea, (II: *măi*), Йован как его увидал, (II: *мэй*),	
237		Pe cal că-m (III: că) sărea (III bis) (III: *măi*) На коня вскочил,	
238		După/-e (II, III) iel/el (III) să loa, (I: bis) За ним погнался.	
239		Șarpe(-le : II, III) că-m (— —) fugea, Змей уползал,	
240		Pe unde-m' (II, III: unde) fugea, Где он проползал,	
241	См. 243	Șanțuri șă făcea, Рвы оставались,	См. 243
242		Brazde c-(III: s-)arunca. Борозды пропахивал.	
243	Șanturi că-m făcea, (bis) Рвы оставлял.	См. 241	Șanțuri ca făcea . . . Рвы оставлял,
244	—	Lume-oa spăimînta! Мир устрашал!	—

245	См. 239	См. 239	*nene*, Şarpele fugea, *măi*, *нене*, Змей уползал, *мэй*
246	См. 240	См. 240	Pe unde-m' fugea, Где проползал,
247	См. 242	См. 242	Brazde c-arunca, Борозды вспахивал,
248	См. 241	См. 241	Şanturi cà fă[cea]. Рвы оставлял.
249		Iovan ce făcea? Йован что делал?	—
250		Depe cal sărea (II: *măi*) (II: Bis) С коня соскочил, *мэй*,	
251	Dupǎ iel sǎ Ioa, За ним погнался,	См. 238	См. 238
252		Cu paloşu da, Палашом ударил,	—
253		Capu-i reteza. (I: Bis) Голову ему срубил.	
254	Verde viorea, [Лист] зеленый фиалки,	—	—
255		Trupu-i rămînea, Тело осталось,	—
256		Capu că (II, III; că-i) scăpa, Голова его откатилась,	
257		'N gaură /-m'(I) intra. В нору она закатилась,	
258		De-acolo vorbea (III: *măi*) (II: Bis) Оттуда она говорила: (III: *мэй*),	

Таблица 3 (продолжение)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg, 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
259		— Iovane, Iovane, — Йован, Йован,	
260		Frate Iorgovane Брат Йоргован	
261		Şi zău, moţîlcane, И, ей-богу, моцылкан,	Ср. 21
262		Prea ai cutezatî/-at, (II) Слишком ты поспешил,	
263		Pe mini (III min') m-ai tăiatî (III: tăia) (I: Bis) Меня ты зарубил.	
264		*Bre'*, *ce* Rău am făcu' pe lumea-asta, *Бре*, *че* Много зла я причинил на этом свете,	
265		Dar mai rău pe-ailaltă: (I—II); Bis) Но еще больше причиню на том.	
266		Muşiţ-oai/-oi (II, III) lăsa, (II: *măi*). Мошкару я пущу,	
267		Muşiţă (III) din gură, Мошкару из пасти,	
268		Să viie pe lume. (III: Bis) Пусть налетит на землю.	
269		Vite otrăveşte, Скотину [она] отравляет,	
270	Ср. 269		Vite prăpădeşte, Скотину губит,

271			Lumea-m' sărăceşte! (I: Bis) Земля [от нее] нищает!"	
272			(II: î, *nene*) Iovan de-auza, (II: *ы*, *нене*) Йован услышал,	
273		Zî-/Zidari că tomnea, Мастеров позвал,		—
274	Zîduri că-m' zîdea, Стены возвел,		Ср. 278	—
275		Urloaie (-m') făcea, Устроил ходы,		—
276		'N mare le băga, В море их вывел,		—
277		Credea n-oa scăpa (II: *măi*). Думал — [не спасется] (II: *тэй*).		—
278	Ср. 274		Zîduri mari punea, Стены большие возвел,	—
279	См. 277		Credea n-oa scăpa. Думал — не спасется.	—
280	—		Trupu i-l lua, Тело его взял,	—
281	—		Cu gaz îl găzuia, Керосином облил,	—
282	—		Cenuşe-l [făcea. В пепел обратил.	—
283	Ş-acuma că-m' vine И ныне вылетает		—	—
284	Muşîţă din gură, Мошкара из пасти,		См. 267	См. 267

Таблица 3 (продолжение)

<table>
<tr><th></th><th>I
22.II.1951
[Амз. КБ, № 9, AF ICED, Mg, 25a]</th><th>II
13.II.1961
[AF ICED, Mg. 1804a]</th><th>III
24.X.1968
[E. Cinem. 1690/1972]</th></tr>
<tr><td>285</td><td>Muşîţă pe lume . . . (Bis)
Мошкара на землю . . .</td><td>Ср. 286</td><td>Ср. 268</td></tr>
<tr><td>286</td><td>Iovan 'căleca,
Йован сел на коня,</td><td>Ср. 286</td><td>[нрзб.] -ncăleca,
[. . .] сел на коня,</td></tr>
<tr><td>287</td><td>Ср. 285</td><td>Pe cal că sărea,
На коня вскочил,</td><td>Ср. 285</td></tr>
<tr><td>288</td><td></td><td>Ş-apăi/oi (III) că/că-m' (III) pleca
И затем он поехал</td><td></td></tr>
<tr><td>289</td><td colspan="2">Cu vijla nainte
С собакой впереди,</td><td>См. 16</td></tr>
<tr><td>290</td><td></td><td>Mul' mergea/-ge (II) de frunte
Далеко обгоняла/-яет (II)</td><td></td></tr>
<tr><td>291</td><td>См. 289</td><td>См. 16, 289</td><td>Cu vijla nainte,
С собакой впереди,</td></tr>
<tr><td>292</td><td colspan="2">Ogarii-n provazî,
Гончие на поводе</td><td>—</td></tr>
<tr><td>293</td><td colspan="2">Merge de mirazî.
Едет — удивляет.</td><td>—</td></tr>
<tr><td>294</td><td colspan="2">Şoimeii pe mînă,
Соколята на руке,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>295</td><td colspan="2">Merge de minune (II: Bis)
Едет — поражает.</td><td>—</td></tr>
<tr><td>296</td><td>—</td><td>hof, Verde de-o grenată,
[Лист] зеленый граната,</td><td>—</td></tr>
</table>

297	Iel nu să gîndea, Он не думал	—	—
298	Nu să socotea, Не ожидал,	—	—
299		La-'l mijloc de apă, Посредине воды	
300		Cum l-ajunsă 'ndată: Настигло проклятье вдруг:	
301	См. 209, 299	См. 209, 298	La'l mijloc de apă, Посредине воды
302		De să făcu piatră Он сделался камнем,	
303		Piatră năstămată, (III: Bis) Камнем драгоценным,	
304		De-'l blestem de fată, От проклятия девушки,	—
305	См. 213	Că prea e curată, Совсем безгрешной,	—
306	—	De domnu lăsată, Господом оставленной.	—
307		Ş-acu'/-um (II) să cunoaşte: И ныне заметны следы:	
308	Ghiară de ogarî Коготь гончей,	См. 310	Ghiară de ogar, Коготь гончей,
309		Copită de [calî, Копыто коня,	

Таблица 3 (окончание)

	I 22.II.1951 [Амз. КБ, № 9. AF ICED, Mg. 25a]	II 13.II.1961 [AF ICED, Mg. 1804a]	III 24.X.1968 [E. Cinem. 1690/1972]
310	См. 308	Ghiară de ogar, Коготь гончей	См. 308
311		Picioruș/-j (III) de omî/om (III) Ножка человека	
312	Și/-i (III) ghiară de șoimî/șoim (III) (I—II: Bis) И коготь сокола.		
313	—	—	Mă-nchinai cu cîntecu, Я кланяюсь песней,
314	—	—	Ca lupu cu urletu Как волк своим воем.
315	—	—	Vînătoru-l dobîndește, Охотник его добывает,
316	—	—	Pune pușca și-l trăznește, Поднимает ружье и стреляет.
317	—	—	Să mai bem f-un pa'r de vin, Выпьем еще по стакану вина,
318	—	—	/. . . . ./*
319	—	—	Să trăiz', băieț! . . . Будьте здоровы, ребята! . . .

* Дефект в фонограмме,

ПЕРЕДАВАЕМОСТЬ ЭПИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

(ПО ДАННЫМ ДУБЛИРОВАННЫХ ЗАПИСЕЙ ОТ УЧАСТНИКОВ ТРАНСМИССИИ)

Константин Стайку (1913—1983), по прозвищу Пелкару,— потомственный лэутар-скрипач из с. Блэжешть уезда Телеорман на юге Румынии. «Как исполнитель старинных песен (ср. русск. ста́рина — В. Г.),— считает Ал. И. Амзулеску,— К. Стайку сочетает в себе великолепного инструменталиста и великолепного вокалиста. Поет впечатляюще, с большой теплотой и эмоциональной силой...» [Амз, КБ, 530].

В 1984 г. в Гарвардском университете под руководством А. Б. Лорда была защищена диссертация о композиционном стиле Константина Стайку [Хиберт, 1984], к сожалению, еще не изданная. Песни из репертуара Стайку вошли в румынскую музыкальную антологию серии «Песни мира», выпускаемой национальным центром научных исследований и Музеем человека в Париже (1985).

Автору данной книги в 1968 и 1980 гг. довелось слушать и записывать песни К. Стайку. В с. Блэжешть нами был обнаружен и ученик Стайку Тицэ Раду (1936 г. рожд.), неизвестный прежде собирателям. В числе произведений, усвоенных им от Стайку, эпическая песня «Миу гайдук».

Мы располагаем двоекратными записями этой песни от обоих лэутаров. Самая ранняя сделана первооткрывателем Стайку Ал. И. Амзулеску 31 марта 1966 г., ему же принадлежит расшифровка текста (265 стихов). Три других выполнены и расшифрованы нами: 16 октября 1980 г.— от К. Стайку (324 стиха) и Р. Тицэ (268 стихов), а 16 августа 1984 г. повторная от Тицэ (252 стиха). Все тексты публикуются впервые.

Перевод записи 1980 г. от К. Стайку дан нами в [Рум., 199—214], при этом помечены инструментальные части (интерлюдии) и призвуки скрипки в конце строк (смычком или щипком); обозначены стихи, которые не пелись, а произносились «сказовым словом» («кувинте бэсмешть», как говорил Стайку). В попутных пометах отражена смена интонаций, темпа, «игра голоса», необычайно выразительная у К. Стайку.

Остановимся сначала отдельно на левой (I — II) и правой (III — IV) частях синоптической таблицы. (Таблица 1)

Сумма позиций, занимаемых в ней только вариантами Константина Стайку — 384 (коэффициент несовпадаемости, т. е. соотношение этой суммы к числу стихов наибольшего текста Стайку — 1,18). В свою очередь, текстам Раду Тицэ принадлежат 314 линий (отсюда коэффициент несовпадаемости вариантов Раду между собой — 1,17).

Ощутимо несовпадение такого разностного параметра, как число отличительных стихов в каждом из текстов Стайку и Тицэ.

У Стайку подобных стихов, не имеющих соответствий в иновременном тексте исполнителя, больше, чем у Тицэ: 42 и 70. У Тицэ, соответственно, всего лишь 21 и 17. Разнятся они и по своему характеру.

Варианты Стайку, дополняя друг друга, заключают в себе — каж-

дый — некоторые специфические константы, присущие песне о Миуле гайдуке, почему-либо пропущенные при другом исполнении. В первом тексте таково описание гайдуцких чет (отрядов), спешащих на призыв Миула: «Все войники лихие. / Выросли без родителей, / Кэчулы высокие, стогоподобные, / Сдвинуты назад, / От черного одиночества / Не с кем, брат, им биться» (518—523). Другая константа песни (она тоже есть только в первой записи) — слова, которыми сестра убеждает брата не казнить господаря (это одна из версий финала, наряду с такими, где казнь господаря состоится): «Где, брат, видано, / Где, брат, слыхано: / Глянь, небо с двумя солнцами, мэй, / И господарство без господаря?», 540—543). Детальнее, чем при втором исполнении, передавал Стайку (в традиционных стихах) диалог гайдука с сестрой (187—188, 191—221) и господарем (268—275).

Не единичны стихи, возникавшие у Стайку по ходу исполнения, они усиливали впечатление от описываемой ситуации, добавляли сравнения, бытовые реалии и т. д. В первой записи: «Вино подойником носила» (36), «И ию (вышитую блузку — *В. Г.*) надела» (137), «Миул иссушил мое сердце» (145). Во второй записи их особенно много, причем в ряде случаев подключаются стихи из других песен. Например, притворные слова «пастуха» «Может, застану его спящим, / Дам, брат, тебе его связанным / Как большого невольника» (484—486) — отвечающее контексту перенесение из песни о Тэниславе, которая тоже входила в репертуар Стайку. Другое добавление — «С утра поднимался, / Глаза черные умывал» (371—372) — представляет собою стихи общеэпического распространения (включая коляды).

При втором исполнении Стайку не забыл один из диалогов на пиру у господаря (обращение бояр: «Почему не пьешь, почему не ешь...», 43—47), комическое объяснение гайдука (присущее песне, но не всем певцам известное), откуда он знает имя господаря «У нас был поп старый / И топтал он дорогу в церковь...» (406—409), очень важное для смысла песни вынужденное восклицание господаря: «Сколько я буду в господарстве, / И ты [будь] в гайдучестве!»

Явно входя в «роль» гайдука, переодетого пастухом, Стайку при втором исполнении продлевал его речи, адресованные господарю, которого он ведет в чащу. Усиливалась реакция аудитории на недогадливость Штефана («Я пойду с тобой дотуда, / Ведь большой бакшиш мне дашь! — 418—419 и 434—435).

Скорее всего, Константину Стайку принадлежит шутливое описание кэчулы (шапки) чабана: «Сшита свободно по голове, / Скроена на муравейнике, / Не отводя глаз от овец» (283—285). Оно встречается и в песне «Скорпия», записанной от Стайку [Амз. КЕЕ, 248]. Правда, при втором исполнении оно оказалось пропущенным, но зато его подхватил Раду Тицэ в обоих своих текстах.

Константин Стайку присутствовал при записи песни «Миу гайдук» от Раду Тицэ в 1980 г. На наш вопрос о том, чем отличается песня Тицэ от его собственной, он сразу ответил: «Стакан». Оказывается, Тицэ добавил в то место, где сестра Миула слышит разговор Штефана и боеров о брате, такую «психологическую» деталь: «О своем брате услышала, мэй, / Стакан уронила из рук, мэй, / О землю он разбился, мэй» (105—106).

Старый лэутар одобрил добавление: «Да, это подходит». Упоминая кафтан господаря, Раду Тицэ добавлял: «Одна нить зеленая и другая — белая». Непременной стала у Раду шутливая концовка с его собственным именем — она часто встречается у лэутаров: «Мэй, если эта песня вам не нравится, / Не может Раду ничего с вами сделать...» (565—569).

Однако в целом импровизаторский дар, обновление песни у Раду Тицэ пока что выражены слабее, чем у Константина Стайку.

Сличение записей от К. Стайку и Р. Тицэ дало 569 позиций синоптической записи (коэффициент несовпадаемости — 1,75). Песня у Тицэ складывается менее уверенно, чем у Стайку. Например, описание угощения на пиру при первом исполнении давалось у Тицэ после того, как уже произошел разговор Штефана и боеров о расправе над гайдуком. А повеление готовиться на охоту в лес оказалось отодвинутым до момента встречи господаря с гайдуком в лесу (позиция 358 и след.). В 1984 певец вернулся к привычной последовательности событий.

Это сказывается на полноте межвариантной синоптической проекции. Многие звенья уже определились, но в ряде случаев они еще не вполне ясны, приходится уточнять, что или кто имеется в виду: 1) у Штефанаводэ боеры на беседе (5—8); 2) знал бы я, как его стеречь (68, 71, 75); 3) сестра гайдука дегтем стакан долила (113), дала им пить (114), они уснули (117); 4) пошла в каморку (134), взяла башмаки (136), поспешила (140) по пустынной долине (143—144); 5) сорвала лист (150), подала знак Миулу (151, 155); 6) Миул услышал, удивился (157—158), это свист женский (160, 162); 7) спрашивает [выйдя к сестре], какая беда (173—174); 8) если бы поймали, знали бы, как [тебя] стеречь (199—201, 203, 209, 210), как наказать (214—217); 9) [Миул ее отсылает], потому что господарь проснется (224—225, 227, 229); 10) сам пошел в лес (253), увидел чобэнаша (255), обратился к нему; 11) просит дать десять овец (259—261), обещает свои сапоги (304); 12) [Господарь, придя в лес], обращается к «чобану» (385—386), «чобан» отзывается (390—391); отвечает (390—391); 13) господарь удивлен, откуда «чобан» знает его имя (403—405); 14) «чобан» предлагает оставить войска сторожить овец (426—427); 15) вид господарский, но нет ума человеческого (438—439); оставляет войско при овцах (440); 16) по узкой тропе (149—150); 17); 18) поднимай ноги выше (459); 19) ладонью, как кнутом, ударил (501—502); 20) «И саблями его обмахайте! (528).

В обоих текстах Тицэ отсутствует обратное переодевание Миула в гайдуцкую одежду и грозный вопрос господарю, как посмел он придти в лес. Отсутствуют традиционные для песни о Миуле реалии исторического быта (например, именование боер «советниками господаря»), гайдуцкой жизни и т. д., которыми искусно оперировал Константин Стайку. И это притом, что у Тицэ Раду тоже есть традиционные для песни стихи, дополняющие тексты Стайку. Одно из них — вступление, локализирующее действие в Бухаресте, «в тех домах больших господарских» (1—4).

Раду Тицэ еще находится в процессе овладения словесной тканью, что и понятно, поскольку ему только теперь, после кончины Константина Стайку, приходится исполнять песню перед аудиторией, в основном на свадьбах. Прежде он только аккомпанировал старому актеру. Поэтому и в ряду констант пока ощущается неполнота переходов и связок.

* * *

В 1927 г. младший представитель сказительской династии Рябининых (сын пасынка Ивана Трофимовича Рябинина) — *Петр Иванович Рябинин-Андреев* (1905 г. рожд.) выезжал в Москву для выступлений вместе с выдающейся исполнительницей фольклора *Настасией Степановной Богдановой* (1861? — 1937). Во время поездки он выучил у Богдановой былину «Чурила и Катерина». А через несколько месяцев «Чурила и Катерина» была записана от Рябинина-Андреева на фонограф. Это большая редкость, когда существует фиксация эпического произведения, столь близкая ко времени его усвоения. И что уже совсем уникально — от каждого из участников трансмиссии былина записана не менее трех раз.

Привлечение всех шести записей, безусловно, намного повышает возможности наблюдений над передачей знания былины. Можно будет убедиться в дальнейшем, насколько оказывается кстати располагать не одной-единственной, а тремя фиксациями на «выходе» и на «входе».

Записи «Чурилы и Катерины» от Н. С. Богдановой: Н. С. Шайжина, 1901 г., 135 стихов [Миллер, 1901, № 84]; С. П. Бородина, Ю. А. Самарина, Ю. М. Соколова, 28—29 июня 1926 г., 125 стихов [Сок.—Чич., № 151]; Н. Котляровой, 29 июля 1931 г., 130 стихов [Аст., II, № 111].

Записи той же былины от П. И. Рябинина-Андреева: С. И. Бернштейна, 1927 г., на фонограф, расшифровка А. М. Астаховой, 90 стихов [Аст., II, Прил. I, № 8]; М. Б. Каминской, 23 августа 1931 г., 92 стиха [Аст., II, № 137]; собственноручная запись сказителя, 1936 г., опубликована «с внесением изменений, сделанных во время исполнения при контрольном прослушивании в 1939 г.», 92 стиха [Ряб.-Андр. П. И., № 8]. (Таблица 2).

В итоге синоптического разбора, с учетом композиционного и текстуального аспектов, шесть записей «Чурилы и Катерины» от «учителя» и «ученика» образовали 260 строчных позиций. (Коэффициент несовпадаемости — 1,92 — наивысший в наших материалах).

Но прежде чем касаться общих итогов сопоставления текстов двух исполнителей, отметим характер воспроизведения былины самой Н. С. Богдановой, поскольку ее тексты послужили исходным материалом для П. И. Рябинина-Андреева.

В трех вариантах Богдановой текстовая ткань довольно устойчива, что вообще характерно для ее сложившихся редакций былин [Аст., II, 77]. Различительные сегменты единичны — например, усаживание Чурилушки «ко столу ко честному...» (35—38) в первом варианте и в нем же — слова девушки чернавушки «Я пойду ли схожу ко божьим церквам, / Ко божьим церквам да к золотым ключам» (59—60 и 60, 94). Во втором и третьем текстах вариации чаще лексические (утрачен эпитет *золотой*, когда речь идет о сбруе; вместо *вострой сабли* во втором тексте — *острейный нож*, но в третий возвращается *сабля*; появляется и нововведение — *принапудренные* волосы). 77 стихов трех вариантов Богдановой тождественны по тексту и месту в межвариантной проекции. Но зато не менее сорока идентичных или близких смещены по отношению друг к другу, и именно это повышает общий уровень расхождений между тремя текстами (при 190 позициях, занимаемых в таблице текстами Богдановой, коэффициент несовпадений относительно высокий — 1,40). Преобладание ком-

позиционных различий несомненно связано с динамичностью сцен и диалогов, импровизируемым порядком следования «улик» и т. д. (а их увязывание, естественно, создает трансформы связующих и переходных стихов).

Текстовая передаваемость, интересующая нас прежде всего, предстает как неоспоримая реальность. Об этом говорит, в первую очередь, совокупность соответствий набору констант богдановских текстов, предстающих в вариантах Рябинина-Андреева в том же композиционном расположении: 1) кто у ворот колотится? Чурилушка (2—4); 2) выходила Катерина в рубашечке, чулочиках (5, 7, 8); 3) отпирала ворота, запускала Чурилу (11—12); 4) спрашивала, чего вчера не бывал (19—20), ества не едены, питва не питые (21—22); 5) коня провела в стойло (39), плетку на гвоздик клала (44), сапожки на место (48); 6) Шурилу в спальню провела (50), 7) прибежала девушка чернавушка (53), говорила (53) Чурилушке, что не к месту пришел (56), что пойдет скажет Ермы Васильевичу (64); 8) Чурила просит не сказывать, обещает сарафан, башмаки, обещает жениться (71—72, 74); 9) Катерина бьет девушку по щекам (76—77), говорит, что сама сносит башмаки, сарафан, сама замуж за Чурилу пойдет (83, 85, 86); 10) девушка заплакала (90), побежала к церкви (93); 11) зашла в нее (99), подошла к Ермы Васильевичу (102), обратилась к нему (106), сказала, что у него гость немилый (109—110); 12) Ермы (Ермак) отвечает (112—113), если правду сказала — замуж возьмет (118); 13) подходит к воротам (140), колотится (147—148); 14) Катерина выходит (144), говорит, что ей не здоровится (170—171); 15) в стойле конь как у Чурилы (180—181), это что? (182); 16) Катерина отвечает, что братец с ним сменялися (184—185); 17) в сарае саночки как у Чурилы (186); 18) Катерина отвечает, что братец с ним сменялися (190—191); 19) на стопочке сбруя как у Чурилы (192—193); 20) Катерина отвечает, что братец с ним сменялись; 21) на полочке соболья шапочка (219); 21) братец с Чурилой сменялися; 22) В спальне Чурилу нашел (241—242); 23) голову Чуриле срубил (248—249), она покатилась, а за ней катеринина (252—253); 24) завел пир, женился на девушке-чернавушке (257—258).

Как мы видим, Рябинин-Андреев усвоил большинство узловых подробностей былины в их сюжетной значимости и «разреженной» (в том, что касается деталей, но все же не утрачивающейся) словесно-поэтической манифестации.

Достойно внимания, что сохраняющимися то и дело оказываются парные сочетания стихов, например: «Ударила ее по левой щеке, / Переправила ее да по другой стороне», «Подъезжает к воротам раскатестым, / он стучится в ворота раскатесты» и т. д. Клишированность их такова, что они предстают — подобно пословицам — «замкнутыми предложениями из одних постоянных членов [Пермяков, 1988, 18] и обладают некоторым законченным «сюжетом». Такая ячеистость» составляет примечательное свойство былинной поэтической речи и оказывается немаловажным фактором ее сохраняемости в памяти певца.

Однако, владению поэтической конкретикой «Чурилы и Катерины» еще присуща заметная неустойчивость.

Первый текст Рябинина-Андреева ближе к текстам Богдановой, чем его более поздние тексты. Так, лишь в записи 1927 г. сохранились опять-таки в виде смежных, взаимосвязанных стихов, следующие фрагмен-

ты: слова Катерины, адресованные Чуриле — «Мои ествушки стоят да не еденыя, / А ведь питвица стоят да не выпитыи» (21—22); обращение Чурилы к девушке чернавушке: «Ай, не сказывай-ка, девка й, сарафан сошью, / Ай, не сказывай-ка, девка й, башмачки куплю, / А не сказывай-ка девка й, замуж я возьму!» (71—72, 74); восклицание Катерины по этому поводу: «Ай же, мерзь ты да неученая, /А сама я Катерина й башмачки снашу, / А сама я Катерина й сарафан снашу, / А сама я й Катеринушка й замуж пойду!» В связи с последней тирадой считаем важным отметить, что ее начальный стих, с колоритным словом *мерзь* (у Богдановой *мержа*), имеется только в позднейшей по времени записи от Богдановой. Не будь этой записи, могло бы возникнуть предположение, что стих о *мерзи* привнесен восприемником былины. Не исключено, впрочем, но менее вероятно, что так оно и есть: словосочетание *мразь неученая* — в самом деле новация Рябинина-Андреева, а Богданова приняла его, переиначив на свой лад (Н. С. Богдановой доводилось слышать исполнение «Чурилы и Катерины новым певцом этой былины, и оно ей не понравилось, особенно из-за того, что Рябинин-Андреев не усвоил исконный напев былины и исполнял ее на переиначенный мотив песни «Проводы». Только в тексте 1927 г. у Рябинина-Андреева присутствуют слова Катерины о сахарных ествах и медвяном питве, приготовленных для Чурилы (21—22), ее притворный ответ мужу «А ще худо мне сегодни можется, / Худо можется да нездоровится» (170—171). Только в нем, как отмечала А. М. Астахова, удержался замечательный образ богдановской былины «Не скаченая тут жемчужинка скатилася, / У Шурилушки головка покатилася» [Аст., II, 804—805], преобразованный, правда, из отрицательного параллелизма в положительный («Покатилася скаченая жемчужинка...»).

Ничего этого не стало в текстах 30-х годов.

Правда, появляются в этих текстах некоторые нововведения. В варианте 1931 г. (V): «Скоро-наскоро бежала в паперть божию, / Поскорешеньку побежала по церкви божией» (98—100); «А ты в церкви стоишь да богу молишься, / Над собой невзгодушки не ведаешь» (107—108). В тексте 1936 г. (VI) — свои нововведения. Добавлен стих «А колотится, да взад не воротится» (160), сочетающийся с двумя предыдущими («Еще кто у ворот теперь колотится? / Колотится Ерма-сударь Васильевич»). В диалог Ермака с Катериной включена еще одна улика — сапожки Чурилы (236—236а), упоминавшиеся у Богдановой только в начале былины. Такие нововведения свидетельствовали о продолжающемся композиционном процессе, но он все же не приносил равноценной традиционной фактуры.

* * *

Счастливую возможность проследить передачу былины из поколения в поколение почти за столетний период (1860—1958), имея при этом по две записи у самого раннего и самого позднего певцов в этом ряду, представляет былина «Три поездки Ильи Муромца» в следующих записях:

От Ивана Павловича Сивцева (Поромского): П. Н. Рыбникова, 1860 г., 159 стихов [Рыбн., II, № 176); А. Ф. Гильфердинга, 11 августа 1871 г., 153 стиха [Гильф., III, № 221];

От Ивана Андреевича Сивцева (внука Поромского) — С. П. Бородина, В. А. Дынник, Ю. М. Соколова, 10 июля 1927 г., 108 стихов;

От Луки Андреевича Артемьева (был соседом Поромского, научился старинам от старика и его детей) — П. А. Грушникова, Б. М. Соколова, В. И. Чичерова, 10 июля 1927 г., 94 стиха [Сок.—Чич., № 231];

От Сивцева Алексея Николаевича: В. Велинской и А. Грибанова, 26 июня 1958 г., 97 стихов и добавление в прозе [ФА МГУ]; Ю. А. Новикова и Ю. И. Смирнова, 20 января 1959 г., 95 стихов и добавление в прозе [ФА МГУ].

Синоптическое сопоставление шести записей былины «Три поездки Ильи Муромца» (Таблица 3) дало 245 строчных позиций. (Коэффициент композиционной и вербальной несовпадаемости — 1,73. Но следует учесть, что в двух последних вариантах былины нет окончания: «третью дорожку не знаю». Таким образом, к различиям, наблюдаемым в стихах, добавляется частичная «детериоризованность» [Веселовский, 1940, 97] двух позднейших текстов).

Особый интерес вызывают «кадры», «ячейки» поэтической мысли [Веселовский, 1940, 361], удержавшиеся в текстах на протяжении всей столетней дистанции. Читаемые подряд, они даже в столь далеко отстоящих друг от друга текстах образуют последовательный и все еще во многом репрезентативный для поэтической фактуры былины ряд. Как и ранее, мы лишь кратко обозначаем константные стихи, чтобы их было легче соотнести между собой, обозреть в целом, отыскивать в синоптической таблице. Это обозначение сугубо практическое и условное. Но будем иметь в виду и на сей раз, что речь идет о сегментах, обладающих конкретностью и полнотой словесного воплощения: 1) ездил старик по чисту полю (1), наехал на горюч камень (8); 2) надпись на камне — что сулит каждая из трех дорог (12—14); 3) старик отказывается от тех дорог, где богату (20—21) или женату быть (23—25), выбирает дорогу, где убиту быть (32—32а); 4) наехал он на станицу разбойников (36), говорит им, что отнять у него нечего (43—45), лишь узда, седло дорогие, а коню цены нет (48—50); 6) ответ разбойников (64—65); старик шапкой помахивает, побивает разбойников (64—74); 6) едет ко Латырю камню (82), на камне подпись оставляет, что дорога от Киева до Чернигова прочищена 87, 90, 91); 7) едет дорогой, где женату быть (92); 8) от обедни идет королевична (103—104); зовет старика к себе в терем напоить—накормить (112—113); 9) видит — кроватка подложная (161—162), уваливает королевичну во глубок погреб (167—171); 10) двери засыпаны (175—176), он колодья распихивал, руками распархивал (180—181), выпускал царей и королей, среди них королевичну (186—188, 189); 11) расправляется с нею (207—208), разметает по полю (210—211).

Эта совокупность совпадающих или сходных стихов опять-таки поэтапно обозначает основную линию повествования. Представляется существенным, что и в текстах певцов нескольких поколений константы сохраняют эту свою функцию. А в самом перечне выделяются парные «сюжетные» сочетания строк высокого эпического ценза («Серым волкам на съедение / Да черным воронам на грограянье»).

В этом контексте легко улавливается неравная органичность и частый переходный характер отличительных стихов каждого текста.

Все это предстает на фоне убывания фактурной оснащенности эпической традиции.

Таблица 1

«МИУ ГАЙДУК»

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
1	—	—	—	*Hei*, foaie verde măr domnești, Хей, лист зеленый яблонь господарских,
2	—	—	—	Din oraș din București, *mă ĭ* (bis) В городе в Бухаресте, мэй,
3	—	—	—	L-ale case mari domnești, В тех домах больших господарских
4	—	—	—	Ce se văd din București, (bis) Что видны в Бухаресте,
5	În curte la Ștefan-vodă (IV: bis) Во дворе у Штефана-водэ			
6	Stau (II: S-adun; III—IV: S-au strîns) boierii toţi (II—IV:—) la vorbă, (III: bis) Сидят (Сходятся/Собрались) боеры все на беседе/-ду			
7	Boierii divanului Боеры дивана			
8	Stîlpii Ţarigradului Столпы Цариграда			
9	Fejnicii pămîntului/împăratului, (II: *măi*) Советники земли/государя, *мэй*,		—	—
10	Caimacani orașului (II—IV: *măi*). (III—IV: bis) Наместники города, *мэй*.			

11	Stîlpii Ţarigradului. Столпы Цариграда.	см. 8	см. 8	см. 8
12	Mare masă mi-este-ntinsă, (I: bis), Великий стол накрыт,		—	—
13	—	Dă mulţi boieri mi-e (II: e) coprinsă. Многими боерами окружен.	—	—
14	Dar în capu mesii cine şade? А во главе стола кто сидит?	—	—	—
15	Şade Ştefan-vodă, (bis) Сидит Штефан-водэ.	—	—	—
16	Lar/Dar pă masă ce-mi avea (*măi*)? (II: bis) И/А на столе что имели, *мэй*?		см. 89	Hei, şi la masă ce-mi servea, *măi*? Хей, и за столом чем угощались, *мэй*?
17	—	Mi-avea peşte ş-un moţrunî, Имели рыбу и белугу,	—	ср. 27
18	—	Galbănă dă caracudă, Золотистого карася,	—	—
19	Să vezi, pîine de Hîrlău Знай, хлеб из [города] Хырлэу	см. 23	см. 90	см. 23
20	Şade pă masă mereu, Лежит на столе всегда,	см. 24	см. 91	см. 24
21		Ştiuculiţă lunguliţă, Щучка долговатая	см. 92	см. 25
22		Car' să ia pin/cu furculiţă, (I: bis) Какая берется вилочкой,	см. 93	см. 26
23	см. 19	Să vezi, pîine de Hîrlău, Знай, хлеб из Хырлэу,	см. 90	Numai pîine de Hîrlău, Только хлеб из Хырлэу,

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
24	см. 20	Şade pă masă mereu, *măi*! Лежит на столе всегда, *мэй*!	см. 91	Că sta pe masă mereu, *măi*, Лежит на столе всегда, *мэй*
25	см. 21	см. 21	см. 92	Ştiuculiţă lunguliţă, Щучка долговатая,
26	см. 22	см. 22	см. 93	Ce se ia prin furculiţă, Какая берется вилочкой,
27	ср. 17	ср. 17	см. 94	Şi cu icre de morun, И икра белужья,
28	—	—	см. 95	C-am auzit din bătrîni, Слышал я от стариков,
29	—	—	см. 96	C-ăla-i un peşte mai bun. Что та рыба получше.
30	—	—	см. 100	Hei, lele-lele viorea, Хей, леле-леле фиалка,
31	La masă cine sirvea? К столу кто подавал?	см. 85	см. 85	La masă cine-i servea, *măi*? (bis) К столу кто им подавал, *мэй*?
32	Paharnica domnului, Виночерпий господаря,	см. 86	—	—
33	Surioara Miului. Сестрица Миула.	см. 87, 120	см. 87	Surioara Miului, Сестрица Миула,
34	см. 98	см. 121	см. 88	Miului haiducului, *mă*, Миула-гайдука, *мэ*,

35	Şi la masă ce servia? (bis; 2: *mă*?) И к столу что подавала?	ср. 16	см. 89	см. 16
36	Vin cu doniţa-aducea, (bis; 2: *mă*,) Вино подойником носила,	—	—	—
37	De-i da domniii să bea. (bis; 2: *mă*.) Давала господарству пить.	см. 114	ср. 114	ср. 114
38	—	—	Ср. 102	Ea, frate, că-mi servea, *măi*, Она, брат, подавала, *мэй*,
39	—	Iar Ştefan-vodă ce-m făcea, *măi*? А Штефан-водэ что делал, *мэй*?	—	—
40	—	Nici nu bea, nici nu mînca, И не пил, и не ел,	—	—
41	—	Numai cu ochii privea, *măi*. Только глазами глядел, мэй.	—	—
42	—	Iar boierii-l întreba: А боеры его спрашивали:	—	—
43	—	— Domnie, măria ta, Господарь, твое величество,	—	—
44	—	Ce nu beai, ce nu mănînci, Почему не пьешь, почему не ешь,	—	—
45	—	Numai cu ochii te uiţi, *măi*, (bis) Только глазами глядишь?	—	—
46	—	Ori bucatele nu-ţi plac, Иль яства тебе не нравятся,	—	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
47	—	Mă rog, altele să-ţi fac. Вели, приготовим другие.	—	—
48	Iar Ştefan-vodă ce/ce-mi zicea? А Штефан-водэ что говорил?		см. 360, 547	см. 239, 547
49	— Bet/Beţi, boieri, vă-nveseliţi (veseliţi), — Пейте, боеры, веселитесь		см. 361	см. 240
50	Pîn-la ziuă vă gătiţi: До рассвета снарядитесь:		см. 362	см. 240
51	Pe la şale buzdugane, У поясов буздуганы,		—	—
52	La spinare-o flintă [mare, За спиной — флинта большая,		—	—
53	Să facem d-o vînătoare Устроим охоту		см. 363	см. 242
54	Colea, la cîmpul d.afară (I: bis; 2: *mă*) Там, в поле вне [города], *мэ*,		см. 364	ср. 243
55	După păsări gălbeoare, На птиц желтоватеньких		см. 365	см. 244
56	Că sîn bune la mîncare (I: bis; 1: *mă*) Они вкусные для едения		см. 366	см. 245
57	(I: bis; 2: *mă*,) Şi uşoare la culcare. И легкие для спанья.		см. 367	см. 246
58	Şi sun'bune la mîncare, *mă*. И вкусные для едения, *мэ*.	см. 56	см. 366	см. 245

59	Ai, beț, boieri, vă-nveseliți, Ай, пейте, боеры, веселитесь,	см. 49	см. 361	см. 233
60	Pînă-n ziuă vă gătiț(i), (bis) Спозаранку приготовьтесь:	см. 50	см. 362	см. 234
61	Pa la șale buzdugane, У поясов буздуганы,	см. 51	—	—
62	La spinare-o flintă mare, За спиной — флинта большая,	см. 52	—	—
63	Să facem d-o vînătoare (bis), Устроим охоту,	см. 53	см. 363	см. 235
64	ср. 197	ср. 197	Măi, și de vorbă ce vorbea? Мэй, и в разговоре что говорили?	Și boierii că vorbea, *măi*, И боеры говорили, *мэй*,
65	ср. 199	ср. 199	Tot de Miu că(-mi) vorbea, *măi* (—). Все про Миула говорили, мэй.	
66	Că io d-aj găsi (Că de-aș prinde) pă Miu haiducu, Нашел бы я (Поймал бы я) Миула гайдука,		ср. 67	ср. 67
67	(1: Păi,) De l-aș prinde undeva, (bis; 2: *mă*) (Пэй,) Поймал бы я его где-нибудь, *мэ*,	ср. 66	De l-ar prinde undeva, *măi* Поймали бы его где-нибудь, *мэй*,	
68	(I, 1 : *Păi*,) Aș ști io cun/cum l-aș (III, IV : Ar ști ei cum l-ar) păstra, (I : bis; 1 : *mă*,; III—IV: *măi*) (*Пэй*,) Знал бы я как его (Знали бы они, как его) стеречь:			
69	(I, 1 : *O*, Ca gaia puișoru(1) (I: bis; 1: *mă*) Как [стережет]кобец цыпленочка,		см. 203	см. 72
70	—	—	Ca oaia mielușelul, *mă*, Как овца [стережет] ягненочка, *мэ*,	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
71	—	Ca (IV: Şi ca) stîrcu baboiaşul, Как (И как) цапля [стережет] рыбешку,		
72	см. 69	см. 69	—	Ca gaia puişorul, Как [стережет]кобец цыпленочка
73	Cîn' (III—IV: Cînd) mi-l goneşte pîn (II: pin; III—IV: prin) lac Когда ее гоняет по озеру			
74	Şi mi-l scoate pe (III—IV: pă) uscat, И выносит ее / его на сушу,			
75	Ii dă (II: Mă, şi-i dă) cîti-un cioc în cap, (I: bis; 1 : *mă*; II: *măi*), И (Мэ, и все) бье его клювом в голову		Şi-i mai dă/trage un cioc în cap, И еще бьет/ударяет клювом в голову	
76	—	Să uită la el cu drag (I: bis; I: *mă*; II—IV: *măi*), Глядит на ни / него любовью,		
77	—	—	Măi, şi cască din gurişoară — Мэй, и разевает клювик (букв.:ротик) —	—
78	—	—	Ştie bine c-o să moară. (bis) Знает хорошо, что [рыбешка] помрет.	—
79	Niş'/Nici p-aceea nu l-aj lăsa, Даже на том бы его не оставил,		см. 214	см. 214
80	L-aş mai pune-on/un vameş mare Его б еще назначил вамешом (т. е. сборщиком дани) великим		см. 215	см. 215

81	Colea, la cîmpu de/de-afară Там в поле вне [города],			см. 216	см. 216
82	Unde trec mocani cu !sare, Где проезжают моканы с солью,			см. 217	см. 217
83	—	Două furci ş-o cumpeoară Два столба и перекладина		—	—
84	Să mai-ş (Să-şi mai) ia dă cheltuială! (I: bis) Чтоб собирал (еще) себе на расход [подаяние].			—	—
85	см. 31		Iar/Măi, la masă cine(-i) se-/sărvea, *măi*? А/Мэй, к столу кто им подавал, *мэй*?		см. 31
86	см. 32, 33а	Paharnica domnului, Виночерпий господаря,		—	—
87	см. 33		Surioara Miului (II: *măi*), (II: bis) Сестрица Миула,		см. 33
88	см. 99	—		Miului, haiducului. Миула, гайдука.	см. 34
89	ср. 16	ср. 16		Ea la masă ce-mi sărvea, *măi*? Она к столу что подавала, *мэй*?	см. 16
90	см. 19	см. 23		Numai pîine de Hîrlău, *măi*, Только хлеб из Хырлэу, *мэй*, —	см. 23
91	см. 20	см. 24		Dă sta pe masă mereu, Лежит на столе беспрерывно,	см. 24
92	см. 21	см. 21		Ştiuculiţă lunguliţă, Щучку долговатую,	см. 25
93	см. 22	см. 22		Dă să ia [prin furculiţă Какую берут вилочкой,	см. 26

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
94	ср. 17	ср. 17	Măi, şi cu icre de morun, Мэй, и икру белужью —	см. 27
95	—	—	C-am auzit din bătrîni, Слышал я от стариков,	см. 28
96	—	—	C-ăla-i un peşte mai bun. (bis) Что та рыба получше.	см. 29
97	*Hoh*, Ĭar surioara c-auzea, Ох, а сестрица услыхала,	Ea, frate, cî-m auzea, Она, брата, услыхала,	ср. 104	—
98	Surioara Miului, Сестрица Миула,	см. 87	см. 87	см. 33
99	Miului, haiducului, Миула гайдука,	см. 88	см. 88	см. 34
100	—	—	Hei, lele-lele viorea, Хей, леле-леле фиалка,	
101	—	—	Sora Miului ce-mi făcea, *măi*? Сестра Миула что делала, *мэй*?	
102	—	—	Ea la masă că-m sărvea, Она к столу подавала,	ср. 38
103	—	Că de frate-său vorbea. Что о брате ее говорили.	ср. 104	ср. 104
104	ср. 97	ср. 97	De frate-său (Ea pe toate) mi-auzea, măi. О брате своем (Она все) слышала, мэй.	

105	—	—	Paharu din mînă-i scăpa, *măi*, Стакан из руки уронила, *мэй*,	—
106	—	—	La pămînt că să spărgea, *măi*, (bis) О землю разбился он, *мэй*.	—
107	—	—	Lele-lele viorea, *măi*, Леле-леле фиалка, *мэй*,	см. 30, 100
108	—	—	Dos în chilioară da *măi*, В каморку зашла, *мэй*	
109	*ai*, Ia cătran că mi-ş lua, *ай*, Дегтя она взяла,	—	—	—
110	O ocă (Oca) de vin (că) lua, Око вина взяла,		—	—
111	—	—	Ăl' păhar ea că-mi lua, Другой стакан она взяла,	*Măi*, ea un păhărel lua, *măi*, *Мэй*, она стакан взяла, *мэй*,
112	—	Şi, frate, o jumătăţea И, брат, отлила половину,	Cu vin îl jumătăţea, *măi*, Вина налила половину, *мэй*,	
113	Cu cătran îl cătrănea, Дегтем его долила,	Cu cătran, frate, punea, *măi*, Дегтя, брат, налила, *мэй*.	Cu cătran mi-l/îl cătrănea. Дегтем его долила.	
114	Dă-i da domniii să bea (bis; I; *mă*) Дала господарю пить, *мэ*.	Îi da domniei dă bea, *măi*. Дала господарю пить, *мэй*.	Lui Ştefan că-i da să bea, *măi*, Дала Штефану пить, *мэй*.	Şi da domnului să bea, *măi*, (bis) И дала господарю пить, *мэй*.
115	(Şi) Domnia că (—) să-mbăta, *măi*. (И) господарь опьянел, *мэй*,		—	—
116	Coate pă masă răzma/punea (I: bis; I: *mă*; II: *mă*), Локтями/-ти о/на стол оперся/положил (*мэ*, *мэй*),		—	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
117	Somnul, neică, mi-l lua (bis; 1: *mă*) Сон его, нейкэ, захватил.	Somnul, frate, mi-l lua, Сон, брат, его захватил,	Somnul, frate, mi-l lua, *măi.* Сон его, брат, захватил, *мэй.*	Somnul, frate, că mi-l lua, *măi.* Сон его, брат, захватил, *мэй.*
118	—	Iară boierii se-mpăcea, *măi.* А бояры затихли, *мэй.*	—	—
119	—	Ei, frate, că ei pleca. Они, брат, ушли,	—	—
120	Iar(ă) surioara Miului, А сестрица Миула,		см. 87	см. 33
121	Miului, haiducului, Миула, Гайдука,		см. 88	см. 34
122	Paharnica domnului, Виночерпий господаря,	см. 86	—	—
123	—	—	Lele-lele, viorea, Леле-леле, фиалка,	см. 100, 219
124	—	Ea, frate, că ce-m făcea? Она, брат, что делала?	(IV: *Măi,*) Sora Miului ce-m(i) făcea? (III: *măi*) (*Мэй,*) Сестра Миула что делала? (*мэй*)	
125	Mîna pe el că punea, Руками его взяла,	см. синонимич. 126	—	—
126	см. синонимич. 125	În brațe că mi-l lua, На руки его подхватила,	—	—
127	—	În casă că mi-l băga. В дом его затащила.	—	—
128	Covor verde-i așternea, Ковер зеленый постелила,		—	—

129	Covor verde de mătase, Ковер зеленый из шелка.		—	—
130	Să-i fie moale/bine le oase, Чтобы было мягко/удобно костям,		—	—
131	(O) Perioară/-a de bumbacî/-ac, Подушечку из хлопка,		—	—
132	Să-i fie moale la capî/cap (I: bis; 2: *mă*) Чтобы было мягко голове, (*мə*),		—	—
133	—	De-acolo ea, frate, pleca, Оттуда она, брат, пошла,	—	ср. 139
134	(I: *ăi*) Dosu-n (II—IV: Dos în) chilioară da (IV: *măi*) (*ай*) Кинулась в коморку			
135	—	Şi, frate, ea ce mai lua? И, брат, что же она взяла?	—	—
136	Papuci/-cei pă talpă lua Башмаки/чки на босу ногу взяла		Papuci dintr-o mie-m/-mi lua, (IV: bis; 2: *măi*), Башмаки из тысячи взяла, (*мэй*),	
137	Şi c-o iie să-mbrăca, и ию надела,	—	—	—
138	—	—	Şi, frate, că să ducea, *măi*, И, брат, пошла, *мэй*,	—
139	—	ср. 133	—	Şi afară că-mi ieşea, *măi*, И вышла со двора, *мэй*,
140	(III: Măi) Sărea iş' (II—IV: ici), sărea colea, Скок — тут, скок — там,			
141	—	—	To(c)mai ca o căpricea Словно козочка,	
142	см. 140	см. 140	см. 140	Măi, sărea ici, sărea colea, Мэй, скок — тут, скок — там,

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1981
143		Și-o (II: P-o; III—IV: Ș-o) pustie de vălcea, И через/по пустынную/-ой долину/-е,		
144		Mînca-o-ar pîrdalnica! (IV : bis, 2 : *măi*) Побери ее нечистая!		
145	Miul mi-a secat inima! (bis; 1 : *mă*) Миул иссушил ей сердце! (*мэ*)	—	—	—
146	—	Mergea, nene, ce mergea, Шла, нене, шла,	Mergea, frate, nu glumea, ma (bis) Шла, брат, не шутила, *мэ*,	см. 252, ср. 494
147	În pădure mi-ajungea, (I : bis, 1 : *mă*; II : *măi*), Леса достигла (мэ, мэй).		ср. 148	ср. 148
148	ср. 147	ср. 147	Ea în codru că-mi intra, (IV : *măi*), Она в кодр вошла, (*мэй*),	
149	—	Ș-un păr, frate, ea vedea, *măi* И [дерево] грушу увидела, мэй,	—	—
150	O foaie de păr găsea/rupea, (II: *măi*), Лист груши нашла/сорвала, (*мэй*),		Ei,/Ea d-o foaie că-mi rupea, (IV : *măi*) Эй,/Она лист сорвала, (*мэй*)	
151	Ș'-intre buze-o potrivia, (I : bis; 1 : *mă*), Меж губами приладила, (*мэй*),		Pe/Și-n buze mi-o potrivea, (III : *măi*), К/И к губам его приладила, (*мэй*),	
152	—		Și-ncepea de-a șuiera, (III : *măi*), И начала свистеть,	

153	см. 151	см. 151	Lele, şi-n buză mi-o potrivea Леле, и к губам его приладила	см. 151
154	ср. 155	см. 152	Şi-ncepea d-a şuiera, *măi*! И начала свистеть, *мэй*!	см. 152
155	Şapte viersuri ca-ntorcea (III—IV: că-m/mi facea) (I: bis; I: *mă*; III: *măi*). Семь свистов завернула/издала, (*мэй*).			
156	—	—	Măi, dacă/să vez' cin-o auzea, (III: *măi*), Мэй, глянь, кто ее услышал, (*мэй*),	
157	Şi Miu c-o auzea И Миу ее услышал		Miu, frate, mi-o/o auzea, Миу, брат, ее услышал,	
158	Şi din gură aşa-mi/ce-mi (III—IV) zicea: И устами так/что говорил:			
159	ср. 173	— Soră-mea, măicuţa mea, *măi* — Сестра моя, матушка моя, *мэй*.	ср. 173	ср. 173
160	(I: *hai*, Do'r ăla) Nu e fluier haiducesc(I: -i), (*Хай*, но ведь то) не свист гайдуцкий,		— Măi, ăsta nu e şuier voinicesc, — Мэй, это не свист войницкий,	Ăsta nu e fluier haiducesc, Это не свист гайдуцкий,
161	ср. 160	ср. 160	см. 160	Măi, nu e şuier voinicesc, Мэй, не свист войницкий,
162	Şî (II: Şi; III—IV: Ci) e fluier (III—IV: şuier) femeiesc/-cî (II) (I: bis; 1: *mă*), А/Но [это] свист женский, (*мэ*).			
163	N-o fi, măi, d-un . . . [*нрзб.*] Не стряслось ли, мэй, что-то . . .	ср. 164	—	—
164	ср. 163	El, frate, să mai du[cea] Он, брат, пошел,	—	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
165	—	Cu armele-i se-ncingea. Оружием опоясался.	—	—
166	Iară Miul ce făcea? А Миу что делал?	см. 251	см. 251	см. 251
167	(I : *oh,*) Afar' din pădure că ieşea (I: bis; 1: *mă*), (*Ох*) В поле из лесу вышел, (*мэ*),		—	—
168	—	см. 146	Mergea, frate, ce mergea, *mă* Шел, брат, шел, *мэ*,	см. 252
169	ср. 170	ср. 170	Şi cu ea ca sa-ntîlnea, *mă*, И с ней повстречался, *мэ*,	—
170	Pă soru-sa c-o vedea (I: bis; 2 : *mă*), Сестру свою увидал,)*мэ*)		ср. 169	—
171	—	Şi la ea ca se ducea И к ней пошел	—	—
172	см. 158	Şi din gură mi-o-ntreba: И устами спросил:	Si din gură/gur' aşa-i zicea: И устами так говорил:	
173	— Dale, soro, sora mea, — Дале, сестра, сестра моя.	— Dale, mică, sora mea, — Дале, малая сестра моя,	— Mai, soră-surioara mea, — Мэй, сестра-сестрица моя,	— Dragă surioara mea, — Дорогая сестрица моя,
174	Ce vînt, frate, te-a bătut/-tî, (I) Какой ветер, брат, тебя побил,		Ce frate că mi-ai păţit, Что, брат, с тобой стряслось,	
175	Or' păpucei c-ai sfîrşit, Иль башмачки истоптала,	см. 177	см. 180	см. 180

176	Or/Ori haine(le) mi-ai (II: ai) ponosit/-tî(II) Или одежды ты износила,		—	—
177	см. 175	Ori papuceii i-ai ruptî, Иль башмачки изорвала,	см. 180	см. 180
178	—	Ori/Or galbeni/-ii că mi-ai (III: i-ai) sfîrşit, (II: *măi*), Или червонцы истратила, (*мэй*),		—
179	—	—	см. 183	Ori domnia te-a gonit, Или господарь тебя прогнал,
180	см. 175	см. 177	Ori papuceii mi-ai rupt? (IV: bis) Или башмачки изорвала?	
181	Or cineva te-a bătut, Иль кто-то тебя побил.	—	—	—
182	—	—	Or' ciumagul mi l-ai rupt, Иль дубину сломала,	—
183	—	—	Or domnia te-a gonit? Иль господарь тебя про- гнал?	см. 179
184	P-aicea/La mine c-ă mi-ai venit? (I: bis; 2: *mă*: II: *măi*), Что сюда (ко мне) ты пришла? (мэ, *мэй*),		—	—
185	Iar surioara ce-m zicea? (bis; 2: *mă*), А сестрица что говорила? (*мэй*),	—	—	—
186	— (II: Ei,) Nene Miule dumneata, — Эй, нене Миул, ты,		— Nene, nene, Miule, (III: *mă*), — Нене, нене, Миул, (*мэ*),	
187	Niş' papucei n-am sfîrşit, Ни башмачков не истоптала,	—	—	Eu papucii nu i-am rupt, Я башмачки не изорвала,
188	Niş' haine n-am ponositî, (bis). Ни одежд не износила,	—	—	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
189	—	—	(III: Nici) Galbenii nu i-am sfîrşit, (Ни) Золотых не истратила,	
190	—	—	Nici ciumagul nu l-am rupt, Ни дубину не сломала,	—
191	Nimenea nu m-a bătut, Никто меня не побил,	—	Nici domnia nu m-a bă-tut, *mă*, Ни господарь меня не побил, *мэ*,	—
192	(I: Da-) Aseară Но вчера вечером		Măi, şi/Dar aseară pe la o vreme Мэй, и/Но вчера вечером в некое время	
193	-n curte la Ştefan-vodă во дворе у Штефана-водэ		În curte la Ştefan-vodă Во дворе у Штефана-водэ	
194	S-a strînz (II—IV: S-au strîns) boierii la vorbă, Собрались боеры на беседу,			
195	см. 7	см. 7	Boierii divanului, Боеры дивана,	см. 7
196	см. 10	см. 10	Caimacanii oraşului. Наместники города.	см. 10
197	Vorba, nene, ţi-o (II: 0) făcea, Беседу, нене, о тебе вели,		ср. 191	ср. 191
198	ср. 190	ср. 190	(IV: Şi) Ei, frate, (III: că) ce vorbea, *măi*? (И) Они, брат, что говорили, *мэй*?	
199	To' (Tot) de dumneata vorbia: Все о тебе говорили:		Tot de tine că vorbea, *măi*: Все о тебе говорили, *мэй*:	

200	Dă (II—IV: De) te-ar prinde (II: nene) undeva, (I: *mă*), Если бы тебя поймали (нене) где-нибудь, (*мэ*)			
201	Ar şti ei cum te-ar păstra: То знали бы они, как тебя стеречь:			
202	—	—	см. 70	Măi, ca oaia mieluşelul, Мэй, как овца ягненочка.
203	Ca gaia puişoara/-orul (II—IV), Как [стережет] кобец цыпленочка,			
204	—	Ca mielul puişorul, Как ягненок цыпленочка,	—	—
205	—	Ca stîrcu baboiaşul, Как [стережет] цапля рыбешку,		
206	ср. 210	ср. 210	(IV: Cînd) îl priveşte el cu drag (Когда) глядит на нее с любовью	
207	Cîn/Cînd mi-l/îl goneşte pin/prin lac Когда гонится за нею по озеру		см. 73	см. 73
208	Şi mi-l scoate pă uscatî/-t, И выносит ее на сушу,		(III: *Măi*,) Şi mi-l scoate pe uscat, (*Мэй*,) И выносит ее на сушу,	
209	Îi (III—IV: Şi-i mai) dă/trage (III) cîte-un (III—IV: un) cîoc în cap, (И еще) клюет ее в голову			
210	Să uită la el cu drag, (I: bis, 1: *mă*), Глядит на нее с любовью, (*мэй*,)			
211	—	—	(IV: *Măi*,) Şi cască din gurişoară, (*Мэй*,) И разевает клювик,	
212	—	—	Ştie bine c-o să moară. Знает хорошо, что [рыбешка] помрет.	
213	Nene, Miule, Нене, Миул,		ср. 186	ср. 186

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
214	Niş (II—IV: Nici) p-aceea/aşa (III—IV) nu te-ar lăsa (I: bis; III—IV: *măi*), И на том бы тебя не оставили, (*мэй*),			
215	Te-ar mai pune/face (III—IV) un valmeş/valmaş (III—IV) mare Тебя бы еще назначили/сделали вамешом великим,			
216	Colea, la cîmpu/tîrgu (III—IV) de- afară, Там, в/на поле/базаре вне [города]			
217	Udne trec mocani cu sare, Где проезжают моканы с солью,			
218	Să-z'/Să mai ţi-iai/ţii de cheltuială. Чтоб (еще) собирал ты себе на расход [подаяние].		—	—
219	—	—	Măi, nene-nene/lele-lele viorea, Мэй, нене-нене/леле-леле фиалка,	
220	Iară Miu ce-m zicea? (bis) А Миу что говорил?	—	Iar/iară Miu îi răspundea (IV: ce-i zicea), *măi*: А Миу ей отвечал (что ей говорил), *мэй*:	
221	— Dale, soră, soră mea, (bis) — Дале, сестра, сестра, моя,	ср. 173	— Soră, surioara mea, *măi*! (IV: bis) — Сестра, сестрица моя, *мэй*!	
222	—	—	Poale lungi şi minte scurtă, Полы длинные и ум короткий,	
223	—	—	Femeie nepricepută, Женщина недогадливая,	
224	(II: *Hei*,) Du-te, neică/mică, îndărăt (II: bis; *măi*). (*Хей*,) Иди, нейкэ/малая, обратно, (мэй),		(III: *Măi*,) Îndărăpt că să te duci, (*Мэй*,) Обратно пойди,	
225	Că domnia s-o scula, (I: bis) Потому что господарь проснется,		Că s'o sculat domnia, Потому что проснулся господарь,	

226	—	—		(IV: Şi) Cere apă să bea, (IV: bis) (И) просит воды напиться,
227			Cere apă de spălat/-tî (I; IV). Просит воды умыться,	
228		Guriţă de sărutatî/-t, (I: bis; 1: *mă*), Ротик поцеловать, *мэй*,	ср. 229	ср. 229
229	ср. 228	ср. 228		Trupuşor de dezmerdat (IV: *măi*), Тельце поласкать, (*мэй*).
230		Că ieu sîn bală de dracî/-c, Я ведь чертова племени,	—	—
231		Dă dau domnilor de capî/-p, Умею расправляться с господарями	—	—
232		C-un fulg verde şi-altu alb (I: bis; II: *măi*), [Летят] зеленые и белые хлопья, (*мэй*),	—	ср. 291
233		Dă dau domnilor de cap! Даю господарям по голове!	—	—
234	—	—		Lasă-i tu pe seama mea, Оставь их на мою управу,
235	—	—		Că le-oi purta eu grija, *măi*! Уж я о них позабочусь, *мэй*!
236	—	—		Hei, lele-lele, viorea (IV: bis; 2: *măi*), Хей, леле-ле, фиалка, (*мэй*),
237	—	—	—	Ştefan-vodă ce-mi făcea? (bis; 2: *măi*), Штефан-водэ что делал? (*мэй*),
238	—	—	—	Oştile şi le-aduna, *măi*, Войска свои собирал, *мэй*,

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
239	см. 158	см. 158	—	Şi din gură aşa-mi zicea, *măi*: И устами так говорил, *мэй*:
240	см. 49	см. 49	см. 361	— Beţi, băieţi, vă-nveseliţi, — Пейте, ребята, веселитесь,
241	см. 50	см. 50	см. 362	Pîn-la ziuă vă gătiţi, До рассвета снарядитесь,
242	эк. 53	см. 53	см. 363	Că facem o vînătoare Устроим охоту
243	ср. 54	ср. 54	см. 364	Colo la poiana mare, Там у поляны большой,
244	см. 55	см. 55	см. 365	*Măi*, după păsări gălbăoare, Мэй, на птиц желтоватеньких,
245	см. 56	см. 56	см. 366	Că sunt bune la mîncare Они вкусные для едения
246	см. 57	см. 57	см. 367	Şi uşoare la culcare (bis; 2: *măi*), И легкие для спанья, (*мэй*).
247	—	Soră-sa cîn auzea, Сестра его как услышала,	ср. 242	—
248	—	Îndărăpt că se-ntorcea, Обратно вернулась,	ср. 249	—
249	—	ср. 248	Soră-sa că îmi pleca, *măi*, Сестра его ушла, *мэй*,	—

250	—	—	ср. 229	Hei, foicică viorea, Хей, листочек фиалки,
251	Iară Miu ce-m făcea? (I: bis; III: *mă*; IV: *măi*) А Миу что делал? (*мэ*, *мэй*),			
252	—	см. 146		Mergea, frate, ce mergea, Шел, брат, шел,
253	În pădure (III: El în codru) că/că-mi (III) intra (I: bis; 1: *mă*) В лес (Он в кодр) зашел, (*мэ*),			—
254	—	Şi, frate, că să uita, И, брат, посмотрел —	—	—
255	Un mic de ciobănaş vedea. Малого чобэнаша увидел.	Un ciobănaş că-m venea, Чобэнаш шел [навстречу].		Cu-n ciobănel se-ntîlnea, (IV: *măi*) С чобэнелом встретился, (*мэй*),
256	—	Pe măgura că-m erea (bis; 2: *mă*), На пригорке он был, (мэй).	—	—
257	La ciobănaş (Şi la el că) să ducea (I: bis; 1: *mă*), К чобэнашу (И к нему он) пошел, (*мэ*),		—	—
258	Şi din gură-/gur' (III) aş-m/-i zicea: (I: bis; 2: *mă*; III: *mă*; IV: *măi*) И устами так ему говорил: (*мэ*; *мэй*).			
259	— Măi ciobane dumneata, (bis) — Мэй ты чобан,	— Măi mic de ciobanaşe, dumneata, — Мэй, ты малый чобэнаш,		— Măi ciobane, dumneata (IV: *măi*), — Мэй ты чобан, (*мэй*),
260	— (III: *Măi*,) Ia să-mi dai tu zece oi, (III: bis) (*Мэй*,) Дай-ка мне ты десять овец,			
261	Şă-z' (III—IV: Să-ţi) dau o sută de lei! (I: *mă*; III—IV: *măi*) Дам тебе сотню леев! (*мэ*; *мэй*),			
262	O sută de lei că-i da, Сотню леев ему дал,	см. 264	—	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
263	Zece oi că el lua. Десять овец взял.	Zece oi că mi-i dădea, Десять овец [чобан] ему дал,	Zece oi el că îi da, *măi*. Десять овец он ему дал, *мэй*.	—
264	см. 262	O sută de lei că-i da. Сотню леев [Миу] ему дал.	—	—
265	—	—	Şi «ciobanu» mai zicea, *măi*: И «чобан» (т. е. Миу) еще сказал, *мэй*:	—
266		— Făcurăm cu oili, — Сладили с овцами,		
267	—	—	Mai avem cu unili: Надо еще кое с чем:	—
268	Să-mi dai-tu hainele tale, Дай ты мне одежды твои —	—	(IV: *Măi*,) Să-mi dai tu hainele tale, (Мэй,) Дай ты мне одежды твои,	
269	Mi-e de surlă afumată, В [пастушьей] хижине задымлены,	—	—	—
270	De mărăcini înţăpată (bis; 2: *mă*), Колючками исколоты.	—	—	—
271	—	—	C-o mie de peticele, С тысячью заплаток,	

272	Oh, Să-z' da' io dulama mea (bis; 2: *mă*) Ох, дам тебе свой [кафтан]-дуламу, (*мэ*),	—	ср. 276	ср. 276
273	Dulaụă mai bună-aşa Дуламу совсем хорошую такую,	—	—	—
274	Verde ca foaia de tei, Зеленую, как лист липы,	см. 288	—	—
275	Dă mor' boierii dă iei (bis; 1: *mă*). Мрут бояры по ним, (*мэ*).	см. 289	—	—
276	ср. 272	—		Să-ţ' dau eu hainele mele, Дам тебе я одежды свои,
277	—	—		Să intri în codri cu ele (IV: bis; 2: *măi*). Пойдешь в кодры [к гайдукам] в них, (*мэ*).
278	Fācurăm cu hainili, Сладили с одеждами,	—		Făcurăm cu hainili/toatili, Сладили с одеждами/со всем,
279	—	—		Mai avem cu unili, *măi* Надо еще кое с чем, мэй.
280	Fācem cu căciulili, Сладим [с шапками-] кэчулами:		—	—
281	Să-m' dai-tu căciula ta: Дай мне кэчулу твою:	—		Să-mi dai tu căciula ta, Дай мне кэчулу твою,
282	Mi-e dă surlă afumată, В хижине задымлена,	—	—	—
283	*ho*, E făcută hap în capî, *хо*, Сшита свободно по голове,	см. 294		Că e făcută hap în cap, Сшита свободно по голове.

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
284	Croită pă muşuroi, Скроена на муравейнике,	см. 295	Croită pă muşuroi, Скроена на муравейнике	
285	Cu ochii stîrpiz' la oi, Не отводя глаз от овец,	см. 296	Cu ochii ţînti̧ţi la oi, (III: *măi*) Не отводя глаз от овец, (*мэй*).	
286	Să-z' dau eu chipiu(1) meu (1: bis), Дам тебе шапку мою		ср. 281	ср. 281
287	—	—	Lele-lele, viorea, Леле-леле фиалка,	—
288	см. 274	Verde ca foaia de tei, Зеленую, как лист липы.	ср. 290	ср. 290
289	см. 274	Dă mor boierii de ei. Мрут боеры по ним.	—	—
290	ср. 277	ср. 277, 278	(*Măi,*) Să-ţ dau verde comănac, (*Мэй,*) Дам тебе зеленый [кафтан-] комэнак —	
291	ср. 232	—	—	C-un fir verde ş-altu alb. Одна нить зеленая и другая — белая.
292	—	—	Vezi cu poteră mă bat. Глянь, [в каком] бьюсь со стражей.	
293	см. 281	Să-mi dai tu căciula ta, Дай мне кэчулу	см. 281	см. 281
294	см. 283	E făcută hap în cap, Сшита свободно по голове,	см. 283	см. 283

295	см. 284	Croită pă muşuroi Скроена на муравейнике.	см. 284	см. 284
296	см. 285	Cu ochii stîrpiţ la oi. Не отводя глаз от овец.	см. 285	см. 285
297		Facurăm cu căciulili, Сладили с кэчулами,	ср. 299	ср. 299
298		Şa facem cu opincili, Сладили с [лаптями-] опинчами.	—	—
299	ср. 297	ср. 297		Mai/Hei, făcurăm cu toątili, *mă(i)*, Мэй/Хей, следили со всем, *мэ(й)*,
300	—	—		Mai avem cu unili, *mă(i)*, Надо еще кое с чем, *мэ(й)*.
301		Să-m dai tu opincili te-/tale Дай мне опинчи твои		Să-mi dai opincile tale, Дай мне опинчи твои
302	C-o sută de vîrzovele С сотней завязок —	см. 314		C-o mie de zîrbovele С тысячей завязок
303	Să mă leg şi io cu iele, Повяжусь и я ими.	ср. 315	—	—
304	Să-z' da'-io cizma [de capră], Дам тебе сапоги [из козы],		Să-ţ dau eu cizmele mele (IV: bis) Дам тебе сапоги мои.	
305	—	—		*Măi*, că este cizmă (III: dreaptă) *Мэй*, ведь сапог (настоящий)
306	—	см. 317		De capră stearpă, Из [шкуры] яловой козы,
307	De şapte ani nefătată, Семь лет не рожавшей (козлят],	см. 318		De nouă ani nefătată. Девять лет не рожавшей [козлят]
308	см. 311	см. 319		La vînă cătărămată, Под коленом обвязан,

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
309	Dă rabdă bine la apă. Переносят хорошо воду.	см. 320	Ce rabdă bine la apă, (IV: *măi*). Переносит хорошо воду, (*мэй*).	
310	Să-z' da'-io cizmuliţa mea, Дам тебе сапожок мой,	см. 304	см. 304	ср. 304
311	La vînă cătărămată, Под коленом обвязан,	см. 319	см. 308	см. 308
312	Dă rabdă bine la apă (bis) Переносит хорошо воду.	см. 320	см. 309	см. 309
313	см. 301	*Măi*, să-m' dai tu opincele tale *Мэй*, дай мне опинчи твои	см. 301	см. 301
314	см. 302	C-o mie de vîrzovele, С тысячей завязок,	см. 302	см. 302
315	ср. 303	Să umblu şi ieu cu iele (bis) Чтоб походил в них и я.	—	—
316	ср. 310	Să-ţ dau ieu cizma mea, Дам тебе сапог свой,	ср. 304	ср. 304
317	—	Este făcută de capră stearpă Сделан из [кожи] козы яловой,	см. 306	см. 306
318	см. 307	Dă şapte ani nefătată, Семь лет не рожавшей [козлят],	см. 307	см. 307
319	см. 311	La vînă cătărămată, Под коленом обвязан,	см. 308	см. 308

320	см. 312	De rabdă bine la apă. Выносит хорошо воду.	см. 309	см. 309
321	—	—	Măi, lele-lele viorea, Мэй, леле-леле фиалка,	—
322	*Măi(l)* *Hai*, făcurăm cu cizmele, (I: bis; 2: *mă*; II: *măi*),] *Мэй*/*Хэй*, сладили с сапогами, (мэ; мэй),		ср. 323	ср. 323
323	ср. 322	ср. 322		(*Măi*,) Făcuram cu toatili, (*Мэй*,) Сладили со всем,
324	–	ср. 325		Mai avem cu unili, *măi*! Надо еще кое с чем, *мэй*!
325	—	Sa facem cu altili, *măi*! Сладим с другими [вещами], *мэй*!	ср. 324	ср. 324
326	—	Să-ţ dau eu paloşul meu, Дам тебе палаш свой	—	—
327	—	Să vezi măi, cît e de greu, Глянь, мэй, какой он тяжелый	—	—
328	—	Să-m dai tu măciuca ta, Дай мне дубину твою,	*Măi* (III), Să-mi dai tu măciuca/gîzdoaga ta(III: *măi*), *Мэй*, дай мне дубину/палчищу твою, (*мэй*).	
329	—	—		Că e din buturugă ruptă, Она из корня выломана,
330	—	E din bardă bărduită Она топором обтесана	—	—
331	—	Şi la cap este ghintită, И конец [гвоздями] обит.	ср. 332	ср. 332
332	—	ср. 321		La un cap este (IV: La capete) pîrlită. На конце (на концах) обгорелая.

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
333	—	—	(III: *Măi*,) Să-ţi dau ghinta ghintuită, (*Мэй*,) Дам тебе палицу, [гвоздями] обитую,	
334	—	—	De nouă ani neslujită (IV: *măi*). Девять лет не служившую, (*мэй*).	
335	—	Şi cu ele ce-m făcea? И с теми [другими] что делал?	—	—
336	—	—	(*Măi*,) Făcurăm cu toatili (III: *măi*), (*Мэй*,) Сладили со всем,	
337	—	ср. 325	Mai avem cu unili (III: *măi*): Надо еще кое с чем, (*мэй*).	
338	Ia/Da să-m' dai ş-ăl fluierelî, А дай ты мне и тот флуерел,		Să-mi dai (tu) ăl fluierel, (III: *măi*), Дай мне тот флуерел, (мэй),	
339	Să durlui şi io/eu cu ielî! Чтобы и я на нем гудел!		Să fluier la oi cu el, (III: *măi*), Чтобы я дудел на нем овцам, (мэй),	
340	(Şi) Fluierelu că mi-l loa (îm'da), (И) Флуерел он взял (ему дал),		—	—
341	Ş-începea d-a durduia, И принялся он гудеть,	—	—	—
342	Zece oi că iel avea (bis; 2: *mă*), Десять овец имел при себе, (*мэ*).	—	—	—

343	—	Îmbrăca pă Miu ciobănește Одел [чобан] Миула по чобански	—	—
344	Îmbrăca/Şi pă cioban haiducește! Одел/И [Миул одел] чобана по-гайдуцки!		—	—
345	Ş-pă Miu ciobănește. И Миула [чобан] по-чобански.	—	—	—
346	—	—	Hei, lele-lele viorea, Хей, леле-леле фиалка,	
347	см. 474, 524	ср. 390	Iară Miu ce-mi zicea, *măi*? А Миу что говорил, *мэй*?	
348	ср. 386	ср. 386	— Măi ciobane, dumneata (III: *măi*), — Мэй, чобан ты, (*мэй*)	
349	—	—	Măi, nu-ţ scurtași zilele tale, Мэй, не укоротил ты дней своих	см. 351
350	—	—	Şi le/Tu lungiși p-ale/zilele mele (III: bis), И/Ты удлинил (дни) мои,	
351	—	—	см. 349	Şi nu scurtași pe-ale tale. И не укоротил своих.
352	см. 369	Zori de ziuă se facea, *măi*, Зори дня занимались, *мэй*,	—	—
353	—	—	—	Iară Miu ce-m făcea? А Миу что делал?
354		Oile că/și (III—IV) le lua/păzea (II), (II: *măi*), Овец своих взял/сторожил, (*мэй*),		

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
355	Pă măgură să urca (bis; 2: *mă*), На пригорок взбирался, (*мэ*),	ср. 256	—	—
356	—	—	см. 359	Lele-lele, viorea, Леле-леле, фиалка,
357	—	—	Înspre/Şi-nspre codru mi-apuca. (И) в сторону кодра направлялся.	
358	—	—	Mergea, frate, nu glumea, *măi*. Шел, брат, не шутил, *мэй*.	—
359	—	—	Hei, lele-lele viorea, Хей, леле-леле, фиалка,	см. 349 и др.
360	см. 48, 412	см. 48	Ştefan-vodă ce-mi zicea, *măi* Штефан-водэ что говорил, мэй?	см. 239
361	см. 49	см. 49	—Beţi, măseni, vă-nveseliţi (bis), — Пейте гости, веселитесь,	см. 240
362	см. 50	см. 50	Pîn-la ziuă vă gătiţi, До рассвета снарядитесь,	см. 241
363	см. 53	см. 53	Că facem d-o vînătoare Устроим охоту	см. 242
364	ср. 54	ср. 54	Colo la poiana mare, Там, у поляны большой,	см. 243

365	см. 55	см. 55	După păsări gălbeoare (bis), На птиц желтоватеньких,	см. 244
366	см. 56	см. 56	Că sun bune la mîncare Они вкусные для едения	см. 245
367	см. 57	см. 57	Şi uşoare la culcare. И легкие для спанья.	см. 246
368	—	—	Ei, frate, că se ducea, Они, брат, отправились,	—
369	Zori de ziuă să făcea, (bis) Зори дня занимались,	см. 352	—	—
370	—	Iară Ştefan-vodă ce-m făcea? А Штефан-водэ что делал?	—	Măi, Ştefan-vodă ce-mi făcea? Мэй, Штефан-водэ что делал?
371	—	De dimineaţă să scula, С утра поднимался	—	—
372	—	Pe ochi negri să spăla, Глаза черные умывал,	—	—
373	—	Boierii cu el erea, Боеры при нем были.	—	—
374	—	În trăsuri că să urca, В повозки садились,	—	—
375	Ştefan-vodă că venea, Штефан-водэ подходил,	—	—	—
376	—	—	—	Oştirile le-aduna Войска собирал,
377	După Miu să ducea/că-m pleca. (I: bis) За Миулом шел/отправлялись.		—	Şi-nspre codru că-m pleca. И в сторону кодра отправлялись

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
378	—	см. 146	Mergea, frate, ce mergea, Он шел, брат, шел,	El mergea, frate, mergea, Он шел, брат, шел,
379	см. 253	În pădure că intra, *măi* (bis) В лес вошел, мэй,	см. 253	—
380	см. 255, ср. 383	Pă cioban că mi-l vedea, (bis) Чобана увидел —	—	—
381	—	Oile că le păzea. Овец сторожил.	—	—
382	ср. 383	ср. 384	Cu cioban că să-ntîlnea, *măi*, С чобаном встретился, мэй.	см. 255, ср. 383
383	Şi pă Miu l-întîlnea (bis) И Миула встретил,	ср. 380	*Măi*, ei cu Miu se-ntîlnea, *măi*, *Мэй*, они с Миулом встретились, *мэй*.	Şi cu Miu să-ntîlnea. И с Миулом встретился.
384	—	Şi la el că să-m ducea, măi, И к нему пошел, мэй,	—	—
385	Şi din gură/gur aşa-m' zicea: (II: *măi*), И устами так ему говорил: (*мэй*):		Şi din gură-aşa(-i) zicea: (IV: *măi*), И устами так говорил (мэй).	
386	— Dale mic de ciobănaşî (bis) — Эй малый чобэнаш,	Măi, mic de ciobănaş dumneata, — Мэй, малый чобэнаш ты,	— Mai ciobane, dumneata, (IV: *măi*), — Мэй, чобан ты, (мэй),	
387	Tot umblîn' şi ispîtîndî/-d Всюду бывая и дознаваясь,		—	—

388	ср. 397	Fagu Miului nu l-ai văzut? Бука Миула не видал?	ср. 389	ср. 389
389	Pă Miu nu l-ai văzutî? Миула не видал?	ср. 388		N-ai văzut pe Miu-ncoa? Не видал Миула здесь?
390	—	Iar ciobanu că-i zicea: А чобан ему говорил:	Iară Miu răspundea: А Миу отвечал:	—
391		— Să trăiţi, măria ta (I: bis), — Здравья желаю, величество твое,		
392	Dom'le Ştefan-vodă dumne-ata, Господарь ты Штефан-водэ,	—	—	—
393	Io pă Miu l-am văzutî, Я Миула видел,	—	—	—
394	P-aicea că mi-a trecutî. Здесь он проходил.	—	—	—
395	*măi*, Şi pe-acolo c-am trecutî, *мэй*, И там я проходил.	ср. 396	—	—
396	ср. 395	Eu chiar aseară am trecut Я как раз вчера вечером проходил	—	—
397	Pă la fagu Miului, Возле бука Миула		—	—
398	Stătea/Şedea fagu de-ncărcat Стоял/Был бук увешанный		—	—
399	Numai pietre diamant (I: 3p) Одними камнями алмазами.		—	—
400	—	—		Numai euîi ştiuurma, (IV: bis). Один я знаю его след.

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
401	см. 48, 412	см. 48, 547	Dar Ştefan-vodă ce-i zicea? (III: *măi*), А Штефан-водэ что ему говорил? (*мэй*),	
402	ср. 386	— Mă, da mic de ciobănaş, — Мэ, малый чобэнаш,	—	—
403	—		(III—IV: *Măi,*) Fecior de curvă fuseşi, Мэй, ты, видать, курвин сын,	
404	—		Cum pe nume îmi ziseşi? Как ты по имени меня назвал?	
405	ср. 416		(IV: — Hei,) — Să trăiţi, măria ta, Хей, здравья желаю, величество твое,	
406	—	Noi am avut un popă bătrîn У нас был поп старый	Aveam un tată bătrîn, Был (у меня) отец старый,	
407	—	Şi bătea calea bisericii И топтал он дорогу в церковь	Care bătea calea bisericii, Он топтал дорогу в церковь,	
408	—	Şi citea, măi, evanghelia, И читал, мэй, евангелие,	Şi citea cazania И читал писание	
409	—	Te pomenea şi pe dumneata. Упоминал и тебя.	Şi te pomenea pe dumneata. И тебя упоминал,	
410	—		Şi de aia ţ-/v(III)-am zis aşa (IV: *măi*): Потому я назвал тебя/вас так, (*мэй*):	
411	—	«Ştefan-vodă» «Штефан-водэ».	—	—

412	Dar Ştefan-vodă ce-m zicea, *mă*? А Штефан-водэ что говорил, *мэ*?	см. 48, 547	см. 401, 547	см. 401, 547
413	(1: Da) Nu laşi-tu oiţele? (bis) (А) Не оставишь овечек?	—	—	—
414	—	Iară mic de ciobănaşî: А малый чобэнаш [говорил]	—	—
415	см. 220	—		Iară/Dară Miu ce-i spunea/zicea? А Миу что ему молвил/сказал?
416	— Să trăiz' dom'le Ştefan-vodă, — Здравья желаю, господарь Штефан-водэ,		— Să trăiţ', măria ta, (IV: *măi*) — Здравья желаю, величество твое, (*мэй*)	
417	—	—		Numai eu li şitiu urma. (III: *măi*) Один я знаю его след.
418	—	Eu oi merge pînă colea, Я пойду [с тобой] дотуда,	—	—
419	—	Că mare bacşis mi-i da, Ведь большой бакшиш мне дашь,	—	—
420	Mi-s (Da mi-s) oile-mpărăteşti, (Но) у меня овцы — государевы,		—	—
421	M'/Mă apucă să le plătesc: Меня заставят за них платить:		—	—
422	Că d-oi pierde f-o mieluşea, *mă*, Если потеряю овечку, *мэ*,	De oi pierde p-o mieluşea, Если потеряю овечку,	см. 430	см. 430
423	Slujăsc o vara pă ia (I: *mă*), Служу лето за нее, (*мэ*),		см. 431	см. 430

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
424	D/De-oi pierde f-/p-un mieluşel, Если потеряю барашка,		ср. 432	ср. 428
425	Slujăsc, măi, un an pă el. Служу, мэй, год за него.		см. 429, 431	см. 429
426	Da lasă-ţi tu oştirea ta, *mă*, А ты оставь войско твое, *мэ*	Dacă laşi dumneata oştirea Если оставишь ты войско	Da să (Dar dacă) lăsaţi oştirili (III: *măi*), Но (если) оставьте/вите войска, (*мэй*),	
427	Şi-m păzască turma mea, *mă*, Сторожить мне стадо мое, мэй,		Să-mi păzească oili, (III: *măi*), Сторожить мне овец, (*мэй*),	
428	ср. 424	ср. 424	см. 432, ср. 424	Hei, că dacă pierd un berbecel, Хей, ведь если теряю барашка,
429	см. 425	см. 425	см. 431	Eu slujesc un an pe el, Я служу год за него,
430	см. 422	см. 422	Că/Şi de pierd o mieluşea, (И) если теряю овечку,	
431	ср. 423	ср. 423	(III: Eu) Slujesc un an (doi ani) pă ea, (Я) служу год (два года) за нее.	
432	ср. 424	ср. 424	Şi de pierd un berbecel, И если теряю барашка,	см. 428
433	см. 425	см. 425	Eu slujesc doi ani pe el (bis; 2: *măi*). Служу два года за него, (*мэй*).	см. 429
434	—	Eu oi merge pînă colea, Я пойду [с тобой] дотуда,	—	—

435	—	Mare bacşis că mi-i da. Большой бакшиш мне дашь,	—	—
436	—	—	Măi, foaie verde viorea, Мэй, лист зеленый фиалки,	—
437	—	Ştefan-vodă ce-mi făcea? (III—IV: *măi*) Штефан-водэ что делал? (*мэй*).		
438	Ia vez'/Vezi cît avea (vezi) chip de domnî Глянь-ка, какой был (глянь) вид у него господарский,		Ia dac/?Geaba (c-)avea chip de domn, (IV: *măi*), Но/Зря у него был вид господарский, (*мэй*),	
439	Şi n-avea minte de omî/-m (III—IV) (III: bis) И не было ума человеческого.			
440	Îel lăsa oştirea lui (II: oştirile) Он оставил войско/-а свое (—)		Oştirea că şi-o lăsa; *măi*, Войско свое оставил, *мэй*,	Măi, oştirile le lăsa, Мэй, войска оставил
441	Să-i/Să păzească oili. (I: bis) Сторожить ему овец.		Oili de(—) le păzea, *măi*! Овец ему сторожило/-ли, *мэй*!	
442	Pă ciobănaş/cioban (că) mi-l lua, Чобэнаша/чобана взял,		—	—
443	—	Îar Miu că el era, măi! А это Миу им был, мэй!	—	—
444	—	Iar ciobanu ce-i făcea? А чобан что делал?	—	—
445	—	—	см. 349	Măi, lele-lele viorea, Мэй, леле-леле фиалка,
446	—	—	Iară Miu mi-l lua, *măi*, А Миу его взял, *мэй*,	
447	—	—	Şi cu Ştefan-vodă-m pleca. И со Штефаном-водэ пошел.	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
448	ср. 454	ср. 454	Și mergea, frate, mergea, (bis; 2: *măi*), И шел, брат, шел, (*мэй*),	
449	P-o potecă mi-l/că-l băga, По тропе его повел,		Măi, p-o potică mi-apuca, Мэй, по тропе направился,	—
450	P-o potecă strîmtă, strîmtă, По тропе узкой, узкой	P-o potecă strîmtă și-mboldită, По тропе узкой и укрытой,	Strîmtă foarte și-mboldită, Узкой очень и укрытой,	—
451	Strîmtă multă și-mboldită, Узкой больно и укрытой,	ср. 450	см. 450	—
452	—	—	Cu troscot verde-nvălită, Буркуном зеленым покрытая,	—
453	To dă (Numai de) Miu știută. Одному лишь Миулу известной.		Tot de Miu mi-e știută. Одному Миулу известной.	—
454	Mergea, nene, ce mergea, (bis) Шли, нене, шли,		ср. 252, 448	Mergea, frate, ce mergea, Шли, брат, шли,
455	Iară Miu ce-m' făcea? А Миул что делал?	см. 251, 556	см. 251	см. 251
456	см. 158, 537	Și din gură-așa-mi zicea: И устами так говорил:	Iară Miu ce-i zicea? А Миу что говорил?	Lui Ștefan-vodă că-i zicea: Штефану он говорил:
457	— Dom'le Ștefan-vodă dumneata, *măi*, — Господарь ты Штефан-водэ, мэй,	ср. 447	— Măi, Ștefan-vodă dumneata, — Мэй, ты Штефан-водэ,	

458	см. 391	— Hai, să ţrăiţi, maria ta, — Хей, здравья желаю, величество твое,	ср. 391, 405	ср. 391, 405
459		Ardică (Mai ridicaţi) picioarele, Поднимай (Выше поднимайте) ноги,		Măi, ridică-ţi/Ridică picioarele, Мэй, поднимай ноги,
460		Te love'/Bălăuzesc zmicelele Ударяют/Задевают веточки		Te lovesc zmicelele. Ударяют веточки.
461		Şi ne-/Ne-aude, (măi), cetili, И услышат нас, (мэй), чаты,	—	—
462		Ne taie/sparge capetili! Срубят нам (покалечат) головы!	—	—
463	—	—	Că aici nu mai eşti la Bucureşti, Здесь ты больше не в Бухаресте,	см. 467
464	—	—	Să te mai fuduleşti. Чтобы хвалиться.	см. 468
465	—	—		(Măi, că) Aici eşti la hăţiş, la cărpiniş, (Мэй,) Здесь ты в чаще, в гуще,
466	—	—		Unde n-ai loc de cîrmiş! Где негде обратно повернуть!
467	—	—	см. 463	Nu mai eşti la Bucureşti Ты больше не в Бухаресте,
468	—	—	см. 464	Ca să te mai fuduleşti! Чтобы хвалиться!
469	—	—	см. 463	Nu mai eşti la Bucureşti! Ты больше не в Бухаресте!
470	—	— Înainte, înainte, — Вперед, вперед,	—	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
471	—	Să-ţ' arăt mai multe. Покажу тебе многое.	—	—
472	—	Înainte că mergea, Вперед [они] шли,	—	—
473	ср. 488	La fag, frate, mi-ajungea, К буку, брат, дошли.	—	—
474	Iară Miu ce-m zicea? А Миу что говорил?	ср. 480	см. 415, 456, 495	см. 415, 495
475	— Ştefan-vodă dumeata, — Ты Штефан-водэ,	ср. 447	см. 457, 497	см. 457
476	Cum aseară, la beţie, Вчера вечером ты был пьяный,	см. 498	см. 498	см. 498
477	Dar acuma la trezie А теперь ты трезвый,	см. 499	см. 499	см. 499
478	Ce caţi, cîine, după mine?! (bis) Чего ищешь, собака, меня?!	см. 500	см. 500	см. 500
479	Iară Miu mai spunea, *mă*: А Миу еще говорил, *мэ*:	—	ср. 495	ср. 495
480	ср. 258	Şi din gură-aşa-m zicea: И устами так говорил:	ср. 258	ср. 258, 495
481	см. 391	— Să trăiţ', măria ta, — Здравия желаю, величество твое,	см. 391, 416	см. 391, 416

482	— Stai puţin pîn-acolea, (bis) —Постой чуть тут рядом,	Staţ'puţin, să mă duc eu la fag, Постойте чуть, я пойду к буку,	—	—
483	Să-ţi arăt, domnie, — aşa! (bis; 1 : *mă*) Покажу тебе, господарь, так! (*мэ*).	—	—	—
484	—	D-oi nu l-oi găsi adormit, Может, застану его спящим,	—	—
485	—	Şa ţi-l dau, frate, legat, Дам, брат, тебе его связанным,	—	—
486	—	Ca un mare vinovat. Как большого преступника.	—	—
487	—	Iar ciobanu ce-mi făcea, *măi*? А чобан что делал, *мэй*?	—	—
488	La fagu Miului că mergea, К буку Миула шел,	La fag, frate, să ducea К буку, брат, шел,	—	—
489	Hainele le dezbrăca, Одежды снимал	Lepăda haine ciobăneşti Снимал одежды чобанские	—	—
490	Îmbrăca/Şi-mbrăca haine haiduceşti, Ид одевал одежды гайдуцкие,		—	—
491	Pă potriva codrului (I: bis; 1: *mă*). Подходящие для кодра, (*мэ*).		—	—
492	—	Haiduc, frate, să făcea, Гайдуком, брат, делался,	—	—
493	—	La Ştefan-vodă că mergea К Штефану-водэ шел	—	—

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
494	—	см. 146	ср. 146	Mergea, frate, ce mergea, *măi*, Шел, брат, шел, *мэй*,
495	см. 474	Şi din gură-aşa-m zicea: И устами так ему говорил:	Iară Miu ce-i zicea, *măi*? А Миу что ему говорил, *мэй*?	Şi din gură mai zicea: И устами так говорил:
496	см. 391	— Să trăiţi, măria ta! — Здравья желаю, величество твое!	см. 391	см. 391
497	см. 508	—	— Măi, Ştefan-vodă dumneata, — Мэй, ты Штефан-водэ,	см. 457
498	см. 476, 509	Cum aseară tu, măi, fusei la beţie, Вчера вечером ты, мэй, был пьяный,	Aseară-ai fost la beţie, Вчера вечером ты был пьяный,	
499	см. 477, 510		Dar/da (III) acuma/acum (IV) (III: eş'; IV: eşti) la trezie, Но/А теперь ты трезвый,	
500	см. 478, 511		Ce caţi, cîine, după mine?! Чего ищешь собака, меня?!	
501	Unde palma biş/bici făcea, Ладонью как кнутом (*букв.*: ладонь сделал кнутом),			Măi, palma bici că mi-o făcea, Мэй, ладонью как кнутом
502	Pă Ştefan-vodă (Peste buze) că-l lovea, Штефана-водэ (По губам) ударил,		ср. 503	Şi odată cînd îl lovea, Вдруг как ударил,

503	ср. 502	ср. 502	Şi, frate, cîn' l-atingea, И, брат, достал,	—
504	Buza-n patru că-i crăpa, Губа вчетверо лопнула,	—		Buza-n patru i-o făcea! (IV: bis; 2: *mă*) Губу вчетверо разнес! (*мэ*),
505	Sînge negru că-i cura (I: bis; 1: *mă*). Кровь черная текла, (*мэ*).		—	—
506	—	Şi sîngele că se sleia, И кровь струилась,	—	—
507	Pe caftan ca să/-e sleia (I: bis; 1: *mă*) На кафтане стыла, (*мэ*).		—	—
508	— Dom'le Ştefan-vodă dumneata, — Господарь ты Штефан-водэ,	—	см. 457, 497	—
509	Cum aseară, la beţie, Вчера вечером ты был пьяный	см. 498	см. 498	см. 498
510	Şi acuma, la trezie, А сейчас ты трезвый,	см. 499	см. 499	см. 499
511	Ce caţi, cîine, după mine?! Чего ищешь собака, меня?!	см. 500	см. 500	см. 500
512	—	—	см. 359 и др.	Lele-lele, viorea, (bis; 2: *măi*), Леле-леле, фиалка, (*мэй*),

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
513	Deştia/Deştiu-n gură mi-l băga, (II: *măi*) Палец в рот сунул, (*мэй*),		—	—
514	Şapte viersuri fluiera, Семь свистов просвистел,	ср. 515	ср. 515	ср. 515
515	ср. 514	Şi-ncepea d-a şuera, *măi*, И начал свистеть *мэй*,	Şi-ncepea d-a şuiera (III: *măi*), И начал свистеть, (*мэй*),	
516	—	—	Potera că (—) mi-o aduna, *măi*. Стражу [гайдуцкую] собирал, *мэй*.	
517	Şi cetili (Şapte cete) că-m venea (I: *mă*) И чаты (Семь чат) приходило, (*мэ*),		—	—
518	Tot voinici levinţi, Все войники лихие,	—	—	—
519	Străiori făr dă părinţi, Выросли без родителей,	—	—	—
520	Cu căciule nalte stogoşate Кэчулы высокие, стогоподобные	—	—	—
521	Lăsate pă spate. Сдвинуты назад.	—	—	—
522	De neagră străinătate, От черного одиночества,	—	—	—

523	N-ar', frate, cu cin' să bate. Не с кем, брат, им биться.	—	—	—
524	Iară Miu ce-n' zicea? А Миу что говорил?	ср. 525	ср. 525	ср. 525
525	ср. 524, см. 537	Şi din gură porîncea: И устами он повелевал:	(III: *Măi*,) Şi din gur' aşa(-i) zicea, *măi*: (*Мэй*,) и устами так говорил, *мэй*.	
526	— Nimica să nu-i faceţi, (I: bis) — Ничего ему не делайте,		—	—
527	Drumu, frate, să i-l arătaţi Дорогу, брат, ему покажите	см. 529	см. 529	см. 529
528	Şi-n/În săbii să-l fluturaţi (I: (bis; 2: *mă*) И саблями его обмахайте, (*мэ*).		— În săbii să-mi/-l fluturaţi, (IV: *măi*), — Саблями его обмахайте, (мэй),	III—IV: bis (528–529)
529	см. 527		Şi drumu să-i arătaţi! И дорогу ему покажите!	
530	—	—	Lele-lele viorea, Леле-леле фиалка,	см. 546 и др.
531	Iel cîn' vorba-ast-o zicea, Едва он это слово сказал,	—	—	—
532	—	—	—	Măi, cum sta ei, se gîndea, Мэй, пока стояли они, думали,

Таблица 1 (продолжение)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16.X 1980	IV 16.VIII 1984
533	Surioara că-m sosea, Сестрица объявилась,	—	Sora Miului că venea, Сестрица Миула подошла,	
534	Surioara M ului, Сестрица Миула,	см. 87, 120	см. 87	см. 33
535	Miului, haiducului, Миула, гайдука,	см. 121	см. 88	см. 34
536	—	—	Măi, şi alerga cît putea Мэй, бежала, как могла	Fugea, frate, cît fugea Бежала, брат, бежала
537	Şi din gura-aşa-n zicea; И устами так говорила:	см. 456	Şi din gură-aşa(-i) striga/zicea: И устами так ему кричала/говорила:	
538	— Ei, nene Miule dumneata, — Эй, нене ты Миул,	см. 186	— Nene, nene, Miule, (*măi*), Нене, нене, Миу, (*мэй*),	
539	Ia stai, frate, nu-l tăia! Стой-ка, брат, его не руби!	—	Stai, nene nu (-l) lovi/omorî, (*măi*) Стой, нене, не ударяй/убивай его, (*мэй*),	
540	Unde, frate, s-a văzutî, Где, брат, выдано,	—	—	—
541	Frate, că s-a pomenitî, [Где,] брат слыхано,	—	—	—

542	Să vezi ceru cu doi sori, *mă* Глянь, небо с двумя солнцами, *мэ*,	—	—	—
543	Şi domnia fără domnî?! И господарство без господаря?!	—		Că e ţara fără domn, Страна без господаря
544	—	—	Ca femeia fără om! (III: *măi*) (bis) Что жена без мужа! (*мэй*),	
545	ср. 555	—	Măi, şi Miu că mi-l lăsa, *mă*. Мэй, и Миу его оставил, *мэ*.	—
546	—	—	см. 530 и др.	Măi, lele-lele viorea, *măi*, Мэй, леле-леле фиалка, *мэй*,
547	см. 412	(II: Iar) Ştefan-vodă ce-mi zicea? (III—IV: *măi*) (II: bis; 2: *măi*) А Штефан-водэ что говорил? (*мэй*),		
548	—		— Hăi, d-ale/Măi (III—IV) Miule, dumneata, — Хэй (д-але, мэй) Миу ты,	
549	—	Iartă-mi, frate, greşala, Прости мне, брат, ошибку,	—	—
550	—		Cît oi fi eu în domnie, Сколько я буду в господарстве	
551	—		Să fii şi tu în haiducie! (III—IV: bis) Будь и ты в гайдучестве!	

Таблица 1 (окончание)

	КОНСТАНТИН СТАЙКУ (I—II)		РАДУ ТИЦЭ (III—IV)	
	I 31.III 1966	II 16.X 1980	III 16. X 1980	IV 16.VIII 1984
552	—	El pă Miu că mi-l lua, Он Миула взял,	—	—
553	ср. 557	ср. 557	Pe sora Miului mi-o lua, *măi*, Сестру Миула взял [в жены, *мэй*,	—
554	—	Acasă cu el că-m pleca. Домой с ним отправился.	Şi cu ea, frate, pleca, *măi* И с нею, брат, отправился, *мэй*,	—
555	Nimica că nu-i făcea, Ничего ему не сделал,	—	ср. 544	—
556	см. 455	Iară Miu ce-m făcea? А Миу что делал?	см. 251	см. 251
557	Cu soru-sa-l cununa/logodea, С сестрой своей его обвенчал/обручил,		ср. 558	—
558	ср. 557	ср. 557	Şi cu ea să cununa, И с ней обвенчался,	—
559	La mănastirea domnească. В монастыре господарском.	—	La biserica domnească, В церкви господарской,	—

560	Boieri să să pomenească. У боеров пусть вспоминается	—	Tovară' să pomenească, У товарищей пусть вспоминается,	—
561	La cinstiţi ca dumneavoastră! У чтимых, как вы!	—	La cinstiţi ca dumneavoastră. У чтимых, как вы.	—
562	—	Nunta, frate, că-i facea, Свадьбу, брат, справил,	—	—
563	—	Galele se-nveselea, Кобцы повеселели,	—	—
564	—	Fiindcă sa făcuse iarba. Потому, что взошла трава.	—	—
565	—	—	(III: *Măi,*) Dacă asta nu vă place, (*Мэй,*) Если эта [песня] вам не нравится,	
566	—	—	N-are Radu ce vă face. Не может Раду ничего с вами сделать.	
567	—	—	Mai ziceţi «amin-amin», Скажите еще: аминь-аминь,	
568	—	—	Mai daţi un păhar de/cu vin, (IV: *măi*) Дайте еще по стакану вина, (*мэй*),	
569	—	—	Vă facem altu mai bun! Сделаем вам другую получше!	

Таблица 2

«ЧУРИЛА И КАТЕРИНА»

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I	II	III
	1901 [Миллер, № 84]	28—29.VI 1931 [Сок. —Чич., № 151]	29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
1	Еще кто-то там у сенцей колотится?	Ср. 2	Ище кто-то у сенцéй,
2	Ср. 1	А ще (— —) кто у ворот то-/теперь колотится/-тца?	
3	(II: А) Колотится Щурилушко/Щурила/Чурило (II—III: свет) (Щи(II—III:Ща-)пленкович		
4	Ай (II—III:—) Щи(II—III:Ща-)пленкович Щи-/Ща-/Щеголенкович		
5	Выходила Катерина Николаевна		
6	См. 11	См. 11	См. 11
7	В одной тонкой рубашечке/сорочечке (II) без пояса,		
8	В одных/-их (II—III) белыех/беленьких/белых чулочиках/-чках (II—III) (II—III: без чоботов),		
9	У ей/ней (II) женскии/женьские/женские волосы приубраны/-ныи/-ные,		
10	Ай (II—III:—) Приубраны/-ныи/-ные да (II—III:—) приучесаны/-ныи/-ные,		
11	Отпирала/Отворяла (II) воротца/-цы (I) раскатистые/распахистые/раскатястые,		
12	Запускала (II: Запущала) Щурилушку (II: Щурилу свет) Щи(II—III: Ща-)пленковича.		
13	См. 4	См. 4	См. 4
14	У Щурилушки шляпонька/шляпа (II—III) ушистая/пушистая (III),		
15	Ай, ушиста, пушиста, навесиста,		Пушиста, ушиста, надвиниста,
16	Ай, попереди с-под шапки (II: А и спереду, поди и; III: Спереду спод шапки) — очей не видать,		
17	Ай (II—III: —), позади спод/из-под (II) шапки — белой шейки		
18	Говорила Катерина Николаевна:	Ср. 25	Ср. 25
19	— Ай още же вы, Щурилушка,	См. 26	См. 26
20	Вчерась не бывал?	См. 26	См. 26
21	А сахарныи ества не едены стоя,	См. 27	См. 27
22	Медвяныя питва не питые.	См. 28	См. 28

<table>
<tr><th colspan="3">РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)</th></tr>
<tr><th>IV
1927
[Аст., II, Прил. I, № 8]</th><th>V
23.VIII 1931
[Аст., II, № 137]</th><th>VI
1936
[Ряб.-Андр. П. И., № 8]</th></tr>
<tr><td>Ср. 2</td><td>Ср. 2</td><td>Ср. 2</td></tr>
<tr><td colspan="3">А ще кто у ворот теперь колотитца/-тся (VI)?</td></tr>
<tr><td colspan="3">А колотитца/-тся (VI) Чурилушка Щепленкович,</td></tr>
<tr><td colspan="3">А Щепленкович да Щеголенкович.</td></tr>
<tr><td colspan="3">Выходила Катерина Николаевна,</td></tr>
<tr><td>Отворяла воротца раскатистыя,</td><td>См. 11</td><td>См. 11</td></tr>
<tr><td>—</td><td colspan="2">В одной тонкой рубашечки/-ке без пояса,</td></tr>
<tr><td>—</td><td colspan="2">В одных/-их тоненьких/тонкиих чулочиках/-чичках без че-/чоботов,</td></tr>
<tr><td>У ней женския волосы не убраныя,</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>См. 6</td><td colspan="2">Отворяла воротца раскатестые/-тистые</td></tr>
<tr><td>Запускала Чурилу на широкий двор.</td><td colspan="2">Запускала Чурилушку Щепленковича,</td></tr>
<tr><td>См. 4</td><td colspan="2">А Щепленковича да Щеголенковича.</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>Гаварила Чурилы таковы слова:</td><td>См. 74</td><td>—</td></tr>
<tr><td>— А ще што же ты, Чурилушка</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>вчера не пришел?</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>Мои ествушки стоят да не еденыя,</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>А ведь питвица стоят да не выпитыя.</td><td>—</td><td>—</td></tr>
</table>

Таблица 2 (продолжение)

	I	II	III
	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	1901 [Миллер, № 84]	28—29. VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	29. VII 1931 [Аст., II, № 111]
23	(III: Она) Брала его за белу руку.		
24	(Че-III) Целовала во уста его/во (II) сахарные/-нии/-ния.		
25	Ср. 18	Говорила при том таковы слова:	
26	См. 19—20	— А ще что ты (Ах ще же ты), Щурилушка/-о, вчерась не бывал?	
27	См. 21	Сахарные/-ии ества не едены/-ины стоят,	
28	См. 22	Да (—) медвяные пивá — не питыи/-е!	
29	Проводила Щурилушку Шипленковича,	—	—
30	Раздевала Щурилу Щипленковича,	—	—
31	Сама шляпоньку взяла и на гвоздик клала,	Ср. 45	См. 47
32	Перчатки взяла и на полочку клала	—	—
33	Кунью шубку сняла — на стопочку клала,	См. 46	См. 46
34	Сапожки розула — на место клала.	См. 48	См. 48
35	Садила Щурилушку Щипленковича,	—	—
36	Ко столу садила ко честному,	—	—
37	Ко яствам садила, ко сахарниим.	—	—
38	Сама молода ко добру коню пошла,	—	—
39	Ворона коня взяла — во сараец (II, III: сама во стойла/-о) провела		
40	Золоту сбрую взяла — на стопочку клала,	См. 43	Золоту сбрую взяла, на стопочку клала,
41	Коня доброго взяла — во стойло провела,	Ср. 39	См. 39
42	Скатны саночки взяла — (да) во/на сараец клала/сволокла,		—
43	См. 40	Золоту сбрую сняла — да на стопочку склала,	См. 40

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23. VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
—	—	—
—	—	—
—	—	—
См. 19—20	—	—
См. 21	—	—
См. 22	—	—
—	—	—
—	—	—
—	Ср. 45	—
—	—	—
—	—	—
—	См. 48	См. 48
—	—	—
—	—	—
—	—	—
—	—	—
—	Ворона коня взяла да во стойло/-а провела,	
—		Золоту сбрую сняла да на гвоздик клала,
—	См. 39	См. 39
С катны саночки взяла (да) на сараец/сарай сволокла,		—
Золоту сбрую взяла да на стопочку/гвоздочек (по)клала.		См. 40

Таблица 2 (продолжение)

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I 1901 [Миллер, № 84]	II 28—29. VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	III 29. VII 1931 [Аст., II, № 111]
44	—	Шелкову́ плетку́ взяла — да на гвоздики клала,	—
45	Ср. 31	Пухову́ шляпу́ взяла — да на полоцьку клала,	См. 46
46	См. 33	Кунью шубочку/-оньку сняла — да (—) на полоцьку/-чку клала,	
47	Ср. 31	См, 45	Пухову́ шляпу́ взяла, на полочку клала,
48	См. 34	Сапожки разула — на место клала,	
49	—	См. 44	—
50	(II: А) Щурилушку за ручку в нову спальню провела,		
51	—	Сама молодая/ да со Щурилой спать легла.	
52	Прибежала/-гала (III) (II: тут) девушка чернавушка,		
53		Говорила таковы слова:	
54	См. 18	—	—
55	— Ай, не ладно ты, Щурило, это делаешь,	Ср. 56	Ср. 56
56	Ср. 55	Ты не к месту, Щурила, приехал сюда,	
57	См. 81	— Убирайся отсюли да со спальни долой,	См. 81
58	—	—	Уезжай-ко от нас, уезжай сейчас совсем от нас.
59	Я пойду ли схожу ко божьим церквам,	—	—
60	Ко божьим церквам да к золотым ключам,	—	—
61	—	—	—
62	—	—	—
63	—	—	Ср. 51

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст,., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
Шелкову́ плетку́ взяла да на гвоздик клала.	См. 49	Шелкову плетку взяла да на полочку клала.
—	А ведь шапочку соболью на полочку клала	—
—	—	—
—	Ср. 45	—
—	А сапоженьки сафьянны/-ныя на лавочку клала.	
См. 44	Шелкову плеточку взяла да на гвоздичек клала	См. 44
А Щурилушку за ручку в нову спальню провела.		
—	В нову спальню провела, да со Чурилой спать легла.	
—	Приходила тут (V: Тут приходит; VI: А была тут) девушка чернавушка,	
Говорила тут (—) девушка чернавушка,		—
—	Говорила Катерине Николаевне.	—
Ср. 56	—	—
— А не к месту, Чурилушка, сюда ты пришел.	—	—
—	—	—
—	—	—
—	—	—
—	—	—
—	— А не дело, Катеринушка, ты в спальню завела,	Ср. 50
—	А не дело, Катеринушка,	—
—	ты со Щурилой спать легла,	Ср. 51

Таблица 2 (продолжение)

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I 1901 [Миллер, № 84]	II 28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	III 29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
64	—	Я/То (III) пойду скажу Ермы/Ерма́ку (II) сударь (II—) (II: да) Васильевичу!	
65	Ср. 109	Ср. 109	Ср. 109
66	Ср. 110	Ср. 110	Ср. 110
67	Ср. 4	Ср. 4	Ср. 4
68	Говорил (II: Говорит тут; III: Говорил-то) Щурилушко (II: Щурила свет; III: Щурило) Щи (II—III: Ща-)пленкович:		
69	Ср. 4	Ср. 4	Ср. 4
70	—	— Ай же ты, девушка чернавушка,	—
71	— Ай, не сказывай, девка, сарафан куплю,	См. 73	См. 73
72	Ай (II—III: —) Не сказывай, девка, башмаки сошью/ /куплю (III)		
73	См. 71	А (—) не сказывай, девка, сарафан куплю,	
74	Не сказывай (II: А не скажико-се; III: Не рассказывай), девушка, (III: даже) замуж возьму!		
75	Осерчала/Рассердилась/Осердилась Катерина Николаевна.		
76	—	—	На тую на девушку чернавушку,
77	(II: Ай) Ударила девушку/ею́ (III) по/на (III) право́й щеки́,		
78	По правой щеке, по другой стороне,	Переправила девушку/ потом по другой щеки́/ стороны,	
79	Говорила Катерина Николаевна:	Говорила она да/то (да) таковы слова:	
80	—	—	— Ай же ты, мержа неученая,
81	— Выходи/Уходи (II—III) с добра (II:— —) со спальни долой,		
82	—	А тиби-то он (Тиби мой Чурила) не достанется,	
83	Ай, сама (Сама я), Катерина, сарафан сношу,		См. 85

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
Я пойду, скажу, скажу (—) сударь/ Ермы Васильевичу,		—
См. 109	Что в его спальне гостья нелюбимая,	См. 109
См. 110	Нелюбимый гость Чурилушка Щепленкович,	См. 110
См. 68, 111	Щепленкович да Щеголенкович.	См. 111
Говорил тут Чурилушка Щепленкович,	—	—
А Щепленкович да Щеголенкович:	См. 66	—
—	—	—
— Ай, не сказывай-ка, девка й, сарафан сошью,	—	—
Ай, не сказывай-ка, девка й, башмачки куплю,	—	—
См. 70	—	—
А не сказывай-ка, девка й, замуж я возьму!	—	—
Говорила Катерина й Николаевна:	—	—
—	—	—
Ср. 88	Ударила ее по левой щеке,	—
См. 89	Переправила ее да по другой стороне.	—
—	—	—
— Ай же, меризь ты да неученая,	—	—
—	—	—
—	— А тебе да мой Чурила не достанитца.	—
См. 85	—	—

Таблица 2 (продолжение)

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I 1901 [Миллер, № 84]	II 28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	III 29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
84	Ай (II: А; III: —) сама (II—III: я), Катерина, башмачки стопчу,		
85	См. 83	См. 83	Сама я, Катерина, сарафан сношу,
86	Ай/А (II—III) сама (II—III: я) Катерина/-ринушка (II) (III: —; и) замуж пойду.		
87	—	За Щурилушку/Щурилу да (—) Щапленковича.	
88	См. 77	См. 77	См. 77
89	См. 78	См. 78	См. 78
90	Ай/Тут (III: —) заплакала девушка чернавушка,		
91	—	А заплакала она горючьмы слезьмы,	—
92	—	—	—
93	По-/При-Забежала она (III: скорешенько) ко божьим/-жьей церквам/-квы(II),		
94	Ко божьим церквам, золотым ключам,	—	—
95	—	—	—
96	—	—	—
97	—	—	—
98	—	—	—
99	Забегала/-жала она (II: —) (III: скорешенько) в церковь божию,		
100	Ср. 93	Ср. 93	Ср. 93
101	Ай (II—III: —) Крестила глаза на святителей/-ля (III)		
102	Подбегала к Ерму, сударь, Васильеичу,	Подходила к Ермаку к сударь Васильевичу,	Подходила ко Ермы судар Васильевичу,
103	Ай (II—III: —) Смотрела она на его/нево (II—III) (II—III: она) прямешенько.		

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Рябн.-Андр. П. И., № 8]
А сама я Катерина й башмачки снашу,	—	—
А сама я Катерина й сарафан снашу,	—	—
А сама я й Катеринушка й замуж пойду.	—	—
—	—	—
Тут ударила ее по правой щеке,	Ср. 77	—
Переправила ее по другой стороне,	См. 78	—
Тут заплакала девушка чернавушка,		—
—	—	—
—	Выходила она да со спальни долой,	—
Да й бежала она к церкви божией	Поскорешенько/-ку побежала/бежала ко божьей церкви,	
—	—	—
—	Тая ли девушка чернавушка,	—
—	—	Подбегала к церкви близешенько,
—	Скоро наскоро бежала в паперть божию,	—
—	Поскорешеньку идет по паперти божией,	—
(V: Поскорешеньку) Заходила в церковь божию,		В церковь заходила поскорешенько,
—	Поскорешеньку побежала по церкви божией,	Ср. 93
—	—	—
Шла к Ермы тут сударона Васильевичу,	Подходила к Ермы Васильевичу:	А к Ермы-суда́рю шла она прямешенько,
—	—	—

Таблица 2 (продолжение)

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I 1901 [Миллер, № 84]	II 28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	III 29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
104	—	См. 53	См. 53
105	См. 53	Говорила она да таковы слова:	—
106	— Ай же ты Ермак сударь Васильевич,	— Свет мой, сударь Ермак Васильевич,	— Ай же, Ермак, сударь Васильевич!
107	—	—	—
108	—	—	—
109	У вас (II: У тебя-то) в доме гости есть (III:—) не милые/-ыя (II)		
110	Ай (II—III:—) Не милый/ой (II) гость Щурила/-ло (II) свет Щи(II—III: Ща-)пленкович,		
111	—	—	—
112	Говорил в ответ (Отвечал ей) Ермак сударь Васильевич:		Говорил в ответ Ерма свет Васильевич:
113	— Ай (II: Ну до та й; III: Ну во тай) же ты, девушка чернавушка,		
114	Если правду говоришь — сарафан куплю,	См. 116	См. 116
115	Ежли/Буде (II—III) правду говоришь — башмаки сошью/куплю (III)		
116	—	Буде правду говоришь — сарафан куплю,	
117	Ежли/Буде правду говоришь — тебя замуж возьму,		Буде правду говоришь — даже замуж возьму,
118	Ср. 117, 114	Ср. 117, 116	Ср. 116, 117
119	Ср. 114	Ср. 116	Ср. 116
120	А неправду говоришь — (II—III: так/тебе) буйну голову срублю.		
121	—	—	Разгорелось в тую пору, в тое времечко,
122	Разгорелось у Еремушки/Ермолушки/-ка сердечушко/-ченько (II—III),		
123	Расходилась сила богатырская,		

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
Становилась пред ним она бодрешенько	—	—
Гаварила Ермы сударь Васильевич':	—	Говорила Ермы-сударь Васильевичу:
—	— Ай ты, сударь Васильевич!	— Ай же ты, Ерма-суда́рь Васильевич!
—	А ты в церкви стоишь да богу молишься,	—
—	Над собой невзгодушки не ведаешь,	—
— А ведь гости у тя есть не милыя,	У тебя есть в спальне гостья нелюбезная,	У тебя-то гости есть немилые,
А не милый гость Чурилушка Щепленкович,	Нелюбимая Чурилушка Щепленкович.	А немилой гость Чурилушка Щепленкович,
А Щепленкович да Щеголенкович.	—	А Щепленкович да Щеголенкович.
Отвечает Ермы сударь Васильевич:	Говорит тут сударь Ерма Васильевич:	Говорит Ерма-сударь Васильевич:
— Ай же девушка да ты чернавушка,	— Ай же ты, девушка чернавушка,	
См. 116	Ср. 118	—
Если правду говоришь — башмаки куплю,	—	—
Если правду говоришь — сарафан сошью,	Ср. 118	—
Если правду говоришь, — дак даже и (V—VI: так тебя) замуж возьму,		
См. 116	Тебе замуж возьму да сарафан сошью,	Ср. 117
—	Сарафан сошью да башлычек куплю,	—
А неправду говоришь, да (V—VI: —; так тебе) голову срублю.		
—	—	—
—	—	—
—	—	—

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I 1901 [Миллер, № 84]	II 28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	III 29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
124	Ай крестил глаза да на святителей,	—	—
125	—	—	—
126	Выходил в тот час со божьей церквы,		Выходил скоренько со божьей церквы,
127	Выходил скоренько на широкий двор,	—	—
128	(II: А) Садился скорее/-ренько (II—III) на добра коня,		
129	Брал во ручку (II: Уж брал во праву руку) плетку шелкову/-ую (III)		
130	Выезжал тотчас с широка двора,	—	—
131	Ср. 134	Ср. 134	Ср. 134
132	Не воротами поехал широкима,	См. 136	См. 136
133	Ай скочил через стену городовую,	См. 137	См. 137
134	Подъезжал к своему двору широкому,	Подъежжал ко двору широкому,	Подъезжал скоро ко свому широку́ двору,
135	Приблизился к (II: Ко своей-то; III: К своей) полаты/палаты (II—III) белокаменной.		
136	См. 132	Не воротами проехал он широкима,	Не воротимя въехал широкимя,
137	См. 133	Скочил через стену городо́вую,	
138	—	Выходил скоренько (II: А слезал-то скорея; III: Слезал скоренко) со/с (II) добра коня,	
139	—	Спускал-вольил коня (III: Спустил коня вольня) на широкий двор,	
140	Подходил к воротам решетчатым/раскатистыим/-стым,		
141	—	—	Постучался Ерма Васильевич.
142	—	А (—) кто же (—) у ворот теперь колотится?	
143	(Ай) Колотится Ермак сударь Васильевич.		Колотится Ерма свет Васильевич.

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
—	—	—
Повернулся Ермы судар (судар Ерма) Васильевич,		—
А из церквы пошел он со божьей,	Поскорешенько/-ку идет/пошел по/со церкви божией,	
Выходил он из церкви на широкий двор,	—	—
Да й садитса поскорешенько на добра коня,	Поскорешеньку садится (Скоро-наскоро садился) на добра коня;	
—	—	—
—	—	—
Да й поехал к себе к широкому двору,	Поскорешеньку едит на широкий двор,	—
—	—	—
Да скочил он через стену городовую,	—	—
Ср. 131	Ср. 131	—
—	—	—
—	—	—
—	—	—
—	—	—
Спускает коня на широкий двор,	—	—
Подходил он к воротам решотистым,	Подъезжает к воротам раскатестым,	Подъезжал он к воротцам раскатистым,
—	Он стучится в ворота раскатесты,	Постучался в воротцы раскатистые.
См. 147	См. 147	См. 158
См. 148	См. 148	См. 159

Таблица 2 (продолжение)

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I	II	III
	1901 [Миллер, № 84]	28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
144	Выходила Катерина Николаевна		
145	—	—	—
146	—	—	—
147	Аще кто у ворот колотится?	См. 142	См. 142
148	Колотится Ермак сударь Васильевич.	См. 143	См. 143
149	Ср. 150	—	—
150	Отворяла воротца раскатисты,	Ср. 140	Ср. 140
151	—	—	—
152	См. 7	В одной тоненькой/тонкой сороцецьке/рубашечке без пояса,	
153	См. 8	В одних беленьких/тононьких чулочках/-чечках без чо(ча-)ботов,	
154	У ей женскии/-ньськие/-кия волосы растрепаны/-ныи/-ныя		
155	Ай растрепанные, прираспущенные.	Ср. 156	Прирастрепаныя, прираспудряныя,
156	—	У ней волосы прираспудряныи,	Ср. 155
157	См. 169, 177	Ср. 169	Ср. 169, 195
158	См. 147	См. 142	См. 142
159	См. 148	См. 143	См. 143
160	—	—	—
161	Ср. 150	—	—
162	Ср. 150	—	Открывала воротья раскатисты,

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
Выходила Катерина (IV:й) Николаевна		
Говорила таковы слова:	Ср. 146	—
Ср. 145	Пословесно сквозь ворота высказывала:	—
— А ще кто у ворот теперь колотитца?	— А ще хто у ворот теперь колотитца?	См. 158
А колотитца Ермак Васильевич.	А колотитца да сударь Ерма Васильевич.	См. 159
—	Открывала Катерина Николаевна,	См. 161
—	Тее ли воротца раскатесты,	Ср. 140, 141
—	Запускала Ерма сударь Васильевича.	—
—	См. 7	В одной тонкой рубашечке без пояса,
—	См. 8	В одних тонких чулочиках, без чеботов,
Ср. 9	—	У ней женские волосы распущенные.
—	—	—
—	—	—
Ср. 169, 189	Ср. 189, 232	Говорила Катерина Николаевна:
См. 147	См. 147	— Еще кто у ворот теперь колотится?
См. 148	См. 148	А колотится Ерма-сударь Васильевич,
—	—	А колотится да взад не воротится.
—	См. 149	Отворяла Катерина Николаевна,
—	Тее ли ворота раскатесты,	Она наскоро воротца раскатистые.

Таблица 2 (продолжение)

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I 1901 [Миллер, № 84]	II 28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	III 29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
163	—	—	Запускала Ерма свет-Васильевича.
164	Говорит то/тут/-Ермак сударь (II: сударь свет; III: свет) Васильевич:		
165	Ср. 164	Ср. 164	Ср. 164
166	—	—	—
167	Ср. 109	Ср. 109	См. 109
168	— Катерина, это что? Николаевна/-ёвна, что?		— Катерина, ты што? А Николаевна, на што?
169	Говорила/отвечала Катерина Николаевна/-ёвна:		Отвечала Катерина
170	— Вот мни теперь что-то не здоровится,	— Вот (—) мни/мне топерь (—) что-то худо можеться/-ится,	
171	Не здоровится, худо можется.	Худо можеться да нездоровится...	Совсем нездоровится.
172	Входит Ермак сударь Васильевич,	—	—
173	В сараец вошел — скатны саночки нашел.	Он на сараечек пришол— скоры саночки нашол.	На сараец пришел, сани у́видал.
174	Аще говорит Ермак сударь Васильевич:	—	—
175	Аще (А что) этаки/-кие я (—) саночки/сани у Чурилушки видал!		— Я таки́ сани́ у Щурилы видал,
176	Катерина, это что? (Да) Николаевна/-ёвна, (да) что?		—
177	Говорила Катерина Николаевна:	—	Отвечала Катерина Николаевна:
178	— Ай (II—III: —) вчера/-ась (III) ездил мой братец (II: со Щурилой) во чисто поле,		
179	Со Щурилушкой (II: мы) санками/санькамы (II) сменялися.		
180	Он в о стойло прошел да ворона коня нашол.	См. 198	См. 198
181	— Аще эдаку лошадку у Щурилушки видал!	См. 199	См. 199
182	Катерина, это што? Николаевна, што?	См. 200	См. 200

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Рјб.-Андр. П. И., № 8]
—	Запускала Ерма сударь Васильевича.	—
—	Дак тут сударь Ерма Васильевич.	Говорит Ерма-сударь Васильевич:
—	Говорит ен Катерине Николаевне:	—
—	—	— Ай же ты, Катерина Николаевна,
См. 109	Ср. 109	У тебя есть в доме гости немилые.
— Катерина, это што, Николаевна, што?	См. 182	См. 182
Николаевна:	—	—
— А ще что-то худо мне севодни можетца,	—	—
Худо можетца да нездоровитца.	—	—
—	—	—
См. 186	См. 186	—
—	—	—
—	См. 187	—
—	—	—
См. 189	—	—
См. 190	См. 190	—
См. 191	См. 191	—
Он во стойло вошол — ворона коня нашол.	—	Он во стойло зашел — ворона коня нашел.
—	— Еще эдаку лошадку я у Чурила видал.	—
— Катерина, ето што, (да)	Николаевна, ето што?	Катерина, это что? Николаевна, что?

Таблица 2 (продолжение)

	I	II	III
	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	1901 [Миллер, № 84]	28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
183	Говорила Катерина Николаевна:	Ср. 169	Ср. 169
184	— Вчерась ездил мой братец во чисто поле,	См. 201	См. 201
185	Со Щурилой лошадкамы сменялися.	См. 202	См. 202
186	См. 173	См. 173	См. 173
187	См. 175	См. 175	См. 175
188	См. 176	См. 176	См. 168 и др.
189	См. 177	См. 169 и др.	См. 169 и др.
190	См. 178	См. 178	См. 178
191	См. 179	См. 179	См. 179
192	Он на стопочку с-/згянул — золоту сбрую нашел.		На стопочку взглянул, сбрую нашел.
193	— Аще (А что) этакую сбрую у Чурилушки видал.		— Я таќу сбрую́ у Чурилы видал
194	Катерина, это што? Николаевно, што?	Ср. 200	Катерина, это/ето
195	Ср. 183	См. 169	Отвечала
196	— Вчерась/-ра ездил мой братец во чисто полё,		—
197	С/Со Щурилушкой/-рилой сбруямы/-уей (мы) сменялися.		
198	См. 180	Он во стоила (В стоило) пришел, да (—) ворона коня нашол.	
199	См. 181	— А что этаку лошадку (Таково́ коня) у Чурилушки/Щурилы видал.	
200	См. 182	Катерина, это что/што? Николаёвна, (на) что/што?	
201	См. 184	— Вчера (—) ездил мой братец во чисто́ полё	
202	См. 185	Со Щурилой/-лушкой конем мы (—) сменялися.	
203	Он на стопочку взглянул —	См. 225	Он на стопочку взглянул —
203а	кунью шубоньку нашел.	См. 225а	кунью шубоньку нашол.

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
Отвечала Катерина Николаевна:		
— Вчера/-рась (VI) ездил мой братец во чисто поле,		
Со Чурилушкой конемы/-нями (V—VI) сменялися.		
На сарай е (Он в сараец) зашол, скатны саночки нашол.		—
—	— Еще эдакие санушки я у Чурилушки видал.	—
Катерина, это што? Николаевна, што?	Ср. 205	См. 182 и др.
Отвечала/говорит Катерина Никалаевна:		См. 183 и др.
— Вчера ездил мой братец во чисто полё,		См. 217
Со Чурилушкой санемы/-ками сменялися.		—
Он на стопочку взглянул, золоту сбрую нашел.		—
—	— Еще эдакую сбруйку я у Чурилушки видал.	—
(IV—V) што? Николаевна, это/ето (IV—V) на што?		См. 221
Катерина Николаевна:	См. 189	См. 222
— Вчера ездил мой братец во чисто полё,		См. 217
Со Чурилушкой сбруемы/-ечками сменялися		—
См. 180	—	См. 180
—	См. 181	—
См. 182 и др.	См. 194 и др.	См. 182
См. 184	См. 184	См. 184
См. 185	См. 185	См. 185
—	Он на гвоздик зглянул —	Ср. 215
—	кунью шубу нашел.	См. 216

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I 1901 [Миллер, № 84]	II 28–29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	III 29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
204	— Аще эдакую шубу у Щурилушки видал!	См. 226	— Этаку я шубу у Щурилы видал!
205	Катерина, это што? Николаевна, што?	Ср. 200	Катерина, это што? Николаевна, на што?
206	Ср. 177	—	См. 169
207	— Вчерась ездил мой братец во чисто поле,	См. 228	— Вчерась ездил братец во чисто полё,
208	Со Щурилой шубами сменялися.	Ср. 229	Ср. 214
209	—	—	—
209а	—	—	—
210	См. 182 и др.	См. 200	См. 200
211	—	См. 169	См. 177
212	—	См. 201	См. 207 и др.
213	—	—	—
214	—	См. 229	Одним словом всим (—)
215	См. 203	См. 203	См. 203
215а	См. 203а	См. 203а	См. 203а
216	См. 205	См. 205	См. 205
217	См. 207	См. 178, 196	См. 207
218	См. 208	—	Ср. 214
219	Ай/Он на гвоздик взглянул — (да) пухову́ шляпу́ нашол.		—
220	Аще (А что) этаку(ю) я (—) шляпку/-пу у Щ/Чурилушки видал.		—
221	См. 176 и др.	См. 176, 182, 200	См. 168, 200

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
—	— Еще эдакую ˈшубку я у Щурилушки видал.	—
—	Катерина, ето што, Николаевна, это што?	См. 182
См. 195	Отвечала Катерина Николаевна:	—
См. 196 и др.	—ˈВчера ездил мой братец во чисто полё,	См. 217
—	Со Чурилушкой шубками сменялися.	См. 218
Он на гвозди взглянул —	См. 230	Он на полочку взглянул,
шолкову́ плетку́ нашол.	См. 230а	шелкову́ плетку́ нашел.
— Катерина, ето што, Николаевна, што?	См. 232	— Катерина, ˈэто что? Николаевна, что?
Отвечала Катерина Николаевна:	См. 233	Отвечала Катерина Николаевна:
— Вчера ездил мой братец во чисто полё,	См. 234	— Вчерась ездил мой братец во чисто полё,
Ср. 214	См. 235	Со Чурилушкой плетками сменялися.
со/с Щ-/Чурилушкой по-/сменялися.	Ср. 235	Ср. 213
—	См. 203	Он на стопочку взглянул,
—	См. 203а	кунью шубоньку нашел.
См. 210 и др.	См. 205	— Катерина, это что? Николаевна, что?
См. 184, 190	См. 207	— Вчерась ездил мой братец во чисто полё,
—	См. 208	Со Чурилушкой шубками сменялися.
—	Он на полочку взглянул, соболью/пухову шапочку/шляпу нашел.	
—	— Еще эдакую шапочку я у Чурилушки видал!	—
См. 182, 188	Катерина, ето/это што/что, Николаевна, это (—) што/что?	

Таблица 2 (продолжение)

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I 1901 [Миллер, № 84]	II 28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	III 29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
222	Ср. 177 и др	См. 178, 201	См. 169, 177
223	— Вчерась ездил мой братец во чисто поле,	—	См. 178, 201
224	С Чурилушкой шляпами сменялися.	—	—
225	См. 203	Он на стопочку взглянул —	См. 203
225а	См. 203а	да кунью шубоньку нашол:	См. 203а
226	См. 204	— Вот и этакую шубу у Чурилушки видал.	См. 204
227	См. 205	Катерина, это что? Да Николаевна, что?	См. 205
228	См. 207	— Вчера ездил мой братец во чисто полё,	См. 207
229	См. 208	Одним словом, с моим братцем мы сменялися.	—
230	—	—	—
230а	—	Ср. 44	Ср. 44
231	—	—	—
231а	—	Ср. 226	—
232	См. 182, 205	См. 200, 227	См. 168, 200
233	Ср. 183	См. 169	См. 169, 177
234	См. 178 и др.	См. 178 и др.	См. 178. 201
235	—	—	—
236	—	—	—
236а	Ср. 34	—	—
237	См. 182, 205	См. 200, 227	См. 160, 200
238	Ср. 183	См. 169	См. 169, 177

РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П.И. (IV—VI)

IV 1927 [Аст., II, Прил. I, № 8]	V 23.VIII 1931 [Аст., II, № 137]	VI 1936 [Ряб.-Андр. П. И., № 8]
См. 184, 190	Отвечала Катерина Николаевна:	
См. 184, 212	— Вчера/-расъ ездил мой братец во чисто поле,	
—	Со Чурилушкой шапочками/-пками сменялися.	
—	См. 203	См. 215
—	См. 203а	См. 215а
—	См. 204	—
См. 182	См. 205	См. 216
См. 184, 212	См. 207	См. 217
См. 214	См. 214	—
См. 209	Он на гвоздик взглянул,	См. 209
См. 209а	шелкову плеточку нашол.	См. 209а
—	— Еще и эдакую плеточку	—
—	я у Чурилушки видал	—
См. 210	Катерина, это што, Николаевна, это што?	См. 210
См. 211	Отвечала Катерина Николаевна:	См. 211
См. 212	— Вчера ездил мой братец во чисто́ полё,	См. 212
Ср. 224	Со Чурилушкой плеточками сменялися	См. 213
—	—	Он на лавочку взглянул,
—	—	там сапожки нашел.
См. 188	Ср. 205	— Катерина, это что? Николаевна, что?
См. 189	См. 206	Отвечала Катерина Николаевна:

Таблица 2 (окончание)

	БОГДАНОВА (ЕРЕМЕЕВА, ЗИНОВЬЕВА) Н. С. (I—III)		
	I	II	III
	1901 [Миллер, № 84]	28—29.VI 1931 [Сок.—Чич., № 151]	29.VII 1931 [Аст., II, № 111]
239	См. 178 и др.	См. 178 и др.	См. 178, 201
240	—	—	—
241	В нову спальню он (II—III: Он во спальню) пришел/-шол (II—III),		
242	там/да (II) Ч(II—III: Щ)урилушку нашел/-ол (II—III),		
243	— Катерина, это што/кто (II)? Да (III: —) Николаевна/-ёвна/-лавна, што/кто/хто?		
244	—	—	Тут молчала Катерина Николаевна.
245	—	—	—
46	См. 122	Разгорелось у Ермолушки (Расходилось ретйвое) сердеченько,	
247	См. 123	Расходилась вся/тут сила богатырьская/-ская.	
248	Выдергал со ножней саблю вострую,	Вынимал тут Ермолаюшко острейный нож,	Выдергал со ножней саблю вострую,
49	Ай (II—III: —) срубил (II—III: он) у/с/— Щурилы/-ла(III) буйну голову.		
250	Не скачна/-чёная (II—III) (тут) жемчужинка/-ина скатилася/-си (III),		
251	У Щурилушки головка пока тилася/-си (III)		
252	Покатилася головка Щурилушкина,		
53	Ай/Да/— туды/-а же вслед Катеринушкина.		
254	—	—	Прошло тут (Тут прошло)
255	—	—	—
256	—	—	Завел Ермак свет Васильевич
257	—	Тут завел он (Он развел тут) славный честный/-сный пир,	
258	—	А женился на девушки на чернавушки.	Взял замýж эту девушку чернавушку.
259	—	—	—
60	—	—	—

<table>
<tr><th colspan="3">РЯБИНИН-АНДРЕЕВ П. И. (IV—VI)</th></tr>
<tr><th>IV
1927
[Аст., II, Прил. I, № 8]</th><th>V
23.VIII 1931
[Аст., II, № 137]</th><th>VI
1936
[Ряб.-Андр. П. И., № 8]</th></tr>
<tr><td>См. 190</td><td>См. 234 и др.</td><td>— Вчерась ездил мой братец во чисто полё,</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>Со Чурилушкой сапожками сменялися.</td></tr>
<tr><td colspan="3">Он во спальню/-леньку/-ленку при-/зашол/-ел (VI)</td></tr>
<tr><td colspan="3">там Чурилушку нашол/-ел (VI).</td></tr>
<tr><td colspan="3">— Катерина, ето/это (V—VI) што/что (VI), Николаевна, это што/кто (VI)?</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>Промолчала Катерина Николаевна.</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>Так ведь тут ли у Ерма-сударь Васильевича</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>Разгорелося ретивое сердечушко,</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>Доставал он с ножней тут острейный нож,</td><td colspan="2">Тут/А он выдернул свою/да саблю острую,</td></tr>
<tr><td colspan="3">А(V—VI: О)трубил он (V—VI: у) Чурилы буйну голаву/-ову (V—VI).</td></tr>
<tr><td>Покатиласи скаченая жемчужинка,</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>—</td><td></td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="3">Покатилася/-сь (V) головушка/-ва (V) Чурилушкина,</td></tr>
<tr><td colspan="3">Да/А (V) туды/-а (V—VI) же вслед Катеринушкина.</td></tr>
<tr><td>немножко (время) порывремячки/-ечка,</td><td colspan="2">Тут прошло еще (Так ведь тут прошло) немножко времечка/-ки,</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>Так ведь тут ли Ерма-сударь Васильевич</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="2">А завел-то он да й (Задернул он) почестен пир,</td><td>Заводил почестен пир да пированьице</td></tr>
<tr><td>А жанился на девушки чернавушки.</td><td colspan="2">И (—) женился он на девушке чернавушке.</td></tr>
<tr><td>—</td><td>Песня вся. Сказать больше нельзя.</td><td>—</td></tr>
<tr><td>—</td><td>—</td><td>Да ведь тем былиночка покончилась.</td></tr>
</table>

Таблица 3

«ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА»

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II)		СИВЦЕВ И. А.
	I	II	III
	1860 [Рыбн., II, № 176]	11.VIII 1871 [Гильф., III, № 221]	10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]
1	(Да) ездил (там) стар по чисту полю,		Ездил старик цистым полем
2	От/Ото младости и/ездил до старости,		—
3	—	Да хорош был у стараво добрый конь,	—
4	—	За реку-то перевозу мало спрашивал,	—
5	Ехал (Да едет-де) старый чистым полем/-ём,		—
6	И/Да большой(-то) дорогой/-ою латынскою,		Большою дорогою латыньскою
7	Ср. 6	Ср. 6	Ср. 6
8	(Да) Наехал на дороге/-и горюч камень,		Наехал на дороге гочю́ч камень.
9	И/Да на камешке/-и была (—) подпись подписана:		На камешке/-и
10	Старому(-де) казаку (да) Илье Муромцу		—
11	Три пути пришло, (три) дорожки широкия/-ии		Три пути, три дороги широкии.
12	(А) Во дороженьку (ту) ехать — убиту быть,		См. 15
13	Во другую (ту) ехать — женату быть,		В перьву ехать — жонату быть,
14	(Да) Во третью (ту) ехать — богату быть.		В другу ехать — богату быть,
15	См. 12	См. 12	В третью ехать — убиту быть.
16	И сидит(-де) старик на добром коне,		А на коне сидит старой — головой качат,
17	И (—) головой(-то) качает/-чат, сам (—) при-/проговаривает/-ват:		Головой качат да приговариват:
18	— Сколько я (Да я кольки) по святой Руси не езживал,		—
19	А такого чуда я не видывал?	Такова-то чуда век не видывал.	—
20	(Да) На что мне(-ка), старому, богачество,		— На что-ка мни, старому, богачество?

АРТЕМЬЕВ Л. А.	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI)	
IV	V	VI
10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	26.VII 1958 [ФА МГУ]	20.I 1959 [ФА МГУ]
—	Да ездил тут/там старик да по чисту́ полю́,	
—	Ото младости ездил до старости,	
—	Да хорошого (Да хорошой у) старого был доброй конь,	
—	За реку-то/-ту перевозу мало спрашивал.	
—	—	—
—	Ср. 7	Ср. 7
—	Да (и) иде путем (да) дорогою,	
—	Да наехал на дороге горючий/-юч камень,	
подпись подписана:	Да на камешке под-подписано (подпись подписана):	
—	—	—
—	—	—
См. 15	Во дороженьку ехать — да (—)к/дак убиту быть,	
В одну дорожку ехать — женату быть,	Да во другу-то/-ту ехать — так/дак женату быть,	
В другую дорожку — богату быть,	Да во третью-ту ехать — да (—) к/дак(у) богату быть.	
В третью дорожку — убиту быть	См. 12	См. 12
—	Да сидит тут старик да-к/ведь на добром коне/-и	
Головой стар качает, приговаривает:	Да сидит ведь он тут (тут он) да приговаривает:	
—	— Уж я сколько я (Еще сколько) по святой Руси не езж-/ездивал,	
—	Такова еще/ишче чуда век не видывал.	
— На что старому богачество,	Да на что мне-ка, старому, богачество?	См. 28

АРТЕМЬЕВ Л. А. IV 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI) V 26.VII 1958 [ФА МГУ]	VI 20.I 1959 [ФА МГУ]
Своего класи некуда.	У меня много своего злата-серебра.	См. 29
—	—	—
Да на что старому женату быть,	Да на что мне-ка, старому, женитися —	
—	—	—
См. 27	Молодая жена да чужая корысть,	См. 27
Старая взять ни хоциця,	Да и старой-то взять та мне не хочется.	Мне на старой жениться — да взять не хочется
Молодая взять — мне цюжа корысть	См. 25	Молодая-то взять — дак тут чужа корысть;
См. 20	См. 20	Да на что мне-ка, старому, богачество,
Ср. 21	См. 21	У меня много своего да злата-серебра.
—	Поглядел тут старик на ручку (да) на правую:	
—	На бою старику смерть не написана.	
в ту дорожку,	Да/И поеду в ту дорожку,	
ту быть	где убиту быть.	
—	См. 31	См. 31
—	—	—
—	—	Да и йде путем да порогою,
Да наехал на сорок разбойников,	Да наехал на дороге станичю/-цю разбойников,	
На сильных могуцих подорожницьков.	—	—
—	Да/Ай раз-/розбойников до по/до пяти их сот,	
—	—	—
—	—	—

Таблица 3 (продолжение)

<table>
<tr><th></th><th colspan="2">СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II)</th><th>СИВЦЕВ И. А.</th></tr>
<tr><th></th><th>I
1860
[Рыбн., II, № 176]</th><th>II
11.VIII 1871
[Гильф., III, № 221]</th><th>III
10.VII 1927
[Сок. — Чич., № 209]</th></tr>
<tr><td>21</td><td colspan="2">Своего (-де) у меня/мня много злата—серебра,</td><td>Своего-то у мня много злата-серебра.</td></tr>
<tr><td>22</td><td colspan="2">(Да) И много у меня скатняго жемчугу,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>23</td><td colspan="2">А/Да на что мне(-ка) старому женитися,</td><td>Да на что мне-ка, старому, жонится?</td></tr>
<tr><td>24</td><td colspan="2">(Да) женитися мне, не нажитися,</td><td>Мне жонится старому не нажитися,</td></tr>
<tr><td>25</td><td colspan="2">Молодая(-то) жена взять — чужая/-жа корысть,</td><td>См. 27</td></tr>
<tr><td>26</td><td colspan="2">А (Да мне-ка) старой жены взять не хочется.</td><td>Мне-ка старая взять да не хочется,</td></tr>
<tr><td>27</td><td>См. 25</td><td>См. 25</td><td>Молодая-то взять — мне чужа корысть.</td></tr>
<tr><td>28</td><td>См. 20</td><td>См. 20</td><td>См. 20</td></tr>
<tr><td>29</td><td>См. 21</td><td>См. 21</td><td>См. 21</td></tr>
<tr><td>30</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>31</td><td>См. 218</td><td>См. 86</td><td>См. 33</td></tr>
<tr><td>32</td><td colspan="2">Поеду я (Да поехал) в ту дорогу,</td><td>Дак(—) поеду я</td></tr>
<tr><td>32а</td><td colspan="2">где убиту быть,</td><td>где уби</td></tr>
<tr><td>33</td><td>См. 218</td><td>См. 86</td><td>На бою-то старику смерть не писана.</td></tr>
<tr><td>34</td><td>И приправлял старый добра коня</td><td>—</td><td>Да садился старик на добра́ коня</td></tr>
<tr><td>35</td><td>И поехал большею дорогою.</td><td>—</td><td>Да поезжает в ту дорожку широкую.</td></tr>
<tr><td>36</td><td colspan="2">И/Да наехал на дороге (-то) станицу разбойников,</td><td>Да наехал на дороги станицю́ разбойников.</td></tr>
<tr><td>37</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>38</td><td>И стоит разбойников до пяти сот,</td><td>Да разбойников стоит до пяти их сот,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>39</td><td>—</td><td>—</td><td>На станичи-то разбойников сорок тысячей,</td></tr>
<tr><td>40</td><td colspan="2">И/Да хотят они у старого коня отнять,</td><td>Да хотят они у старого коня отнять.</td></tr>
</table>

Таблица 3 (продолжение)

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II)		СИВЦЕВ И. А.
	I	II	III
	1860 [Рыбн., II, № 176]	11.VIII 1871 [Гильф., III, № 221]	10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]
41	И/Да сидит (-де) старик на добром коне,		Да на кони сидит старик, головой качат,
42	(Да) Головой(-то) качает/-чат, сам (—) приговаривает/-ват:		Головой-то ли качат, приговариват:
43	— (Да) Вы разбойники, братцы станичники!		— Да ай же вы, станичныи разбойники,
44	Убить (Вам убити-де) старика вам (—) меня некого,		Да убить меня, старорого, некого,
45	Отнять у старого нечего:	Да отняти у старово нечего,	Да отнять-то ли у старого нечего.
46	См. 44	См. 44	См. 44
47	(Да) С собой/-ю у меня денег семь тысяч/-чей рублей (—)		Да с собою у меня денег семь тысячей,
48	Тесмянна (Да точмянна) узда в целу тысячу,		См. 50
49	(Да) Ковано мое седло во две (во девять) тысячи/-щей,		Да с коня-то седло во две тысячи.
50	См. 48	См. 48	Ди тисьмяная узда во пятьсот рублей
51	Своему-то добру коню	Своему-де я добру коню цены не знай,	Своему-то ли я Бурушку чены не знай,
52	(Да) я цены не знаю бурку не ведаю,		Да чены-то не знаю ему, не ведаю:
53	—	—	Да хвост у коня как бы трех сажён,
54	—	—	Да и грива у коня была трех локо́т,
55	—	—	Да и шерсть у коня была трех пятён,
56	Да Меж ушами у коня у меня (у меня у коня) скачен жемчуг,		Меж ушами-то у коня был скачён жемцюг.
57	Дорогое/Драгоё самоцветное/-ё каменье/-ё,		—
58	(Да) Не для ради красы-басы молодецкия/-ё,		—
59	А для ради ночки темныя, осенния,	Для ради темной ночки осенные,	—

АРТЕМЬЕВ Л. А.	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI)	
IV	V	VI
10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	26.VII 1958 [ФА МГУ]	20.I 1959 [ФА МГУ]
—	—	—
—	—	—
— А станицьники-разбойницьки,	— Да вы, разбойники, да вы, станичники,	
См. 46	См. 46	Да и бить-то меня да вам тут некого,
У старого взять будет нецего,	(Да) Отнять-то у меня (да) вам (тут) нечего,	
У старого вам убить некого.	Да и бить-то меня вам тут некого,	См. 44
—	—	—
См. 50	На коне у мня узда (да) во пятьсот рублей,	
У старого седло во сто рублей,	(Ковано) Моё седло (да) в целу тысячу.	
Уздецька во тысяцю,	Ср. 48	Ср. 48
Бурому коню я цены не знаю,	Своему я добро/-у коню цены не знай,	
—	Да/А цены-то не знай, да и не ведаю.	
—	—	—
—	—	—
—	—	—
Меж ушей у коня —	—	—
цветно каменье, —	—	—
Не для ради красы-басы молодецькие,	—	—
А для ради темные ноци осенние,	—	—

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II)		СИВЦЕВ И. А.
	I 1860 [Рыбн., II, № 176]	II 11.VIII 1871 [Гильф., III, № 221]	III 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]
60	Чтобы видно,		—
61	где ходит мой добрый конь,		—
62	За три версты видно, за три мерныя,	—	—
63	И/Да говорят ему разбойники станичники:		Говорят ли тут станишныи разбойники:
64	— Ах/Да ты, старая собака: седатый пёс,		— Уж ты, старая собака, седатый пёс,
65	Еще (Да и) долго ты стал разговаривать!		Уж ты стал с нами много разговаривать.
66	—	—	Дак закипела могута
66а	—	—	богатырская,
67	И/Да скочил(-де) старый/ик со добра коня,		Соходил ли старик со добра коня,
68	—	—	Не успел он захватить клюхи свинцёвые, —
69	—	—	Да свинцёвая клюка по двенадцать пудов, —
70	И/Да хватил(-де) он (—) шапку с (о) буйной головы,		Ухватил ли ён шапку с буйной головы.
71	(Да) И начал он шапкой помахивать:		Дак нацял старик шапкой помахивать,
72	И/Дак куды(-де) махнет — туды улица/ ы,		Да куды ён махнет, — туды й улиця,
73	(Да) Назад отмахнет — переулочки.		А назац отмахнет — переулоцёк.
74	И/Да перебил-разбил он/ён станицу/-ю разбойников,		Да прибыл он всю станицю разбойников,
75	—	—	Да прибыл ён и сорок тысяць
76	(Да) Разбойников прибил розбил подорожников.		подорожников.
77	—	—	—
78	—	—	—

АРТЕМЬЕВ Л. А.	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI)	
IV	V	VI
10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	26.VII 1958 [ФА МГУ]	20.I 1959 [ФА МГУ]
Что бы видно было добру молодцу,	—	—
Где мой гуляет добрый конь,	—	—
За три версты, за три мерныи.	—	—
—	Говоря ёму разбойники, ёму разбойники станицныи:	Говоря ему разбойники-станичники
— Ах ты, старая собака ты седатая,	— Ах ты, старая собака, седатый пёс,	
Ах ты долго стал с нами поговаривать.	Е/Ищё много ты с нами стал разговаривать.	
Разгорелася печенка	—	—
богатырская	—	—
Свернулся он да со добра коня.	Соскочил тут старик да со добра коня,	
—	Не успел (у)хватить ухи(клюхи) свинцовые/-и,	
—	—	—
Да брал шапку свинцовую,	Ухватил он тут шапку со буйной головы,	
—	Да и начал он шапоцкой/-чкой помахивать,	
Куда махнет — туда улиця,	Куды (Да куда) шапкой махнет — (дак) туда/-ы уло-/улушка,	
Назад махнет — да пириулицик,	Да назад-оть (—) (от)махнет — да-к (— —) переулочек/-ок.	
Да прибил разбойников до одного,	Да прибил он станичю/цю раз-/розбойников,	
—	—	—
—	—	—
—	Да разбойников да по пяти их сот.	
Не оставил разбойников на семена.	—	—

Таблица 3 (продолжение)

<table>
<tr><th></th><th colspan="2">СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II)</th><th>СИВЦЕВ И. А.</th></tr>
<tr><th></th><th>I
1860
[Рыбн., II, № 176]</th><th>II
11.VIII 1871
[Гильф., III, № 221]</th><th>III
10.VII 1927
[Сок. — Чич., № 209]</th></tr>
<tr><td>79</td><td colspan="2">И/Да садился старик на добра коня,</td><td>Дак садился старик на добра́ коня,</td></tr>
<tr><td>80</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>81</td><td>И поехал путем да и дорогою,</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>82</td><td colspan="2">И/Да при-/поехал (он) ко Латырю ко каменю/-ешку,</td><td>Приежжае ён ко камешку Латырю,</td></tr>
<tr><td>83</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>84</td><td colspan="2">(Да) На камешке/-ени подпись поднавливал:</td><td>Да на камешке подпись поднавливал:</td></tr>
<tr><td>85</td><td colspan="2">— (Да) Старому(-де) казаку (а) Илье Муромцу</td><td>—</td></tr>
<tr><td>86</td><td>См. 218</td><td>На бою старику смерть не написана.</td><td>—</td></tr>
<tr><td>87</td><td colspan="2">Да и та была дорожка прочищена</td><td>Да и та была дорожка проци́щёна</td></tr>
<tr><td>88</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>89</td><td colspan="2">(Да) От стольного/-ево от (—) города от Киева,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>90</td><td colspan="2">(Да) От Киева лежит (а) ко Чернигову.</td><td>Да от города Киева до Цернигова.</td></tr>
<tr><td>91</td><td colspan="2">Да еще было дорожки/-а изведати,</td><td>Дак ищё бы мне дорожка изведати.</td></tr>
<tr><td>92</td><td>—</td><td>—</td><td>Да садился старик на добра коня,</td></tr>
<tr><td>93</td><td>—</td><td>—</td><td>Поежжае в ту дорожку, где жонату быть.</td></tr>
<tr><td>94</td><td colspan="2">От чего/Отчево (старику) будет/де женитися.</td><td>—</td></tr>
<tr><td>95</td><td>—</td><td>Да женитися мне, не нажитися,</td><td>—</td></tr>
<tr><td>96</td><td>См. 25</td><td>Да молодая жена взять чужа корысть,</td><td>См. 27</td></tr>
<tr><td>97</td><td>См. 26</td><td>Да мне старой жены взя́ти́ не хочется.</td><td>См. 26</td></tr>
<tr><td>98</td><td colspan="2">(Да) Поехал большею/-ою дорогою.</td><td>—</td></tr>
<tr><td>99</td><td colspan="2">(Да) Наехал на дороге/-и крепость богатырскую,</td><td>Ср. 100</td></tr>
</table>

АРТЕМЬЕВ Л. А. IV 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI) V 26.VII 1958 [ФА МГУ]	 VI 20.I 1959 [ФА МГУ]
—	Ср. 80	Ср. 80
—	Поворачивал старик да тут обратноня (—; добра коня)	
—	—	См. 35
—	Да приехал ко Латарю/-ырю камену/-ешку,	
На камешку надпись похиривал,	—	—
Новую подпись подписывал:	Да на камешке/-у подпись тут/ту поднавливал:	
—	—	—
—	См. 31	См. 31
— Расчищена путь-дорожка широкая	— Ещё/Ише та ли дорожка мной (—) прочищена,	
Да старым казако́м да Ильей Муромцем.	—	—
—	—	—
—	От Киева лежит да ко Чернигову.	
—	—	Да ище бы на старость дорожка изведати,
—	—	—
Поехал во дорожку, где женату быть.	(А) Поеду я в (— —) ту дорожку, где женату быть.	
См. 27	—	—
См. 26	—	—
—	См. 25	См. 27
—	См. 26	См. 26
—	Да и иде (Дойде) путем-дорогою,	
—	—	—

Таблица 3 (продолжение)

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II) I 1860 [Рыбн., II, № 176]	II 11.VIII 1871 [Гильф., III, № 221]	СИВЦЕВ И. А. III 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]
100	Ср. 101	Ср. 101	Да наехал на дороги церьковь соборную,
101	И/Да стоит тут(о) церковь соборная		Ср. 102
102	(Да) Соборная церковь (—), богомольная.		Да соборную церковь, богомольную,
103	От той ли (От тое́-де) обедни полуденныя/-и		Да идут тут к обедни полуде́нныи,
104	Идет двенадцать прекрасных/-ые девиц(и)		Да идёт тут сорок душичек девушек,
105	(Да) Посреди/-е-то их идет королевична.		Посреди-то их идет королевишна,
106	—	—	Ср. 112
107	—	—	—
108	И(—) Говорила королевична/-вна таково слово:		Да сама ли говорила таково слово:
109	—	—	—
110	—	—	— Да ты старой ли казак Илья Муромець,
111	—	—	—
112	(Да) Пожалуй ко мне во высок терем,		Да пожалуй-ко ко мне во высо́к терём.
113	(Да) Напою, накормлю хлебом-солию/-ью		—
114	(Да) Соходил(-де) старик со добра коня,		—
115	(Да) Оставливал/останавливал (он) добра коня,		—
116	Не приказана/-кована его (—), (да) не привязана;		—
117	(Да) Пошел(-де) старик во высок терём.		Да зашел ли старик да во высок терём
118	(Да) Мосты-то/ты под старым качаются.		—
119	Переводники перегибаются.		—

АРТЕМЬЕВ Л. А. IV 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI) V 26.VII 1958 [ФА МГУ]	 VI 20.I 1959 [ФА МГУ]
—	Да наехал на дороге божьѝ церкву́	
—	Ср. 100	Ср. 100
—	—	—
—	Да от той ли обедни полудённый/ыя,	
—	Да идет тут двенадцать красных девушек.	
—	Позади их идё(т) да королевична.	
Да наехал он на высок терем	—	—
Отворила царевна красно окно.	—	—
—	—	Говорила королевна таково́ слово:
—	— Да не знаю я ни имени, ни вотчины,	
Ср. 111	—	—
— Да уда́лой доброй молодець,	Да удалый да (—) родный/дородный добрый молодец,	
Пожалуй да во высок терём,	Да пожалуйте ко мне да во высокий/-ок терём,	
Накормлю тебя хлебом — солию	Напою, накормлю да (—) (я) хлебом-солью/-ию.	
Соходил Илья да со добра́ коня,	—	—
Оставлял коня да не привязана,	—	—
Не привязана, да не прикована,	—	—
Заходл Илья да во высок терём,	Да пошел тут старик да-к/видь во высок терём,	
—	Ср. 120	Дак мосты-ты под старым ломаются,
—	Переводинки под старым сги-/подгибаются	

Таблица 3 (продолжение)

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II) I 1860 [Рыбн., II, № 176]	II 11.VIII 1871 [Гильф., III, № 221]	СИВЦЕВ И. А. III 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]
120	Ср. 118	Ср. 118	Ср. 118
121	(Да) Зашел/-ол (-де) старик во высок терём,		Ср. 117
122	Крест кладет по-писаному,	—	—
123	Поклон ведет по-ученому,	—	—
124	На все стороны поклоняется,	—	—
125	—	—	—
126	—	—	—
127	(Да) Садился за сто́лы (за) белодубовые/-овы		—
128	Ест да (Да он ест-де) пьет, проклаждается,		—
129	(Да) Весь долог день (да) до вечера.		—
130	(Да) Выходил из-за стола из-за дубоваго.		—
131	(Да и) Сам говорил таково слово:		—
132	— Ты (ли), душечка, красная девушка!		—
133	(Да) Где-ка твои ложни теплыя/-е?		—
134	(Да) И где твои кровати тесовая/-ые,		—
135	Где-ка мягки(е) перины пуховыя/-е?		—
136	(Да) Мне на старость старику (бы) опочинуться.		—
137	—	—	Приходила королевна от обедни полуденныи,
138	—	—	Да сама ли говорила таково́ слово́:
139	—	—	— Дак ты, старый ли казак Илья Муромець,
140	—	—	—
141	—	—	Не угодно ли старику опоцив держать?

АРТЕМЬЕВ Л. А.	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI)	
IV	V	VI
10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	26.VII 1958 [ФА МГУ]	20.I 1959 [ФА МГУ]
—	А мосты по старым подгибаются,	Ср. 119
См. 117	См. 117	См. 117
Крест ведет по-пиcа́ному,	—	—
—	—	—
—	—	—
Молитвы цитае да по уцёному.	—	—
— Пожалуй за дубовый стол.	—	—
—	—	—
Да сидит Илья да прохлаждается	(Да) И ест/есть он и/видь пьет он(—) (VI: день) до вечера	
Долгой-от день до вецера.	Ср. 128	Ср. 128
—	—	—
—	—	—
—	(Да) Е-/ищё, душечка, да красна девушка/-ица,	
—	Да и где ваши ложни/-жья да/тут теплые/-я,	
—	—	Да и где ваши кроватки тесовыё
—	Да и где ваши перины пуховые?	—
—	Мне на старость старику да опочин/-чи́к держать.	
—	—	—
Говорит королевна таково слово:	—	—
—	—	—
— Да уда́лой дородной добро́й молодець,	—	—
—	—	—

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II)		СИВЦЕВ И. А.
	I 1860 [Рыбн., II, № 176]	II 11.VIII 1871 [Гильф., III, № 211]	III 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]
142	—	—	—
143	(Да) Привела его(-де) в ложни теплыя/-е.		Ср. 144
144	Ср. 143	Ср. 143	Да пожалуй-ко (Пожа ню/ложню теплую.
145	—	—	Да ушел ли старик в спальню теплую.
146	—	—	—
147	—	—	—
148	—	—	Приходила королевна в спальню теплую,
149	—	—	Да сама ли говорила таково слово:
150	—	—	— Да ты, старой ли казак Илья Муромець,
151	—	—	Да ложись-ко ты ко стенки кирпичныи,
152	—	—	Видно я ли, королевна, на краю всё сплю.
153	См. 161	См. 161	См. 161
54	—	—	См. 151
55	—	—	См. 152
56	И/Да стоит старый-/ой у кровати, головой качает:		—
57	Головой-то качает/-чат, приговаривает/-ват.		См. 17
58	—	—	Да говорит ли старик таково слово́:
59	— Да я сколько/кольки по святой Руси не езживал,		—
0	Така́ (-де) я (-то) чуда век не видывал:		—
1	(Да) Видно эта кроватка подложная!		— Уж я вижу у тебя кроватка подложная,
2	—	—	Да подложная кровать-то на глубо́к на погрёб.

АРТЕМЬЕВ Л. А.	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI)	
IV	V	VI
10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	26.VII 1958 [ФА МГУ]	20.I 1959 [ФА МГУ]
—	Да и брала королевна старика за ручку за правую,	
Ср. 144	(Да) Повела она (его) (да) в ложью/-жню тёплую	
луй) ко мни/-е в спаль-	Ср. 143	Ср. 143
—	—	—
Да приходил Илья да опоцив держать.	—	—
Как ко той кроватке тисовые.	—	—
—	—	—
—	—	—
—	—	—
См. 164	— Ты ложись-ко, старик, ко стенки кирпичный.	См. 154
См. 165	Да и я красна девица на краю все сплю.	См. 155
См. 164	См. 161	Да и видит старик, что кроватка подложная.
См. 164	См. 151	— Ах ты ложись-ко, старик, ко сте́ны киричныя
См. 165	См. 152	Ище я-то, красна девица, на краю всё сплю.
—	—	—
Головой старик кацяет, приговаривает:	Ср. 17	Ср. 17
—	—	—
—	См. 18	См. 18
—	См. 19	См. 19
— Да эта кроватка да есть подложная.	Да и видит старик, что кроватка эта подложная,	См. 153
—	Да она стоит на глубоком погребе.	—

Таблица 3 (продолжение)

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II)		СИВЦЕВ И. А.
	I	II	III
	1860 [Рыбн., II, № 176]	11.VIII 1871 [Гильф., III, № 211]	10.VII 1927 [Сок.— Чич., № 209]
163	—	—	—
164	—	—	См. 151
165	—	—	См. 152
166	—	—	Как закипела могу́та богатырьская,
167	(Да) Схв-/хватил королевну за белы руки		Ухватил королевну за белы руки,
168	—	—	—
169	И/Да шибал ей ко стены кирпичныя/-е,		Да бросал ко стенки кирпицныи,
170	—	Обвернулася/-е кроватка ти-/тесовая	—
171	(Да) Об-/увалилась королевна во глубок погрёб,		Увалилась королевна во глубок погреб.
172	И/Да выходил старик на улицу/-ю паратную		Да выходил ли старик с спальни теплыи
173	И сыскал/Да нашол двери глубокаго погреба.		—
174	Ср. 173	Ср. 173	Дак зацял он двери разыскивать
175	Песками были призасыпаны	См. 177	Дак/Да двери
176	(Да) Колодьями/-дьем-то были придавлены		Дак двери колодьём завалены.
177	См. 175	Да песками-то были призасыпаны.	См. 175
178	—	—	—
179	(Да ен) Колодья ногами распихивал,		См. 181
180	(Да) Пески-то/ты руками распорхивал,		Дак песок он руками распархивал,
181	См. 179	См. 179	Да коло́дьё ли ногами распинувал,

АРТЕМЬЕВ Л. А. IV 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI) V 26.VII 1958 [ФА МГУ]	VI 20.I 1959 [ФА МГУ]
Да уда́лой доброй мо́лолодец,	—	—
Да вались ко стенке кирпицьной,	См. 151	См. 154
Я, дивценка, на краю просплю.	См. 152	См. 155
—	—	—
Ср. 168	Да (с)хватил тут старик королевичну/-вну за белы руки,	
Он фатил дивценку по середоцьки,	—	—
Бросил дивценку ко стенке кирпицьною,	Да бросил/-ал он ко стены кирпичны/-чныя,	
Опрокинулась кроватка тисовая,	Обернулась/-ся кроватка тесовая/-ыё,	
—	Увалилась королевна во глубок/-ий погреб,	
—	И/Да выходит старик на улицу/-ю паратнюю	
Да пошел Илья во глубок погре́б дверей искать.	Да сыскал он там/тут двери глубокого погреба.	
Ср. 173	Ср. 173	Ср. 173
песками засыпаны,	Да песками-то двери засыпаны,	См. 177
Да дубовыми колодьями завороцены,	Да (—) колодьми/-дьями-то двери затасканы,	
См. 175	См. 175	А песками ведь двери засыпаны
Железными замками-запорами задёржаны,	—	—
Ср. 181	Ср. 181	Ср. 181
Пески ногами распахивал,	Да/А песок-от (—) (ведь) руками распа́рхивал,	
Дубьё-коло́дье распинывал,	Да колодья ногами распи́нывал,	

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II) I 1860 [Рыбн., II, № 176]	II 11.VIII 1871 [Гильф., III, № 211]	СИВЦЕВ И. А. III 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]
182	—	—	—
183	См. 173	Да нашел двери глубокого погреба,	—
184	И/Да пинал ворота ногою/-ой вальячныя/-е,		—
185	И/Да с крюков (с) замков двери вон выставливал,		—
186	(Да) выпущал сорок царей, сорок царевичев,		Дак там много царей да царе́вичёв,
187	(Да) И сорок королей и королевичев,		Да и много королей-королевичёв.
188	Сорок сильных/-ыих могучих богатырей.		Да/Сорок сильных
189	—	—	—
190	(Да) И сам говорит/-л таково слово:		—
191	—(Да) Вы подьте, цари, по своим землям,		— Да вы подьте, цари, по своим царьсва́м,
192	А/Да вы, короли, по своим ордам/Литвам.		Да вы, короли, да по своим Литвам,
193	А/Да вы, богатыри,		Да вы, сильные могуци бога́тыри,
194	по своим местам.		Да и подьте-ко вы по своим местам,
195	И молите вы бога за Илью славного Муромца,	—	—
196	Кабы не я, старый казак Илья Муромец,	—	—
197	Положить бы вам голова здесь у погреба.	—	—
198	—	—	—

АРТЕМЬЕВ Л. А. IV 10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI) V 26.VII 1958 [ФА МГУ]	 VI 20.I 1959 [ФА МГУ]
Замкѝ руками растаскивал.	—	—
—	Да сыскал он тут двери вальятские (двери (глубокого погреба),	
—	Да пинал он тут двери вальятские/-цкие,	
—	Да с крюков (-то) (да) с замков двери выставливал/-тавил,	
Пошло да сорок цяревицей,	Выпускал сорок царей, сорок царевичёв,	
Сорок королей да королевицей,	—	Да и сорок королей, сорок королевичёв,
могуцих богатырей,	—	—
Посреди них да королевицьна.	См. 200	Позади их идет да королевична.
—	—	—
— Подьте, короли, да по своим царьсва́м,	— Да и вы-то, цари, по своим землям,	—
—	Да и вы, короли, подьте по своим местам,	—
Подьте, бога́тыри,	—	—
да по своим местам,	—	—
Молите бога за Илью Муромця,	Да молите вы бога за Илью Муромца,	—
—	—	—
Положите головушки во погребе.	—	—
—	Не да-к быть бы вам здесь, окаменеть.	—

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II) I 1860 [Рыбн., II, № 176]	II 11.VIII 1871 [Гильф., III, № 211]	СИВЦЕВ И. А. III 10.VII 1927 [Сок.— Чич., № 209]
199	(Да) Идет душечка красная девушка:		—
200	Ср. 199	Ср. 199	—
201	Он/Да ён выдергивает/-ёт саблю вострую,		—
202	(Да) Срубил ей по плеч буйну голову,		—
203	—	—	Да закипала да могý-та богатырьская,
204	—	—	Ухватил (Да хватил)
205	—	—	Привязал ли королевну ко правóй ноги,
206	—	—	Да выходил ли старик во чистó полё,
207	(Да) Раз-/рассек-разрубил тело женское.		Да россек, розрубил серьце женское,
208	—	—	—
209	И куски (Да куски-ты) разметал по чисту полю,		Да разрыл да размотал да по цистý полю́.
210	(Да) серым(-то) волкам на съедение/-ё,		—
211	А/Да черным воронам на пограянье/-ё,		—
212	И тут/Да садился старик на добра коня		Дак садился старик на добра коня,
213	И поехал путем да и дорогою,	—	—
214	И/Да приезжал/-хал (он) ко Латырю каменю,		Приезжае он ко камешку Лáтырю,

АРТЕМЬЕВ Л. А.	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI)	
IV	V	VI
10.VII 1927 [Сок. — Чич., № 209]	26.VII 1958 [ФА МГУ]	20.I 1959 [ФА МГУ]
	Ср. 200	—
. 189	Позади их идет да королевична.	См. 189
	Да вытаскивал старик тут/видь саблю вострую,	
	Да срубил королевны да (—) буйну голову,	
	—	—
олевну (—) (ее) за ты́ кудры́,	—	—
	—	—
	—	—
	Да россек-разрубил он тело женское/-ё	
разрубил на куски иелкии,	—	—
раскинал по цисту о.	Да куски рассыпал/росшибал да/он по чисту́ полю,	
серым волкам на ение,	Да си-/серым-то волкам на порыскание/-нье,	
ерным воронам на ание.	Да черны́м воронам на пограниё/пограиньё . . .	
	(Воротился опять к этому камню и, значит, подпись снова обновил. В 3-ий большие-то деньги были. А у него-то свои деньги большие были, на что ему деньги. Съехались с каким-то богатырем — бились. Илья Муромец хитрый мужик был. Он без хлеба мог жить, может быть, другой год. А слыхал-то от своих, когда вместе жили).	*(Всё. Покончил. Третью дорожку не могу рассказывать. Он наехал на дороге на большие деньги. Стоял какой-то крест, а там были большие деньги. Там какого-то богатыря другого он встретил, дак у них была какая-то неприятность.)*

Таблица 3 (продолжение)

<table>
<tr><th></th><th colspan="2">СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II)</th><th>СИВЦЕВ И. А.</th></tr>
<tr><th></th><th>I
1860
[Рь.бн., II, № 176]</th><th>II
11.VIII 1871
[Гильф., III, № 211]</th><th>III
10.VII 1927
[Сок. — Чич., № 209]</th></tr>
<tr><td>215</td><td colspan="2">(Да) На камешке/-и подпись поднавливал:</td><td>Да на камешке подпись поднавливал:</td></tr>
<tr><td>216</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>217</td><td colspan="2">— Старому(-де) казаку (да) Илье/-и Муромцу/-ю</td><td>—</td></tr>
<tr><td>218</td><td>На бою смерть старику не написана,</td><td>См. 86</td><td>См. 33</td></tr>
<tr><td>219</td><td colspan="2">(Да) И та была дорожка прочищена</td><td>— Дак та была дорожка процищёна . . .</td></tr>
<tr><td>220</td><td colspan="2">(Да) От стольнаго/-яго от города от Киева,</td><td>(Третьей дорожки не знаю.)</td></tr>
<tr><td>221</td><td colspan="2">(Да) От Киева лежит (а) ко Царю граду/Цариграду</td><td></td></tr>
<tr><td>222</td><td>—</td><td>—</td><td></td></tr>
<tr><td>223</td><td>И сам говорил таково слово:</td><td>—</td><td></td></tr>
<tr><td>224</td><td colspan="2">— Да еще было дорожка изведати,</td><td></td></tr>
<tr><td>225</td><td>—</td><td>Да отчёго-де старику будё богачестью.</td><td></td></tr>
<tr><td>226</td><td>—</td><td>Ср. 224</td><td></td></tr>
<tr><td>227</td><td>Приправлял стар добра коня,</td><td>—</td><td></td></tr>
<tr><td>228</td><td colspan="2">(Да) Поехал(он) большеею/-ою дорогою,</td><td></td></tr>
<tr><td>229</td><td colspan="2">(Да) Наехал на дороге/-и пречудный/-ой крест.</td><td></td></tr>
<tr><td>230</td><td colspan="2">(Да) стоит старый (—) у креста, сам (—) головой качает/-чат,</td><td></td></tr>
</table>

АРТЕМЬЕВ Л. А.	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI)	
IV	V	VI
10.VII 1927 [Сок.— Чич., № 209]	26.VII 1958 [ФА МГУ]	20.I 1959 [ФА МГУ]
Да на камешке подпись похиривал,		
Новую подпись подписывал:		
—		
—		
— Расчищена путь-дорожка широкая		
—		
—		
Старым козаком да Ильей Муромцем.		
—		
—		
—		
Да приправлял дорогу, где богату быть,		
—		
—		
Да наехал да на прецюден крест.		
—		

Таблица 3 (окончание)

	СИВЦЕВ (ПОРОМСКИЙ) (I—II) I 1860 [Рыбн., II, № 176]	II 11.VIII 1871 [Гильф., III, № 211]	СИВЦЕВ И. А. III 10.VII 1927 [Сок.— Чич., № 209]
231	Головой(-то) качает/-чат и (—) проговаривает/-ват:		
232	—	— Да я кольки по святой Руси не езживал,	
233	—	Такова-то-де я чудо век не видывал.	
234	(Да) Этот крест есть не простой/прост стоит,		
235	(Да) Стоит (он) на глубоком на погребе,		
236	(Да) Есть несметное/-ё злато-серебро.		
237	(Да) Соходил(-де) старый/Илья со добра коня,		
238	(Да) И брал крест (ён) на руки на белыя/-е,		
239	(Да) Снимал со глубокаго со погреба.		
240	И взял живот из погреба — золоту казну,	—	
241	И/Да воздвигнул живот в славный Киев-град,		
242	И/Да построил он церковь соборную,		
243	—	Соборную да богомольную,	
244	(Да и) Тут (ведь) Илья (и) (—) окаменел,		
245	(Да) И поныне его/ево мощи нетленныя/-е.		

АРТЕМЬЕВ Л. А.	СИВЦЕВ А. Н. (V—VI)	
IV	V	VI
10.VII 1927 [Сок.— Чич., № 209]	26.VII 1958 [ФА МГУ]	20.I 1959 [ФА МГУ]
—		
—		
—		
Да стоит крест, не простой стоит,		
Да стоит он да на погребе.		
(*Тут он собрал злато-серебро под камнем да будто бы тут он окаменел.*)		

НЕКОТОРЫЕ ИТОГОВЫЕ АСПЕКТЫ И ДОПОЛНЕНИЯ

В двух предыдущих главах осуществлен и кратко прокомментирован синоптический разбор разновременных записей от одних и тех же сказителей и дублированных фиксаций передаваемости эпического знания от учителя к ученику. Получено два ряда показателей вербально-композиционной несовпадаемости.

Коэффициенты несовпадаемости текстов, записанных от одного и того же певца дважды или трижды: Сивцев-Поромский — 1,07; Богданова (три записи) — 1,40; Рябинин-Андреев (три записи) — 1,63; А. Сивцев — 1,16; Балтянова (три записи) — 1,54; Константин (три записи) — 1,39; Стайку — 1,18; Тицэ — 1,17.

Самый высокий коэффициент, у Рябинина-Андреева, объясняется тем, что он отражает не устоявшееся знание былины (неполнота, а не просто варьирование то одной, то другой части и т. д.); можно даже сказать, что не успев стать полномерно усвоенной — ввиду краткости общения с учителем — былина начала забываться. Тем не менее, ситуация перекликается с наблюдавшейся А. Б. Лордом [Лорд, 1960] повышенной нестабильностью эпического текста в пору освоения произведения певцом (хотя есть здесь и один отличительный аспект, о котором будет сказано далее). Наименьший разброс при синоптическом сопоставлении у Сивцева (Поромского) обусловлен тем, что позиционные различия у него сводятся к отсутствию в первом тексте 7 стихов, имеющихся во втором, а во втором — 13, имеющихся в первом, и перестановке 7 стихов. Все остальные сохраняются в одной последовательности и отличаются друг от друга отдельными лексемами и формами слов. Такое же ограниченное варьирование присуще А. Сивцеву, но здесь сказывается еще и фактор остаточности, затухания эпической традиции. Показатели несовпадаемости у Богдановой, Балтяновой и Константина, примерно одного уровня, следует считать невысокими, если учесть, что сопоставлялись сразу три текста каждого из них.

Коэффициенты несовпадаемости при передаче знания песни: от Стайку к Тицэ — 1,75; от Богдановой к Рябинину-Андрееву — 1,92; в ряду поколений Сивцев-Поромский, И. Сивцев, И. Артемьев, А. Сивцев — 1,73. Отдельно в сопоставлении текстов Сивцева-Поромского и А. Сивцева — 1,25.

Выделяющийся здесь высокий уровень несовпадений текстов Богдановой и Рябинина-Андреева объясняется незавершенностью процесса трансмиссии, о чем уже было сказано.

Сопоставляя два ряда показателей несовпадаемости — в собственных текстах одного певца и в текстах участников передачи эпического знания,

необходимо отметить следующие, на наш взгляд, очень существенные обстоятельства.

Первое состоит в том, что несовпадаемость при передаче другому певцу, будучи в количественном отношении на порядок выше, чем при повторном воспроизведении песни одним и тем же певцом, все же по своему уровню не противостоит ему радикально. Отсюда напрашивается вывод, что многократные воссоздания эпической песни одним певцом и воспроизведение через посредничество учителя во многом сходны. Они определяются одним и тем же качественным регулятором, имплицитно свойственным эпической традиции, пока она удерживается как таковая. Это один и тот же канал связи.

И не случайно мы ни в одной ситуации (за вычетом особой, с Рябининым-Андреевым) не получили коэффициент несовпадаемости порядка 2-х,— он означал бы, что на любую традиционную приходится не менее одной новой позиции. По крайней мере, таковы фактические показания материала.

Второе обстоятельство заключается в том, что несовпадаемость текстов, как совершенно однозначно свидетельствует систематическое сопоставление всех стихов и их позиций в текстах, наиболее часто оказывается не *вербальной*, а *композиционной* (за вычетом текстов Сивцева-Поромского и А. Сивцева, у которых расхождения вообще не велики). Даже у Рябинина-Андреева, при всех отличиях между его собственными вариантами и вариантами Богдановой, стихи, присутствующие в тексте, зачастую совпадают со стихами учителя. Различий в тексте стихов намного меньше, чем различий в их числе и позиции. В этом, вероятно, разница между Рябининым-Андреевым (он обычно осваивает «готовые» стихи) и певцами-импровизаторами Краины, с которыми, например, работали М. Пэрри и А. Б. Лорд (у них повествовательные единицы чаще рождаются заново).

Это означает, что в нашем перечне сказителей мы имеем дело с эпическими традициями *повышенной* текстовой воплощенности. Наличие других типов и параметров варьирования в пределах тех же самых традиций совершенно не исключается. Однако для нас в данном случае очень важно существование именно данного типа, представляющего прямой канал исторической связи и наиболее «близкое» доказательство сохраняемости традиционной «поэтической материи».

Основная форма манифестации совпадений и сходств — тождественность «готовых» стихов. Речь идет прежде всего о стихах, совпадающих не только вербально, но и позиционно. Их доля гораздо значительнее, чем могло представляться без синоптического сличения. В интермедиарной проекции они практически во всех рассмотренных случаях образуют последовательный глубинный ряд узловых вех повествования. Это наиболее типизированный слой — константы, соединяющие в себе вербальные и композиционно-сюжетное начало. Им сопутствуют устойчивые, но от текста к тексту различающиеся по своему местоположению.

Сладывание таких стихов не синхронно разовому исполнению, этап порождения здесь позади. (Это, между прочим, побуждает осмыслить и действие внутренних структурных и «формульных» правил в его, действия, временнóй протяженности и сохраняемости результатов. В такой связи, видимо, по-особому актуализируется момент исторического отбора

и стабилизации в эпосе конкретных вербальных единиц «выражения существенной идеи», которое вынесено на первый план в классическом определении формулы, принадлежащем М. Пэрри и А. Б. Лорду).

Как мы наблюдали у всех рассмотренных певцов, категория отличительных стихов, не имеющих соответствий в параллельном варианте, неоднородна. В нее, во-первых, входят исконные стихи данного произведения, случайно пропущенные при другом исполнении. Во-вторых, это антиподы констант — импровизусы, перечень которых опять-таки не одноплановый. Могут действительно появляться сюжетнозначимые образования, в том числе вполне отвечающие развитию традиционного контекста. Встречаются и спонтанные введения связующих, служебных стихов. Бывают и неестественные подключения. Проницательно подмечено, что «...в большинстве случаев неэпическими оказываются именно те несовпадающие строки, которые построены по моделям» [Черняева, 1980, 117].

Немаловажный факт состоит в том, что удельный вес таких стихов, рождающихся по ходу исполнения, оказался не очень значительным. В изучаемом материале стихи эти не определяют процесса воспроизведения традиции, хотя этот вывод нельзя, разумеется трактовать расширительно.

В малоизвестной у нас монографии о Т. Г. Рябинине (издана в Париже в годы войны) В. Шеттеуи, стремясь выяснить, в чем состоит «личный вклад» Рябинина и в какой мере народный певец заслуживает именования поэта в истории русской литературы XIX в., реалистично представил соотношение традиции и индивидуального мастерства сказителя. Он показал владение Рябининым общебылинным и специальными текстовыми единицами, которые свойственны определенному сюжету, включая лейтмотивы вроде Вагнеровых [Шеттеуи, 1942, 53—142], отметил способность создавать новые «мобильные единицы» [Там же, 126], «интересные вариации» формы и содержания [Там же, с. 203—218, 219—234], оговорив, что такого рода новации в былинной традиции ждет судьба «аперсонализации». В записанных от Рябинина Рыбниковым и Гильфердингом 15 былинах к 3505 стихам, которые они составляют у Рыбникова, в записях Гильфердинга прибавилось 609 стихов (выпало 22), установил Шеттеуи. Исследователь говорит о них дифференцированно, не относя целиком за счет складывания по ходу исполнения: он видит в них, во-первых, стилевые варианты, во-вторых — включения из числа переходных мест и лишь в-третьих — проявление «свойственной Рябинину тенденции к амплификации» [Там же, 202—207].

Полагаем, что эти выводы отвечают складывающемуся на основе синоптического сопоставления текстов представлению о масштабах сохраняемости текстового выражения эпической традиции.

Парадигма вариантов как историческая данность. В комплексном музыковедческо-филологическом труде об украинской народной эпике С. И. Грица применила понятие песенной парадигмы — с одной стороны, для отграничения устойчивой основы произведения от вариационных изменений, с другой — для того, чтобы оттенить небезграничность самого варьирования, своеобразную жанровую заданность его пределов [Грица, 1979, 66—75]. В теоретическом плане такой подход родствен выявлению

диатопического (т. е. осуществимого в пределах определенного набора реализаций) характера языкового варьирования [Степанов, 1979, 290—291].

В развитие концепта «песенной парадигмы» как совокупности вариационных различий, обретаемых в контексте бытования, уместно предложить некоторые дополнительные соображения. Открывается возможность осмыслить вариативные различия не только как «флексивное» добавление, появляющееся в *момент* воспроизведения песни. В известной части их целесообразно интерпретировать как заложенные в самой *традиции* и входящие в эпическое знание, наследуемое певцом.

Еще П. Н. Рыбников заметил, что «...сказители знают часто одну и ту же былину от нескольких учителей» и «певец поет один раз по одному варианту, а другой раз по другому» [Рыбн., I, XCIV]. Ясно, что в подобных случаях роль певца фактически состояла не в открытии или создании того или другого продолжения, а в выборе между ними.

В самом деле воспроизведение певцом эпической поэмы, ее повествовательной линии в пределах традиции не сводится к одному-единственному, всегдашнему решению. Практически собиратели и исследователи убеждались в этом не раз. Но принципиальная значимость данного обстоятельства не была уяснена в полной мере: индивидуальная вариация усматривалась подчас и там, где уместнее говорить об одном из возможных *возобновлений традиции*.

Обратимся к былинам знаменитого олонецкого сказителя Т. Г. Рябинина (1791—1885).

В былине «Илья и Соловей-разбойник» богатырь подъезжает к «гнездышку Соловьеву» с Соловьем-разбойником, привязанным к стремени. Соловей велит своим зятьям-дочерям угостить и одарить Илью Муромца. В первой записи Рыбникова далее следуют две строки, которые прерывают данную сцену и сразу переносят действие в Киев: «Не поехал в гнездышко Соловьее. / А поехал он ко городу ко Киеву» [Рыбн., I, 18—19].

Здесь явное сокращение; резюмирующая антитеза — не поехал в гости, а поехал в Киев — замещает жесты и действия, которые могли быть предметом последовательного детального писания (ожидаемый ответ на приглашение, исход встречи с «зятевьями» Соловья и т. д.). Но неверно думать, будто это сокращение совсем случайное и составляет специфический момент только для одного исполнения. Спустя десять лет, исполняя былину Гильфердингу, Рябинин применил такой же ускоренный переход, хотя и выраженный другими словами:

А й зовут-то мужика да й деревенщину
Вот то гнездышко да Соловьиное.
Да й мужик-деревенщина не слушается,
А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой во стольнёй Киев-град.

Гильф., II, 13—14

И все же мы бы ошиблись, если бы заключили, что вообще Рябинин знал только краткий переход. Еще Рыбников при повторном прослушивании «Ильи и Соловья-разбойника» записал развернутое описание, заме-

няющее приведенное двустишие:

Старый казак Илья Муромец
Подъехал ко гнездышку Соловьеву.
Его добрый конь богатырский
Перескочил в ворота Соловьевыя
И ударил головушкой в задний тын.
Тут его большая дочь Невеюшка
Отдернула каточки над воротамы,
И спустила железный брус в девяносто пуд,
И не могла угодить в буйну голову.
Тут Илья соходил с добра коня,
Порастрепал гнездо Соловьевое,
Пораздернул дочерей Соловьевых,
Показнил детей Соловьевых,
Соловья повез в столен Киев-град.

Рыбн., I, 19

Объяснять эту сцену вольной импровизацией Рябинина не приходится. Былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» издавна известны оба перехода: краткий [1] и развернутый [2]. Это два возможных решения, и оба они применялись Рябининым, хотя в двух известных нам случаях он предпочел более короткое развитие. Но примечательно, что у позднейших представителей сказительской династии Рябининых прослеживаются оба типа рассматриваемого места: сокращенный и развернутый. 15 июля 1926 г. внук Т. Г. Рябинина, Кирик Гаврилович Рябинин, применил ускоренный переход, без сцены коварного нападения на Илью:

Старый козак Илья Муромец
На это не согласен был,
Пустился вперед дороженькой в стольно-Киев-град.

Аст., II, 267

И все же он держал в памяти и мотив нападения, что косвенно отразилось в тексте, записанном от него неделю спустя — 21 июля 1926 г.:

Тут удаленький дородней доброй молодець
Меж собой-то он да й призадумался:
— Как пойти на честно да й перованьицё,—
Да убьют меня да й добра молодця,
Да и бросят туда й под ракитов куст!
А що бил-то он коня да й не желу́хою...
Подъежжает он ко городу, в стольний Киев-град.

Сок.—Чич., 471

---

[1] См. в рукописи середины XVII в.: «Но Илья Муромец хлеба и соли их не кушает, а поворачивает своим добрым конем прямо на большу к Киеву дорогу» [БЗП XVII—XVIII в., 106; ср.: 80, 82, 86, 94, 98, 102].

[2] См. в рукописи конца XVIII в.: «И по прозбе зятеи поворотил в дом, не видя их злобы, что болшая дочь подняла железную на чепьях подьворотню, чтобь его прибить. Но Илья усмотрил на воротах, ударил копием и вшиб до смерти» [Там же, 112; ср. 114, 117, 120, 122, 124, 127, 130, 132, 135]. Примеры развернутого перехода находим у А. Савинова [Рыбн., II, 480], А. Сарафанова [Рыбн., I, 435; Гильф., II, 238] и других певцов XIX в.

Зато у П. И. Рябинина-Андреева, «наследника по прямой линии в четвертом поколении былинной традиции... Трофима Григорьевича Рябинина [Аст., II, 159], находим подробную передачу сцены, опускаемой при кратком переходе. Правда, в другом изложении. Зятья Соловья пытаются вести Илью Муромца к себе «за ручки за белые», но богатырь обнажает саблю, расправляется с ними и «роет» их серым волкам и черным воронам [3]. А. М. Астахова в комментариях к изданию былин Севера писала, что здесь в былину «вводится расправа Ильи Муромца с детьми Соловья-разбойника». Она даже отнесла этот момент к числу «существенных изменений, касающихся самого сюжета» и внесенных кем-то из потомков Т. Г. Рябинина, так как в записи Гильфердинга от Т. Г. Рябинина мотива расправы нет [Аст., II, 763]. Здесь необходима поправка: нет у Гильфердинга, но есть в приведенном выше дополнении, которое записал от Рябинина Рыбников. И, кроме того, имеется у современников Т. Г. Рябинина. Иначе говоря, предположение о привнесении мотива расправы потомками Т. Г. Рябинина едва ли оправдано. Другое дело, что Рябинин-Андреев дает сцену по-иному, чем это было у Т. Г. Рябинина; в частности, утрачен мотив коварного нападения (обрушиваемые ворота).

Приведенный пример свидетельствует о закономерности несовпадающих, альтернативных ходов в изложении былины одним и тем же певцом [4]. Оба продолжения — редуцированное и развернутое — несомненно отвечают сложившейся традиции, которая обнаруживает себя и в XIX, и в XX в. Очевидна «заданность» обоих продолжений «объемным» знанием былины [5].

К. В. Чистов отмечает, что различие текстов былины о Калине-царе, записанных от Т. Г. Рябинина П. Н. Рыбниковым в 1860 г. (на первом плане — молодой богатырь Ермак Тимофеевич) и А. Ф. Гильфердингом спустя одиннадцать лет (в центре — Илья Муромец, а не Ермак), не следует объяснять изменениями, внесенными певцом, поскольку обе разработки сюжета ведомы традиции данного произведения: первая типична для сказителей елустафьевской школы, вторая — для других исполнителей (в том числе и прионежских). «Естественнее предположить, что Рябинину были известны обе редакции, и он в конце концов остановился на той, в центре которой Илья Муромец, а не Ермак» [Чистов, 1980, 67].

---

[3] [Сок.— Чич., 424] Запись от 9.VII 1926 г. При другом исполнении в том же году опущен один и добавлено два новых стиха [Аст., II, 177].

[4] Между прочим, сходный случай зафиксировал А. И. Никифоров, сличив две кижские и петербургскую редакции былины «Вольга и Микула», записанные от Рябинина Гильфердингом. Он обратил внимание, что первый раз былина спета без эпизода посылки дружины Вольги за сошкой Микулы (т. е. без стихов 80—153), с короткой заменой его восьмистишием. Причем Никифоров указывает, что «такая редакция былины о Вольге бытовала», и ссылается на текст № 131 у Гильфердинга. При втором и третьем исполнении Рябинин воспроизвел указанную сцену (с некоторыми несовпадениями) [Гильф., II, 780—781].

[5] Пример с альтернативными переходами в былине об Илье и Соловье-разбойнике разбирался подробнее в [Гацак, 1971, 13—16]. В. П. Аникин привлекает этот же момент из текстов Т. Г. Рябинина, толкуя различие (вне его конкретно-реализованной традиционности) как «сюжетно-композиционное варьирование», исходящее из «сложившегося устойчивого общего представления о богатыре...» (?) [Аникин, 1980, 121—122].

Повторные записи болгарских юнацких эпических песен в селах Суходол (от продолжателей традиции знаменитого певца XIX в. Жоче Илкова), Кремиковцы, Драголевцы и Бусманцы — они производились нами в 1979 г. совместно с С. Стойковой и Л. Богдановой — показали, что в тексте, отделенном от предыдущего исполнения годом или даже часом, исполнитель нередко выбирает иное продолжение, тоже присущее данной песне, но не отразившееся в предыдущем случае. Отчасти это нашло проявление в разобранных нами трех разновременных записях юнацкой песни «Марко и три синджира рабов».

Аналогичные явления прослеживаются в эпосе восточнороманском. Сравнительное изучение совокупности текстов песни «Йоргован, река Черна и змей» [Гацак, 1967, 40—41] обнаружило, что наряду с основной существует другая версия этой песни, где повествованию предпосылается история трех сестер, которые заблудились в лесу, после чего одна из них попадает к змею. Такая версия с прологом о трех девушках имеется в сборнике Алексича (1899), целиком состоящем из записей от видного исполнителя эпоса Бицэ Лука (с. Стража, уезд Тимиш на юго-западе Румынии). Старшие сестры покидают в лесу младшую, она просит «кукушку-войника» вывести ее из леса, обещая стать сестрой или милой. Кукушка отказывается (у птиц «не бывает милой»), и тут девушку настигает змей [Алексич, 103—105]. Дальше — обычное повествование о Йорговане, уже знакомое нам по текстам М. Константина («Вверх по Черне, вверх / Много войников ушло...»), с той разницей, что в конце Йоргован спасает от змея девушку, между войником и девушкой происходит диалог, из которого выясняется, что они — брат и сестра, дети восточного государя.

Поскольку запись, содержащая подобную версию, не является единственной (существуют многие другие аналогичные тексты), контаминацию нельзя считать личной инициативой Бицэ Лука. По-видимому, уже в XIX в. соединение песни о трех заблудившихся девушках с песней о Йорговане составляло устойчивую тенденцию. Но она не исключала бытования песни «Йоргован, река Черна и змей» в неконтаминированном виде, что доказывается другой записью от того же исполнителя, помещенной в сборнике Алексича [Алексич, 109—111]. В ней — все традиционные звенья песни о Йорговане: вступление — выезд Йоргована, единственного оставшегося витязя (все другие ушли вверх по Черне и погибли); разговор с Черной (обещание принести «золотую рыбу», если она прервет свой рев); встреча со змеем и победа над ним; ответ на угрозу издыхающего чудовища напустить мошкару («Я страну научу...»). Перечень тот же самый, что у М. Константина. Правда, кончается песня тем, что Йоргован освобождает девушку, которой грозила погибель. «Взял девушку, / Поехал домой» [Алексич, 111]. Здесь, по-видимому, сказывается воздействие версии с девушкой-пленницей.

Итак, налицо два устойчивых для XIX и XX вв. типа воспроизведения песни: с обширным сказочным обрамлением и без него. Исполнитель свободно владеет и первым и вторым, причем не смешивает их в пределах одного текста. Опять-таки можно заметить, что оба «заданы» знанием одной и той же конкретной песни в присущих ей версиях.

Иначе говоря, наследуемое певцом знание эпического произведения несомненно захватывает и часть парадигмы различий. Актуальной задачей

представляется изучение вариантов как явлений, которые в основе своей намного старше, нежели сами певцы, передающие нам эти варианты.

Первым в своем роде и очень важным в историко-теоретическом отношении явилось исследование В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья», выполненное еще до войны [Чичеров, 1982]. Поскольку существование школ и локальных традиций (елустафьевско-рябининской, Конона с Зяблых Нив, космозерской) обнаруживает свою детальную текстологическую доказуемость, мы получаем еще один довод в пользу большой сохраняемости вариантной сути эпоса от поколения к поколению.

Акцентирование вопроса о вековой вариантной профилированности произведений эпоса не принижает дарований и заслуг тех певцов, которые донесли до нас эти варианты, и во многих случаях придали им дополнительные достоинства, совершенство, своеобразие. Мы лишь подчеркиваем труд всех поколений певцов, которые содействовали складыванию и развитию вариантов.

Варианты (версии, редакции) предстают как поэтическая реальность, сложившаяся *исторически*, а не только (и не столько) возникающая на глазах собирателей. Вклад наблюдаемых исполнителей предстает в более объективном соизмерении с вкладом поколений.

О «латентном самопереводе» эпоса. Современному французскому читателю «Песнь о Роланде», немецкому — «Песнь о нибелунгах» в текстах древней фиксации труднодоступны, они читаются в переводах Бедье, Ванселова и др. Между тем былины, юнацкие или войницкие песни перевода не требуют. Конечно, языки русский, южнославянские, восточнороманские (дакорумынский, арумынский) в их фольклорном, эпическом выражении были в средние века не столь отличными от современных, как, например, старофранцузский. Но отличия несомненно существовали и могли быть ощутимыми — достаточно сослаться на «Слово о полку Игореве» с его фольклорным ингредиентом. Эпические же песни в дошедших устных вариантах вполне понятны сегодня. То, что произошло с ними на пути из древности (например, с их лексикой), можно назвать *латентным самопереводом* эпоса. Из форм этого процесса уместно выделить синонимические замены, наблюдаемые в текстах эпических певцов. Насколько нам известно, они до сих пор не интерпретированы в историко-поэтическом аспекте (хотя еще в XIX в. исследователям казалось, например, очевидным, что слово «богатырь» в былинах заменило какое-то другое слово — назывались *храбр*, *поляница* и т. д.). Между тем, для диахронического рассмотрения репертуара замен есть немало поводов. Сошлемся хотя бы на некоторые примеры из подборки замен у одних и тех же исполнителей былин, составленной К. В. Чистовым и снабженной принципиальными объяснениями того, что это не синонимы в словарном смысле, а соответствия контекстуальные, изофункциональные, как бы асимметричные: «уподобляясь, они одновременно расподоблены» [Чистов, 1986, 154—159]: *письмо — грамотка*, *силушка — армия*, *поддельные* мосточки — *фальшивые*, *работник — наемник*. Синонимическое варьирование объясняет вовлечение в текст былины «модернизмов», справедливо считает К. В. Чистов. И оно же — если брать в историческом плане — отражало изменения реалий и словоупотребления, поставляя возникающие замены и параллельные именования. При публикации самой ранней — 1791 г.— за-

писи восточнороманской эпической песни понадобилось давать объяснение слов *камъл*, т. е. полный, *авлие*, т. е. платок, исчезнувших в дальнейшем из текстов той же баллады «Илинкуца» и не зафиксированных в восточнороманских словарях XIX—XX вв. [Гацак, 1982, 273—274]. Когда же лэутар К. Стайку может, как он сам говорил, вместо лодки (luntre) сказать каик (большая лодка), он пользуется более устойчивым в языке турцизмом. Синонимическое соответствие именований кафтана у Стайку и Тицэ dulama/comănac также сополагает слова разноэтапного появления. «*Пушка манлихерка*» из текста Цв. Балтяновой пополняет обычный в юнацком эпосе ряд именований ружья: *тънка*, *дълга*, *бойлия*, *севделия*, *арнаутска* и т. д.

Рискнем высказать, пока что в самой предварительной форме, предположение, что изучение механизма и реестра функционально-синонимических замен в эпическом контексте (прежде всего — в былинах) позволит путем экстраполяции некоторым образом моделировать, с помощью ЭВМ, состояние эпико-поэтического словаря и внутритекстовых лексических связей, какими они были в минувшие столетия. Иначе говоря, осуществить «снятие слоев» — как формулировал В. Ф. Миллер, имея в виду другие задачи, противоположное по направлению латентному самопереводу эпических песен из древности до XIX—XX в. Разумеется, это потребовало бы нацеленного привлечения исторических пластов Машинного фонда русского языка и скрупулезного учета историко-лексикографических, этнолингвистических собственно этнографических и других ретроспективных методик и результатов (включая их областное, диалектное районирование и т. д.).

«*Контрольное*» *внеэпическое сравнение*: *сказочник и его текст*. Реализация сказочником коллективной традиции тоже требует аналитического раскрытия, в котором до сих пор остаются существенные пробелы, тем более что на фоне морфологической однотипности сказок многообразие сюжетных и текстовых их воплощений особенно ощутимо [Андреев, 1988, 232—241].

В свое время предпринимались опыты по моделированию передачи сказочного текста. Ф. К. Бартлетт в психологической лаборатории в Кембридже рассмотрел последовательное воспроизведение студентами текста, прочитанного первому из них, с целью выявить психологические факторы процесса, «невольные изменения и привнесения» [Бартлетт, 1920, 30—47]. Более подчиненными интересам фольклористики были эксперименты В. Н. Андерсона в Дерпте (20-е годы) и Киле (после войны). В 1947 г. каждому первому студенту — А, В, С — из трех групп по 12 человек зачитывался один и тот же фольклорный текст, через день студент записывал, как запомнил, и это заслушивали вторые и т. д. В итоге получились три серии: А 1—12, В 1—12, С 1—12, всего 36 «вариантов». Сопоставив их, Андерсон выявил «постоянный процесс трансформации и разрушения» («stetige Umwandlungs- und Zersetzungsprozzes») [Андерсон, 1951, 38], в чем он видел доказательство (как бы от «противного») двух своих тезисов, выдвинутых еще в работе «Kaiser und Abt»: устойчивость передачи сказки в народе объясняется, во-первых, тем, что сказитель слышал ее не один, а много раз, и, во-вторых, тем, что он слышал не от одного лица, а от целого ряда во многих вариантах [Андерсон, 1923, 399] (отсюда вы-

водился «закон самоисправления» — «Gesetz der Selbstberichtigung»). Опыт Андерсона повторили Дюла Ортутаи в Будапештском университете (1959) и Курт Шир в Мюнхене [Шир, 1955] [6].

Работы Андерсона пользуются высокой репутацией и все же «лабораторное» моделирование сейчас уже не расценивается как достаточное по своим данным. Ов. Бырля [Бырля, I, 20—21], Л. Дег [Дег, 1973, 138] подчеркнули, что особое значение принадлежит спонтанным показаниям устной традиции.

Новизна проблемы не только в фольклорном качестве процесса, подлежащего изучению. Моделирование было обращено лишь к моменту заслушивания и немедленной передачи, поэтому не мог получить освещения вопрос о стабильности знания сказки во времени, о мере, уровнях и характере ее сохраняемости и воспроизводимости на протяжении большого периода, а ведь все это имеет принципиальное значение.

Линда Дег в качестве гипотезы выдвигает существование своего «кондуита» у каждого жанра. В такой общей форме это даже не гипотеза (хотя термин не бесспорный); но все дело в том, чтобы раскрыть подобный «кондуит» или, точнее, систему ориентирующих координат отдельно взятой сказки и жанровой разновидности в целом.

Один из важных, но плохо используемых исследовательских путей — осуществление и проработка разновременных (повторных) записей от одних и тех же сказочников. (Вероятно, нет надобности доказывать недостаточность работ, основанных на однократных и поэтому малопоказательных фиксациях.)

Очень к месту окажутся теперь разновременные старые записи, а также новые, специальные, которые осуществляются, например, Верой Гашпариковой в Словакии по следам Ф. Вольмана [Гашпарикова, 1972, 54] [7] или румынскими фольклористами. Как бы то ни было, для начала исследования уже есть материал.

Для первого опыта мной изучены разновременные записи от А. Н. Корольковой (предвоенные и 1955—1957 гг.) и М. М. Коргуева (1933 и 1936 гг.), несколько неопубликованных молдавских сказок из Фольклорного архива Академии наук Молдавской ССР (с дистанцией в записях от одного дня до тридцати лет); 12 румынских сказок, зафиксированных дважды (с промежутком от недели до 8 лет) и помещенных в антологии проф. Бырли; привлечен и некоторый белорусский материал.

Выводы подаются в самом кратком изложении.

Сказка воспроизводима как отдельное конкретное произведение. Используя известную терминологию Ф. де Соссюра, можно сказать, что она предстает как акт «речи», а не «языка». Практически это означает, что сказочник хранит и воспроизводит не сказку вообще — генерализованную морфологическую структуру или совокупность функций,— а ее «частный случай», т. е. повествование о героях с определенными именами, обликом, действиями и т. д. При новом исполнении сказка в принципе не перепосвящается другим персонажам. Исключения лишь подтверждают это прави-

---

[6] Андерсон, разбирая диссертацию Шира, не принял поправки, предложенные последним, кроме замены письменной передачи устной. См.: [Андерсон, 1956].

[7] Исследовательница различает повторные записи *прямые* (от тех же исполнителей) и *косвенные* (от лиц, близких к ним).

ло. Например, в 1940 г. Королькова еще явно не знала сказку «Сестриц Аленушка» и под этим названием фактически изложила другую сказку — о брате Андрее [ФВО, № 319]. В 50-х годах она уже излагала «каноническую» историю Аленушки и Иванушки, хотя и в «сравнительно слабом, обедненном варианте» [Корольк., 171]. Равным образом те сказки, которые издатель текстов М. М. Коргуева А. Н. Нечаев именовал вариантами [Коргуев, 2, Раздел: «Варианты»], хотя они посвящены героям с разными именами, скорее всего, самостоятельные версии, пришедшие в репертуар Коргуева от разных сказителей. (Их сочетание в репертуаре Коргуева обусловило, конечно, и текстуальное сближение, что и могло ввести в заблуждение издателя, назвавшего их вариантами.)

Однозначная конкретность сказки, воссоздаваемой от исполнения к исполнению,— генеральная особенность процесса. Все остальные — производные от нее. Во многом так же, как в эпосе.

Различные *уровни* повествования обнаруживают неодинаковую степень сохраняемости.

В рассмотренных примерах в сюжете не обнаружено качественных изменений при повторном прослушивании. Если в великолепной сказке «Финист — Ясный Сокол» (запись 50-х годов) у Корольковой, по замечанию Э. В. Померанцевой, «героиня дважды разыскивает своего возлюбленного» [Корольк., 15; ср. 161—170], то это не инициатива момента, ибо такое же сюжетно-композиционное удвоение было и в довоенной записи от нее [ФВО, 203—206]. В случае выявления аналогичной контаминации у других исполнителей принадлежность этой особенности Корольковой вообще будет поставлена под вопрос. Так же обстоит, например, с румынской сказкой «Ченушотка» («Золушка»): у Г. Злотара из Запрутской Молдовы она устойчиво соединяется с другим сюжетом [Бырля, I, 586 и сл., записи 1953 и 1955 гг.]. Напрашивается вывод, что контаминированность — давняя, традиционная особенность бытия некоторых сюжетов. Говорить о ней как об индивидуальном акте следует осторожнее.

На уровне «табулатуры» (В. Я. Пропп) или мотивов и их элементов стабильность нарушается гораздо свободнее, но в локальных пропорциях. Так, обстоятельства, при которых начинается действие, могут представать в разных фазах и подробностях. Чаще всего наблюдается выпадение отдельных мотивов повествования (например, во второй записи «Финиста — Ясного Сокола» не говорится о птицах, коте и волке, подбадривающих героиню в пути, как в довоенной записи [ФВО, 198, 199, 200]); распространенное явление — «запаздывание» некоторых обстоятельств («я забыл вам сказать...»).

Это сказывается и в описаниях; например, каждый из текстов «Мартынки» у Корольковой содержит описания, которых нет в другом (ср.: «Волосы русые, кучерявые, ниже пояса...» [Корольк., 144]. И все же они не произвольны, ибо отвечают эстетической норме сказки.

В силу подобных несовпадений сказка от исполнения к исполнению словно вибрирует, тексты то и дело дополняют друг друга. Перед нами — специфическое (поскольку речь идет о разновременных текстах сказочника) выражение более общего свойства фольклорного варьирования, названного К. В. Чистовым «словесной вибрацией» [Чистов, 1963, 12]. Определенный «диапазон колебаний», «вибрация словесной ткани» допуска-

ются даже «точным» исполнительским воспроизведением [Чистов, 1986, 161]. В сказке и повествовательных жанрах вообще они тем более ощутимы. То и дело встречаются резкие расхождения объема в целом, что связано с темпом повествования, замедлением или ускорением его и т. п. Например, молдавская сказка «Ион Богатырул и Ион Хайдукул» у Г. Кокарчя в 1961 г. оказалась вдвое короче (конспективнее), чем за год до этого и восемь лет спустя.

На этом фоне выглядит неожиданным, что *традиционные ориентирующие «вехи» распознаются* не только в событийной данности повествования, но и в *текстуально совпадающих* или *функционально тождественных* понятиях, словосочетаниях и т. д., причем все это помимо типических формул. Ресурсы памяти оказываются значительнее, чем можно было бы ожидать,— ведь за отсутствием стиха сказка представляется совсем «текучей».

В румынской сказке о неверной жене («Морская пена») в записях, отстоящих одна от другой на 8 лет, *совпадающие* слова и даже идентичные фразы явственно обозначают и сюжет, и характеристику образов: «Жили в старые времена муж и жена... Жена... завела любовника...; «Эй, Ион, я гадала себе вчера у тетки Марии на бобах, и она мне сказала, что до тех пор, пока ты мне не принесешь пену оттуда, где бьются меж собою моря, я не выздоровею...» «Испек себе большую лепешку, положил в котомку и пошел...»; «Встречается со старым дедом Пэкалэ...»; «Куда идешь?» — «Моя жена больна...» и т. д. [Бырля, III, 125—127].

Аналогичное явление — у Корольковой, о чем свидетельствуют *текстуальные совпадения* в двух записях сказки «Горошина»: «Жил старик... Детей не было (или: было много.— *В. Г.*). Однажды Иван Калинович принес карман горошку... Говорит:— Старуха, свари горошка...» Старуха начала сливать (или: мыть.— *В. Г.*), одна горошина покатилась... Так и не нашла... Дня через три... из-под пола взошла...» [Корольк., 240, 400].

При описании боя со змеем у румынского сказочника Янку Дуроя в фиксациях, осуществленных с паузой в месяц, наблюдаются совпадения не только в тексте, но и в *жестикуляции* (сказочник в обоих случаях «сложил вместе ладони», демонстрируя, как складывал герой отрезанные языки змея [Бырля, 1, 182—183]. С этим перекликаются наблюдения Д. Я. Адлейба, установившей, что от исполнения к исполнению у сказочника могут сохраняться однотипные, отвечающие контексту, интонации и жесты [Адлейба, 1980, 10—12].

Судя по редкой сопоставительной публикации П. В. Штефэнукэ записей одной и той же молдавской сказки о Фэт-фрумосе, записанной от Т. Тымбуре в 1935 г. и от его сына С. Тымбуре в 1939 г., устойчивость конкретных повествовательных вех наблюдается и при передаче сказки из поколения в поколение (например, в тексте, записанном от сына, сохраняются «отцовские» детали и словосочетания при описании испытаний буздугана) [Штефэнукэ, 1942, 87].

В текстах двуязычных сказочников (например, повествующих по-македонски и по-влашски, т. е. по-арумынски) обнаруживается стремление выдерживать один и тот же (или хотя бы близкий) ряд подробностей и опорных стилевых образов [Попвасилева, 1987, 45—100].

Устойчивость опорной содержательно-художественной конкретики сочетается в сказке с постоянным (но не беспредельным) *«добиранием»* подробностей. В этом локальном плане «система» сказки выглядит *открытой*. Параметры воспроизводимости сказки и эпической песни здесь в некоторой степени сходны, хотя мера и интенсивность добирания подробностей в сказке намного больше, чем в эпосе.

Впрочем, и в сказке пополнение деталями тоже неоднотипный процесс. При однократности, эфемерности очень многих подробностей наблюдается и определенное их «отстаивание», даже стабилизация у сказочника. Например, заверение молдавского сказителя, что булава гайдука Иона «стала мостом на тысячу лет», по которому «поезда ходят сейчас» (запись 1960 г.), конечно, «модернизм». Но и через 9 лет исполнитель сказал: «Та булава и была мостом, по которому могли и поезда ходить». Стало быть, это новое осмысление обрело определенную стабильность у исполнителя.

Добирание подробностей было, вероятно, свойственно сказке и в прошлом. Это ее *органическое* свойство. Конечно, в исследовательских работах — например, в 20-е годы в книге М. К. Азадовского о Винокуровой, в работах И. В. Карнауховой, в статьях «Художественного фольклора» (Н. П. Гринковой, С. И. Минц, Э. В. Померанцевой), в курсе Б. М. Соколова (1930), как и позднее,— оно подчас гиперболизировалось, но все же речь шла о явлении реальном. Другое дело, что необходимо помнить о его действительном месте в сказочном повествовании. «Открытость» сказки не беспредельна уже потому, что в самой идейно-художественной сущности жанра кроются *принципиальные ограничения*, неучет которых выводит текст за пределы сказки.

В начале нашего столетия один из собирателей фольклора писал: «Если сказочник говорит вам сказку три раза, то это уже не будет одна и та же сказка, а три разные, сходные только общностью сюжета» [Козырев, 1915, 278]. Фактический материал не позволяет согласиться с таким суждением. Гораздо больше оснований распространить на повторные записи современное представление о соотношении произведения и отдельного текста, хорошо выраженное акад. Д. Ортутаем: «Произведение — одно, варианты — бесчисленны» («one creation — innumerable variations») [Ортутай, 1959, 182].

В хорошо документированной антологии «Волшебные сказки» К. П. Кабашникова и Г. А. Барташевич (серия «Белорусское народное творчество») помещена богатырская сказка «Пра Іллюшку», записанная в 1949 г. от П. И. Гулевича из Гомельской области. А в отдельном сборнике этого исполнителя имеется еще одна запись того же произведения — 1957 г. («Пра Илью Мурамца і багатыроў»). Сличение обоих текстов Гулевича убедительно свидетельствует о сохраняемости опорной повествовательной системы. Приведем небольшие отрывки из обеих записей; жирным шрифтом в них выделены совпадающие слова и сочетания, а курсивом — «синонимичные» отрезки текстов, отстоящих один от другого на 8 лет.

1949	1957
— **Ну як, ты цяпер** *чуствуеш сілушку ў сабе?*	— **Ну, як ты цяпер** сябе *пачуваеш?* Ці ёсць сіла?
— Калі б у неба і ў зямлю стоўб і штоб было ў ім калясо, дык **бы ўвесь свет** *перакруціў* рукою...	— Я цяпер **увесь свет** *перевярнуў* **бы**!
	. . . .

— Ну, **цяпер, як** чуствуеш сілушку?

— **Палавіну**,— гавора,— таго.

— Ну, **хопиць** з цябе. **У баю** нідзе не загінеш.

. . .

...**Папросіш сто рублёў** у бацькі грошай і *ідзі* **у горад** Дайдзеш да раскрэсау недалёка ад горада, дык **будзе старык** везці касматага **лашонка,** дык ты яго *штоб купіу... То будзе* **твой конь.**

Чар. к., 301—302

— А **цяпер як** *адчуваеш?* — пытаюцця жабракі.

— **Цяпер** палавіна *той* сілы, што была раней.

— Ну і добра. А бы хапіла у баі — **нідзе** больш не **загінеш**!

. . .

...Цяпер ідзі да бацькі, **папрасі сто рублёй** *пойдзеш* **у горад,** па дарозе будзе ехаць **стары,** дык ты ў яго *купіш* **лашонка** за гэтыя грошы. *Гэта* **будзе твой конь.**

Бел. к., 10

Вопросы—ответы с повторяющимся уточнением «теперь», совпадающая «мера» силы («весь свет перевернул бы») и ее уменьшения («половина той»); идентичный критерий достаточности оставшейся части силы («в бою нигде не погибнешь»); стабильные условия обретения героем коня и антитеза «купишь лашонка» — это «будет твой конь» — все это составляет сквозные вехи повествования: смысловые, художественно-изобразительные, структурные. На них как бы накладывается остальное изложение, возникающее по ходу самого рассказа. Такие вехи прослеживаются и в других частях повествования.

Есть в текстах Гулевича и различия, они «проявляются в деталях» [Чар. к., 629, коммент.], но не *только* в деталях.В изложении много перестановок; например, во втором тексте Илья Муромец сначала показан в Киеве, где богатыри (в их числе — «Даўгапалы» вместо Добрыни Никитича из текста 1949 г.) бьются с врагом-иноземцем, а уж потом Илья встречается в пути с Соловьем-разбойником. В первом тексте Илья убивал насильника-нахвальщину «шапкой 40 пудов», когда тот замахивался «кинжалом», во втором — сам поражает врага кинжалом. В ряде мест позднейший текст беднее (так, в наказе выходить коня пропущена поэтичная и вполне традиционная фраза: «Пакорміш тры дні белаярай пшаніцай і тры зары на шаўковую траўку будзеш выводзіць.

В то же время в записи 1949 г. был повествовательный пропуск, частый у исполнителей эпоса: выполнение Ильей наказа купить коня и ухаживать за ним как бы выпало (в тексте 1957 г. оно есть). Сразу после наказа, без перехода говорилось о результате: «Зрабілася на ім залатая шарсцінка і срэбраная» [Чар. к., 302]. Мы бы сказали, что произошло выпадение повествовательного звена — сказительское «стяжение».

В комментариях к антологии 1973 г. указано, что в позднейшем тексте Гулевича «изменена (мы бы сказали: выглядит по-другому — В. Г.) концовка». А точнее, ею вообще служит другой эпизод; старичок поднимает сумочку, которую не смог поднять Илья,— «ў ёй была ўся зямля руская»; Илья восхищен, какие богатыри «жывуць у нас на Русі» [Бел. к., 16]. Таким образом, оказался опущенным прежний финал [Чар. к., 305]: Илья бился со змеем, по колено ушел в землю и превратился в камень; «Ён і цяпер стаіць там. Я сам відаў яго» (явное переосмысление в духе локализированных преданий о богатырях).

Взаимная дополняемость обоих текстов здесь приобретает особую значительность, подтверждая закономерность этого явления и для сказочного эпоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ААГКП, 1977 — *Алиева А. И., Астафьева Л. А., Гацак В. М., Кирдан Б. П., Пухов И. В.* Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977.

Абакумов, 1922 — *Абакумов С. М.* Насколько прочен текст былины // Новое дело. Казань, 1922, Т. III.

Аверинцев, 1977 — *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Адлейба, 1980а — *Адлейба Д. Я.* Неформульно-повествовательная стереотипия в волшебной сказке // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980.

Адлейба, 1980б — *Адлейба Д. Я.* Стиль сказки и его устные основы: На абхазском материале: Автореф. дисс. к-та филол. наук. М., 1980.

Андерсон, 1923 — *Anderson W.* Keiser und Abt. Helsinki, 1923. (FFC; N 42).

Андерсон, 1951 — *Anderson W.* Ein folkskundliches Experiment. Helsinki, 1951. (FFC; N 141).

Андерсон, 1956 — *Anderson W.* Eine neue Arbeit zur Experimentellen Folskunde. Helsinki, 1956. (FFC; N 168).

Андреев, 1988 — *Андреев Н. П.* Проблема тождества сюжета: Публикация В. М. Гацака // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988.

Аникин, 1980 — *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980.

Арнаудов, 1968 — *Арнаудов М.* Очерци по български фолклор. С., 1968. Т. 1.

Астафьева, 1975 — *Астафьева Л. А.* Типология лейтмотивов и описаний в русских былинах // Типология народного эпоса. М., 1975.

Астафьева, 1983 — *Астафьева Л. А.* Сюжетно-композиционные связи в славянских эпических повествованиях // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983.

Астахова, 1948 — *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

Аткинсон, 1980 — *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения: Пер. с англ. М., 1980.

Базанов, 1981 — *Базанов В.* Поэзия русского Севера. Петрозаводск, 1981.

Байсклан, 1982 — *Сат [Байсклан] С. М.* Текст учителя и текст ученика: Опыт сопоставления художественно-определительных констант тувинского сказания // Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982.

Байсклан, 1987 — *Байсклан С. М.* Поэтика тувинского героического эпоса. Кызыл, 1987.

Баранникова, 1978 — *Баранникова Е. В.* Бурятские волшебно-фантастические сказки. Новосибирск, 1978.

Бартлетт, 1920 — *Bartlett F. C.* Some experiments on the Reproduction of Folkstories / Folk-lore. L.,1920, Vol. XXXI.

Бахтин, 1975 — *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Богатырев, 1971 — *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Буслаев, 1851 — *Буслаев Ф. И.* Эпическая поэзия // Отечественные записки. 1851. Т. 77, отд. II.

Буслаев, 1861 — *Буслаев Ф.* Исторические очерки русской народной словесности. СПб., 1861. Т. I.

Васильев, 1907 — *Васильев Н.* Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах // Известия ОРЯС. 1907 Т. XII, кн. 2.

Веселовский, 1881—1884 — *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб., Вып. I—II. 1881; Вып. III—XI. 1884.

Веселовский, 1884—1886 — *Веселовский А. Н.* Эпос [Курс 1884—1886 гг.] // Рукоп. отд. ИРЛИ АН СССР. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 149.

Веселовский, 1940 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940.

Владимирцов, 1923 — Монголо-ойрат-

ский героический эпос / Пер., вступ. ст. и примеч. Б. Я. Владимирцова. Пб.; М., 1923.
Вранска, 1955 — *Вранска [Романска] Цв.* Наименование на отвлечение понятия в произведенията на българското и македонското устно народно поетично творчество // Изв. на етнографския институт с музей. С., 1955. Кн. II.
Гамкрелидзе — Иванов, 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 1—2.
Гацак, 1967 — *Гацак В. М.* Восточнороманский героический эпос: Исследование и тексты. М., 1967.
Гацак, 1968 — *Гацак В. М.* «Стоян и Видра» («Гицэ Кэтэнуцэ»): К вопросу о древней основе поэмы // Фолклор молдовенеск: Студий ши материале. Кишинэу, 1968.
Гацак, 1971 — *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971.
Гацак, 1973 — *Гацак В. М.* Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.
Гацак, 1975а — *Гацак В. М.* Восточнороманский войницкий и южнославянский юнацкий эпос // Типология народного эпоса. М., 1975.
Гацак, 1975б — *Гацак В. И.* Сказочник и его текст: К развитию экспериментального направления в фольклористике // Проблемы фольклора. М., 1975.
Гацак, 1980 — *Гацак В. М.* Поэтика эпического историзма во времени // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980.
Гацак, 1982 — *Гацак В. М.* Самая ранняя запись восточнороманской эпической песни: 1791 // Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982.
Гацак, 1983а — *Гацак В. М.* Основы устной эпической поэтики славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983.
Гацак, 1983б — *Гацак В. М.* Поэтика историзма эпоса во времени // Литературоведение и фольклористика: В чест на 70-годишнината на акад. П. Динеков. С., 1983.
Гацак, 1986 — *Гацак В. М.* Историческая поэтика и фольклор // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986.
Гацак, 1986б — *Гацак В. М.* Наследие А. А. Потебни и перспективы историко-поэтического изучения фольклора // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 1.
Гацак, 1987 — *Гацак В. М.* Миу гайдук: Эпическая песня в записи от современного сельского лэутара // Румынская народная поэзия: Баллады. Героический эпос. М., 1987.
Гашпарикова, 1972 — *Gašparikova V.* Zo zivota slovenskej prozaiskej tradicie v súcasnost // Проблеми на българския фольклор. С., 1972.
Голенищев-Кутузов, 1963 — *Голенищев-Кутузов И. Н.* Эпос сербского народа // Эпос сербского народа. М., 1963.
Голосовкер, 1987 — *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М., 1987.
Гринцер, 1974 — *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. М., 1974.
Грица, 1979 — *Грица С. Й.* Мелос української народної епики. Київ, 1979.
Далгат, 1975 — *Далгат У. Б.* Типовые черты нартского эпоса // Типология народного эпоса. М., 1975.
Дег, 1973 — *Degh L.* Une hypothèse: la transmision à «multiconduits» dans le folklore // Actes du premier congrès internationale d'ethnologie européenne. Paris, Août, 1971. P., 1973.
Десницкая, 1980 — *Десницкая А. В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
Диакону, 1980 — *Diaconu I.* Cîntăreţi şi povestitori populari. Buc., 1980.
Динеков, 1949 — *Динеков П.* Българска народна поезия. С., 1949.
Динеков, 1972 — *Динеков П.* Български фольклор. 2-е изд. С., 1972. ч. 1.
Евгеньева, 1963 — *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVIII—XX вв. М.; Л., 1963.
Емельянов, 1980 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты якутских олонхо. М., 1980.
Емельянов, 1983 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М., 1983.
Жирмунский, 1979 — *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979.
Жирмунский—Зарифов, 1947 — *Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т.* Узбекский героический эпос. М., 1947.
Ибраев, 1980 — *Ибраев Ш. И.* Художественно-определительная система героического и романического эпоса тюркоязычных народов // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980.

Иванов С., 1975 — *Иванов С. В.* Древние представления некоторых народов Сибири о слове, мысли и образе // Страны и народы. М., 1975. Вып. 17. (Страны и народы Востока; Кн. 3).
Иванов—Топоров, 1965 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языко вые моделирующие системы. М., 1965.
Иванов—Топоров, 1974 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
Илларионов, 1982 — *Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов. Якутск, 1982.
Карнаухова, 1977 — *Карнаухова И. В.* Об изучении сказочника как артиста / Публ. В. М. Гацака // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977.
Керемидчиев, 1954 — *Керемидчиев Г.* Народният певец дядо Вичо Бончев. С., 1954.
Кирдан, 1971 — *Кирдан Б. П.* Варьирование кобзарем М. Кравченко думы «Бедная вдова и три сына» // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971.
Козин, 1940 — *Козин С. А.* Джангариада: Героическая поэма калмыков: Введение в изучение эпоса и перевод торгутской его версии. М.; Л., 1940.
Козырев, 1915 — *Козырев Н.* Как я собирал народные сказки // Живая старина. Пг., 1915. Вып. III—IV.
Колесса — *Колесса Ф. М.* Мелодії українських народних дум / Підгот. до друку, вступ. стаття та прим. С. Й. Грици. Київ, 1969.
Кондратьева, 1967 — *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.
Короглы, 1988 — *Короглы Х. Г.* Художественные каноны и видоизменение эпоса // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988.
Корсункиев, 1980 — *Корсункиев Ц. К.* Сюжет о метком стрелке // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980.
Котляр, 1985 — *Котляр Е. С.* Эпос народов Африки южнее Сахары. М., 1985.
Кравцов, 1985 — *Кравцов Н. И.* Сербскохорватский эпос. М., 1985.
Кудияров, 1982 — *Кудияров А. В.* Вопросы стиля калмыцкого эпоса «Джангар» в свете тюркоязычной эпической традиции // Изв. АН КазССР. Сер. филол. Алма-Ата, 1982, № 3.
Кудияров, 1984 — *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984.
Кудияров, 1986 — *Кудияров А. В.* Проблемы изучения художественного стиля эпоса сибирских народов // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986.
Кудияров, 1988 — *Кудияров А. В.* Поэтико-воззренческие аспекты историзма эпического творчества // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988.
Курциус, 1954 — *Curtius E. R.* Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter / Zweite, durchgesehene Auflage. Francke-Verlag. Bern, 1954.
Кыдырбаева, 1980 — *Кыдырбаева Р. З.* Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980.
Кыдырбаева, 1984 — *Кыдырбаева Р. З.* Сказительское мастерство манасчи. Фрунзе, 1984.
Лебедев, 1978 — *Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. Л., 1978.
Лебедева, 1981 — *Лебедева Ж. К.* Архаический эпос эвенов. Новосибирск, 1981.
Лебедева, 1982 — *Лебедева Ж. К.* Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск, 1982.
Лебедева, 1986 — *Лебедева Ж. К.* О жанрообразовании в архаическом эпосе народностей Крайнего Севера // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986.
Липец, 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
Лихачев, 1968 — *Лихачев Д. С.* «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах // Славяне и Русь. М., 1968.
Лихачев, 1979 — *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979.
Лорд, 1960 — *Lord A.* The Singer of Tales. Cambridge-Massachusetts, 1960 [*Lord A. B.* Der Sänger erzählt. München 1965].
Лорд, 1981 — *Lord A. B.* Memory, Fixity and Genre in oral Traditional Poetries // Oral Traditional Literature: A Festschrift for A. B. Lord. Columbus, Ohio, 1981. (Slavica Publishers).
Лорд, 1983 — *Lord A. B.* Aspects of the poetics of bulgarian oral traditional narrative song // Литературоведение и фольклористика. София, 1983.
Ляцкий, 1894 — *Ляцкий Евг.* Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины // Этнограф. обозрение. 1894. Кн. XXIII, вып. 4.

Матич, 1964 — *Matiħ C.* Наш народни еп и наш стих. Нови Сад, 1964.
Мелетинский, 1963 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
Мелетинский, 1968 — *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.
Мелетинский, 1983 — *Мелетинский Е. М.* Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1.
Мошиньский, 1968 — *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian, t. II: Kultura duchowa /Szesc 2. Wyd. drugie. W-wa, 1968.
Мурко, 1951 — *Murko M.* Tragom srpsko-hrvatske narodne epike. Zagreb, 1951. Knj. 1—2.
Мыреева, 1978 — *Мыреева А. Н.* Сказительство в условиях якутско-эвенкийского двуязычия // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978.
Неклюдов, 1972 — *Неклюдов С. Ю.* Время и пространство в былине // Славянский фольклор. М., 1972.
Неклюдов, 1973 — *Неклюдов С. Ю.* К вопросу об описании «эмоциональной реакции» былинного персонажа // Σημειωτιχή: Сб. ст. по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
Неклюдов, 1974 — *Неклюдов С. Ю.* «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада // Историко-филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974.
Неклюдов, 1977 — *Неклюдов С. Ю.* Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977.
Неклюдов, 1978 — *Неклюдов С. Ю.* О стилистической организации монгольской «Гэсэриады» // Памятники книжного эпоса. М., 1978.
Неклюдов, 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М., 1984.
Неклюдов, 1987 — *Неклюдов С. Ю.* Монгольский эпос и якутское олонхо / Fragen der mongolischen Heldendichtung. T. IV. Wiesbaden, 1987.
Новик, 1984 — *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. М., 1984.
Окладников, 1955 — *Окладников П. А.* Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1.
Орлов, 1945 — *Орлов А. С.* Казахский героический эпос. М.; Л., 1945.
Ортутай, 1959 — *Ortutay Gy.* Principles of oral transmission in folk culture: variations, afinity // Acta ethnographica. Bp., 1959. T. VIII. Fasc. 3—4.
Пермяков, 1988 — *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.
Петров, 1978 — *Петров В. Т.* Изображение персонажей в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978.
Пидаль, 1966 — *Менедес Пидаль Р.* Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966. Т. XXV, вып. 2.
ПКЭ, 1978 — Памятники книжного эпоса: Стиль и типологические особенности. М., 1978.
Попвасилева, 1987 — *Попвасилева А.* Двојазичното раскажување на народни приказни: Влашко-македонски и македонско-влашки релации. Скопје, 1987.
Потебня, 1887 — *Потебня А. А.* Объяснение малорусских и сродных народных песен: Колядки и щедровки. Варшава, 1887. Т. II.
Пропп, 1958 — *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958.
Путилов, 1966 — *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца: Из текстологических наблюдений над былинами // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966.
Путилов, 1971 — *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.
Путилов, 1980 — *Путилов Б. Н.* Певец и эпос // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980.
Путилов, 1982 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос черногорцев. Л., 1982.
Путилов, 1988 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. М., 1988.
Пухов, 1962 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо: Основные образы. М., 1962.
Пухов, 1973 — *Пухов И. В.* Сказка ли олонхо?: О жанре якутских олонхо // Специфика фольклорных жанров. М., 1973.
Пухов, 1980 — *Пухов И. В.* Фольклорные связи народов Севера: Эпические жанры эвенков и якутов // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980.
Пэрри, 1928 — *Parry M.* L'epithète traditionelle dans Homèrs. P., 1928.

Радлов, 1885 — *Радлов В. В.* Предисловие // Образцы народной литературы северных тюркских племен / Собраны В. В. Радловым. СПб., 1885. Ч. 5.
Ренци, 1969 — *Renzi* L. Canti narrativi tradizionali romeni / Studio e testi. Firenze, 1969.
Рифтин, 1970 — *Рифтин Б. Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае: Устные и книжные версии «Троецарствия». М., 1970.
Рифтин, 1979 — *Рифтин Б. Л.* От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979.
Рифтин, 1982 — *Рифтин Б. Л.* Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей: Магтал коню и всаднику // Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982.
Ришнер, 1955 — *Rychner J.* La chanson des geste / Essai sur l'art épique des jongleurs. Geneve; Lille, 1955.
Рыбаков, 1978 — *Рыбаков Б. А.* [при участии Новиковой А. М.]. Былины // Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А. М. Новиковой. М., 1978.
Сангажиева, 1976 — *Сангажиева Н. Б.* Эпический репертуар джангарчи М. Басангова. Элиста, 1976.
Селиванов, 1969 — *Селиванов Ф. М.* Искусство изображения внутреннего мира человека в былинах // Фольклор как искусство слова. М., 1969. Вып. 2.
Селиванов, 1972 — *Селиванов Ф. М.* Пейзаж в былине // Вестн. МГУ. Сер. 7, Филология. 1972. № 5.
Селиванов, 1977 — *Селиванов Ф. М.* Поэтика былин: Система изобразительно-выразительных средств. М., 1977.
Селиванов, 1984 — *Селиванов Ф. М.* Эпитеты былинного города Киева // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984.
Селиванов, 1985 — *Селиванов Ф. М.* Поэтика былин в историко-филологическом освещении: Композиция, художественный мир, особенности языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985.
Сенкевич-Гудкова, 1980 — *Сенкевич-Гудкова В. В.* Некоторые музыкальные и поэтические особенности саамских и хантыйских песен о зверях и птицах // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / Сост. И. Рюйтел. Таллин, 1980.
Скафтымов, 1924 — *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. М.: Саратов, 1924.
Смирнов, 1974 — *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции. М., 1974.
Соколов, 1924 — *Соколов Б.* Сказители. М., [1924].
Соколов, 1977 — Из разработок Б. М. Соколова по теории и поэтике фольклора / Публ. В. М. Гацака // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977.
Стасов, 1868 — *Стасов В.* Происхождение русских былин // Вестн. Европы. 1868. Кн. 1—4, 6—7.
Степанов, 1979 — *Степанов Г. В.* К проблеме языкового варьирования. М., 1979.
Суразаков, 1985 — *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.
Сыдыков, 1974 — *Сыдыков А.* Традиционные формулы в творчестве киргизских сказителей // Сов. тюркология. 1974, № 4.
Сыдыков, 1980 — *Сыдыков А.* Традиционная композиция описаний похода в эпосе «Манас»: Варианты С. Орозбакова и С. Каралаева // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980.
Ткаченко, 1979 — *Ткаченко О. Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.
Толстой, 1983 — *Толстой Н. И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л., 1983.
Толстой, 1987 — *Толстой Н. И.* Роль язычества в славянской культурной традиции // Изучение культур славянских народов. М., 1987.
Толстой, Толстая, 1983 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей // Славянское языкознание. М., 1983.
Тронский, 1973 — *Тронский И. М.* К вопросу о «фольклорном стихе» гомеровского эпоса // Philologica: Исследования по языку и литературе: Памяти В. М. Жирмунского. Л., 1973.
Уланов, 1957 — *Уланов А. И.* К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ, 1957.
Унгвицкая—Майногашева, 1972 — *Унгвицкая М. А., В. Е. Майногашева.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972.
Ухов, 1970 — *Ухов П. Д.* Атрибуции русских былин. М., 1970.
Фоки, 1980 — *Fochi A.* Estetica oralităţii. Buc., 1980.

Хиберт, 1984 — *Hiebert Marg.* Oral Compositional Style in Romanian Traditional Narrative Poetry: the Songs of Constantin Staicu. Harvard University, Ph. D. 1984 (University Microfilms International, Ann Arbor, Michigan, USA, 1984).

Черняева, 1976а — *Черняева Н. Г.* К исследованию типологии искусства былинного сказителя // Сов. этнография. 1976. № 5.

Черняева, 1976б — *Черняева Н. Г.* «Обучение» севернорусского былинного сказителя как типологическая проблема // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976.

Черняева, 1978 — *Черняева Н. Г.* Об отношении былинного сказителя к эпическому кодексу поведения // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978.

Черняева, 1980 — *Черняева Н. Г.* Опыт изучения эпической памяти: На материале былин // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980.

Чистов, 1963 — *Чистов К. В.* Современные проблемы текстологии русского фольклора: Докл. на заседании эдиционно-текстол. комис. IV Междунар. съезда славистов. М., 1963.

Чистов, 1980 — *Чистов К. В.* Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980.

Чистов, 1986 — *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. Л., 1986.

Чичеров, 1982 — *Чичеров В. И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982.

Шаракшинова, 1987 — *Шаракшинова Н. О.* Героико-эпическая поэзия бурят. Иркутск, 1987.

Шетеуи, 1942 — *Chettéoui W.* Un rapsode russe: Rjabinin le père. P., 1942.

Шинжин, 1987 — *Шинжин И. Б.* Преемственность сказительского искусства// Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1987.

Шир, 1955 — *Schier K.* Praktische Untersuchungen zur mündlichen Weitergrabe von Volkserzählungen. München, 1955.

Шмаус, 1971 — *Schmaus A.* Ein epenkundliches Experiment // Schmaus A. Gesammelte slavistische und balkanologische Abhandlüngen. München, 1971. Т. I.

Шмаус, 1973 — *Schmaus A.* Stilanalyse und Chronologie: Bugarstica und Zehnsilaberepik // Ibid. München, 1973. Т. II.

Шмитц, 1978 — *Schmitz U.* «Tipische Stellen» mündlicher Dichtung. Würzburg, 1978.

Штефэнукэ, 1942 — *Ştefănică P. V.* O familie de povestitori din Iurceni (Basarabia) // Anuarul arhivei de folklor. Buc., 1942. V. VI.

ИСТОЧНИКИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ И УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абай Гэсэр — Абай Гэсэр / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960.

Абай Гэсэр-хубун — Абай Гэсэр-хубун: Эпопея; Эхирит-булагатский вариант / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1961—1964. Ч. I—II.

Авр.— *Аврорин В. А.* Материалы по нанайскому языку и фольклору / Отв. ред. С. Н. Оненко. Л., 1986.

Авр.—Леб.— *Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* Орочские тексты и словарь. Л., 1978.

Айдурай Марген — Айдурай Мэргэн / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1979.

Алексич — Texte din literatura poporană română adunate de G. Alexici: Poesia tradiţională. Budapesta, 1899. T. I.

Алтын-Бизе — Алтын-Бизе: Героическое сказание / Сказительница Е. К. Ташкамышева; Пер. с алт. Г. Голубева; Горно-Алтайск, 1965.

Амз. КБ — *Amzulescu Al. I.* Cîntece bătrîneşti. Buc., 1974.

Амз. КЕЕ — *Amzulescu Al. I.* Cîntecul epic eroic. Tipologie şi corpus de texte poetice. Buc., 1981.

Аст.— Былины Севера. М.; Л. Т. I; Мезень и Печора / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. 1938; Т. II: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. 1951.

AF ICED — Arhiva de folclor a Institutului de cercetări etnologice şi dialectologice. Buc.

Баск.— *Баскаков Н. А.* Диалект черневых татар туба-кижи: Тексты и пер. М., 1965.

Бел. к.— Беларускія казкі, запісанныя ад Пятра Гулевіча. Минск, 1963.

Бул.— *Булатова Н. Я.* Говоры эвенков Амурской области. Л., 1987.

Бог.— Народне пјесме из старијих, највише приморских записа / Сабрао и на свјет издао В. Богишић. Књ. I.
Бончев — *Бончев Вичо Ил.* Израсло дърво високо: Народни песни / Зап. и ред. Д. Осинин. С., 1950.
БПЗП — Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина—Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.
Был. ЗП XVII—XVIII вв.— Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. Д. Скрипиль. М.; Л., 1960.
Был. Муз.— Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981.
Бырля — *Bîrlea O.* Antologie de proză populară epică. Buc., 1966. Vol. I — III.
БЮЕ — Български юнашки епос / Научен рук. проф. д-р Цв. Романска; Авт. кол.: Р. Ангелова, Л. Богданова, Цв. Романска, Е. Стоин, Ст. Стойкова. С., 1971 (СбНУ; Т. LIII).
Васил.— Исторический фольклор эвенков / Зап. текстов, пер. и коммент. Г. М. Василевич. М.; Л., 1966.
Ватев — *Ватев Ст.* Народни песни от Софийско. С., 1942 (СбНУ; Т. XLIII).
Воск.— *Воскобойников М. Г.* Эвенкийский фольклор. Л., 1960.
Гильф.— Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949—1951. Т. I—III.
Григ.— Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. I. М., 1904; Т. II. Прага, 1939; Т. III. М., 1910.
Гул.— Былины и песни южной Сибири/ Собрание С. И. Гуляева; Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
Дест. Греч.— *Дестунис Г.* Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода // Сб. ОРЯС ИАН. СПб., 1883. Т. XXXIV, № 1.
ДНАП — Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974.
Дыр.— Шорский фольклор / Зап., пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л., 1940.
Евс.— Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950.
E. Cinem.— Encyclopedia cinematographica / Editor: G. Wolf; E 1690/1972; Südost—Europa, Rumänien; Vortragen des Heldensliedes «Iovan Iorgovan» beim herbstlichen Totenfest in Desa. Göttingen: Institut für den Wissenschaftlichen Film, 1973.
Еп. ер.— Епосул ероик / Алкэт., арт. ынтрод. ши комент. де В. М. Гацак. Кишинэу, 1983.
Еренсей — Еренсей / Подгот., текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1968.
Ерл.— Ерлангенски рукопис старих српскохорватских народних песама / Издао Др. Г. Геземан. Ср. Карловци, 1925.
Ефремов — *Ефремов П. Е.* Долганское олонхо. Якутск, 1984.
Избр.— Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. тома Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1969.
ИМ — Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958.
Ирл.— Ирландские саги. 2-е изд., испр. / Пер., предисл., вступ. ст. и коммент. А. А. Смирнова. М.; Л., 1933.
Кан-Алтын — Кан-Алтын: Алтайское народное сказание / Подгот. текста и пер. З. С. Казагачевой. Рукопись (Горно-Алтайский Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы).
Карав.— Болгарские народные песни, собранные Л. Каравеловым / Изд. под наблюдением П. А. Лаврова. М., 1905.
Кар.— *Караџић В. С.* Српске народне пјесме. Београд, 1958. Књ. 2,
Кар. Необ.— Српске народне пјесме: Из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића. Београд, 1974. Књ. 2.
Карам.— *Caraman P.* Literatură populară. Iaşi, 1982.
Кач.— Памятники болгарского народного творчества. Вып. I. Сборник западно-болгарских песен со словарем / Собрал Вл. Качановский. СПБ., 1882.
КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958.
Кир.— Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1862. Вып. I—IV.
Кир., изд. 2 — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изданы Обществом любителей российской словесности. 2-е изд., значительно испр. и доп. М., 1879. Вып. 4.
Кир.— Яз.— Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подгот. текстов к печати, вступ. ст. и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977. Т. I.

КМД Корк.— Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. акад. В. В. Бартольда; Изд. подгот. В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.; Л., 1962.

Когутэй — Алтайский эпос «Когутэй» / Сказитель М. Ютканаков; Пер. Т. Токмашова; Ред. В. Зазубрина; Коммент. Н. Дмитриева. М.; Л., 1935.

Колесса — *Колесса Ф. М.* Мелодії українських народних дум / Підгот. до друку С. Й. Грица. Київ, 1969.

Кон.— Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводн. ст. и коммент. А. М. Линевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

Коргуев — Сказки М. М. Коргуева / Зап. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 2.

Корольк.— Русские народные сказки / Сказки рассказаны... А. Н. Корольковой; Сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1969.

Корча — Balade poporale/Culese de A. Corcea. Caransebeș, 1899.

Кул.—Лук.— Материалы по фольклору хантов / Зап., введ. и примеч. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск, 1978.

Купр.— Эпические песни ненцев / Сост., автор вступ. ст. и коммент. З. Н. Куприянова. М., 1965.

Маадай-Кара — Маадай-Кара: Алтайский героический эпос / Запись текста, пер. на рус. яз. и прил. С. С. Суразакова; Подгот. тома и вступ. ст. И. В. Пухова. М., 1973.

Манас—Манас: Киргизский героический эпос / Сост. и подгот. текста Б. М. Юнусалиева, С. М. Мусаева, К. К. Кырбашева; Пер. А. С. Мирбадалевой, Н. В. Кидайш-Покровской; Коммент. А. С. Мирбадалевой, Н. В. Кидайш-Покровской, С. М. Мусаева. М., 1984—1988. Кн. 1—2.

Марк.— Беломорские былины, записанные А. Марковым / С предисл. проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.

Мил.— Български народни песни / Собрани от братя Миладиновци Д. и К. 4-е изд. / Под ред. на П. Динеков. С., 1961.

Миллер — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской, А. В. Маркова. М., 1908.

МТ —Маңнайнын тоолдары. Кызыл, 1971.

Мыр.— Эвенкийские героические сказания: Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде; Храбрый Содани—богатырь / Вступ. ст., подгот. текстов, пер. и коммент. А. Н. Мыреевой. Рукопись (Институт языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР).

НБ — Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолинский. М., 1978.

Нюргун — Нюргун-боотур стремительный / Текст К. Г. Оросина; Ред. текста, пер. и коммент. Г. У. Эргиса. Якутск, 1947.

Онч.— *Ончуков Н. Е.* Печорские былины. СПб., 1904.

Пантич — народне песме у записама XV—XVII века: Антологија / Избор и предговор М. Пантића. Београд, 1964.

Пар.— Сойм.— Былины Пудожского края / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова; Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

Пертт.— Рода нашего напевы: Избр. песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1985.

ПФ Мез.— Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.

Пэрри—Лорд — Srpsko-hrvatske junacke pjesme / Skupio M. Parry; Uredio i preveo na engleski A. B. Lord. Beograd i Kembridž, 1953. Knj. 2.

Пэск.— Literatură populară românească adunată de Nic. Păsculescu. Buc., 1910.

Рол.— Das altfranzösische Rolandslied nach der Oxforder Handschrift / Herausgeg. von A. Hilka. Halle, Max Niemeye Verlag, 1948.

Ром.—Мыр.— *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Фольклор эвенков Якутии / Под ред. Г. М. Василевич. Л., 1971.

РСПС — Русские свадебные песни Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск, 1979.

Рыбн.— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909—1910. Т. I—II.

Ряб.-Андр. И. Г. — Былины И. Г. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой; статьи А. Астаховой, В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948.

Ряб.-Андр., П. И.— Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов и примеч. В. Базанова; Под. ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.

СБ Тув.— Сказания о богатырях: Тувинский героический эпос / Предисл., пер.,

и коммент. Л. В. Гребнева. Кызыл, 1960.
Сокр. сказ.— *Козин С. А*. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. I.
Сруога — *Sruoga B*. Lietuviu liaudies dainu rinktinė. Kaunas, 1949.
Ст. алб.— Старинные албанские сказания / Пер. с алб. под ред. Д. Самойлова. М., 1958.
Сок.— Чич.— Онежские былины / Подбор былин и научн. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова; Подгот. текста к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948.
Стропт. Кул. — Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо / Сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; Запись В. Н. Васильева; Подгот. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса; Пер. А. А. Попова и И. В. Пухова; Вступ. статья И. В. Пухова, Г. У. Эргиса. М., 1985.
ТГЭ — Тувинский героический эпос: Хунан—Кара, имеющий коня Арзылан—Кара»; «Боктуг Кириш и Бора Шэлей / Подгот. текста С. М. Байсклан; Пер. А. В. Кудиярова. Рукопись (Тувинский Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы).
Теод.— Poezii populare române. Culegere de G. Dem. Teodorescu. Buc., 1885.
Ткачик — Эпос охотских эвенов / В записях Н. П. Ткачика; Гл. ред. В. И. Цинциус; Отв. ред. за тексты и перевод В. Д. Лебедев; Подгот. тома, примеч. Ж. К. Лебедевой (фольклорно-этнографическая часть); Примеч. (лингвистическая часть) В. Д. Лебедева. Якутск, 1986.
Т.—М.— Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. М., 1894.
Точ.—Цапу — *Tocilescu Gr. G*., *Ţapu Chr. N*. Materialuri folcloristice. Ed. critică de studiu intr. de I. Datcu. Buc., 1980, Vol. I.
Укр.—Украинские народные думы / Изд. подгот. Б. П. Кирдан. М., 1972.
Ул. он. хамн.— Улигерыононских хамниган / Подгот. текста, пер., вступ. ст. и примеч. Д. Г. Дамдинова. Новосибирск, 1982.
ФА АН МССР — Фольклорный архив Академии наук Молдавской ССР.
ФА МГУ — Фольклорный архив кафедры русского фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
ФВО — Фольклор Воронежской области / Сост. В. А. Тонков. Воронеж, 1949.
Хадж.— Kenge popullore legjendare/ Zgjedhur e pajisur me shënime nga Q. Haxhihasani. Tiranë, 1955.
Хрв.— Hrvatske narodne pjesme: Skupila i izdala Matica Hrvatska. Zagreb. Knj. I. 1886; Knj. II. 1887; Knj. V. 1940; Knj. IX. 194.
Чар. к.— Чарадзейныя казкі, ч. I. Складальнікі К. П. Кабашникаў, Г. А. Барташэвіч. Мінск, 1973.
Черн.— Русские эпические песни Карелии / Изд. подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.
Шапк.— *Шапкарев К. А*. Сборник от български народни умотворения. С., 1969. Т. 2.
Шаст.— Русские сказки Восточной Сибири. Сост., подгот. текста, коммент. и предисл. Е. И. Шастиной. Иркутск, 1985.
Шуб.— *Шуб. Т. А*. Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки // Русский фольклор. М.; Л., 1956. Т. I.
ЮП — Юнашки песни / Отбр. и редакт. И. Бурин. С., 1961.
Ястр.— *Ястремский С. В*. Образцы народной литературы якутов // Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1929. Т. VII.
ЯФ — Якутский фольклор / Тексты и пер. А. А. Попова. М., 1936.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

ГАЦАК Виктор Михайлович
УСТНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ВО ВРЕМЕНИ
Историческое исследование поэтики

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР
Редактор издательства Г. П. Максимовская. Художник О. В. Камаев
Художественный редактор М. Л. Храмцов. Технический редактор В. В. Тарасова
Корректор Р. С. Алимова

ИБ № 31921

Сдано в набор 03.11.88. Подписано к печати 24.02.89. А-09836. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,72. Усл. кр. отт. 18,72. Уч.-изд. л. 19,7. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 2317.
Цена 4 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864 ГСП-7,
Москва В-485 Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6